

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ II.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1899.

Печатано по опредѣленію Учено - Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Товарищъ Предсѣдателя Общества :

М. Крашениниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества за второй (1898—99) годъ его существованія	VII
2. Отчетъ о дѣятельности Совѣта Общества	X
3. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Общества	XII
4. Отчетъ по кассѣ	XX
5. Отчетъ о состояніи библіотеки	XX
6. Списокъ членовъ Общества	XXI

Приложенія.

7. Правила изданія „Сборника“	XXV
8. Заключение Совѣта Общества по поводу неясностей нѣкоторыхъ §§ Устава Общества объ отдѣленіяхъ Общества	XXVII
9. Протоколъ ревизіонной комиссіи 1897—98 года	XXIX
10. Заключение Совѣта Общества по поводу вышеприведеннаго протокола ревизіонной комиссіи	XXXII
11. Сметъ доходовъ и расходовъ Общества за время отъ 27 апрѣля 1898 г. по 26 апр. 1899 года	XXXVII

ОТДѢЛЪ НАУЧНЫЙ.

1. Проф. А. С. Будило вичъ. О значеніи въ славянской исторіи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ	1
2. Проф. А. С. Будило вичъ. Къ характеристикѣ Палацкаго	21
3. В. Е. Даниле вичъ. Случайныя замѣтки въ области новѣйшей русской нумизматики	66
4. Проф. М. Е. Красно ж енъ. Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ (<i>съ портретомъ А. С. Павлова</i>)	71
5. Н. И. Иван овъ. Описаніе рукописи славянскаго евангелія, найденной въ г. Юрьевъ	98
6. М. Н. Столя ровъ. Н. М. Языковъ въ Дерптѣ	121
7. А. П. Павловъ. Н. П. Знаменскій. (Некрологъ)	150

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

8. Торжественное засѣданіе Общества 23 мая 1899 г., посвященное чествованію памяти А. С. Пушкина	155
9. Проф. протоіерей А. С. Царевскій. Слово, произнесенное предъ панихидою по А. С. Пушкинѣ въ день торжественнаго засѣданія Общества 23 мая 1899 года	158
10. Н. И. Иван овъ. О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина	161
11. М. Н. Столя ровъ. Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина	187

Отдѣлъ офіціальный.

СВѢДѢНІЯ

**о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
второй (1898—99) годъ его существованія.**

Въ истекшемъ второмъ году своего существованія Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ продолжало, по мѣрѣ силъ, служить осуществленію своей задачи, при чемъ результатомъ его учено-литературной дѣятельности является вышедшій въ свѣтъ II томъ Сборника трудовъ Общества. Кромѣ того, съ увеличеніемъ числа своихъ членовъ, въ составъ которыхъ входитъ значительная часть преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній г. Юрьева, Общество нашло возможнымъ расширить свою дѣятельность открытіемъ при немъ педагогическаго Отдѣленія. Учено-Литературное Общество въ истекшемъ году не оставалось также равнодушнымъ къ выдающимся событіямъ умственной русской жизни: вмѣстѣ со всею Россією оно приняло участіе въ чествованіи памяти двухъ знаменитыхъ писателей земли Русской — В. Г. Бѣлинскаго (по случаю 50-ти лѣтій со времени смерти послѣдняго) и А. С. Пушкина (по случаю столѣтія со дня его рожденія*), при чемъ имѣло удовольствіе видѣть въ своихъ засѣданіяхъ, устроенныхъ по сему поводу, кромѣ своихъ членовъ, много постороннихъ лицъ, сочувствующихъ Обществу. Это сочувствіе къ задачамъ юнаго Общества со стороны мѣстной русской интеллигенціи служить лучшимъ залогомъ дальнѣйшаго его преуспѣянія.

*) Памяти знаменитаго чешскаго историка Палацкаго Учено-Литературное Общество также посвятило засѣданіе 3-го октября 1898 года, въ коемъ Предсѣдатель Общества А. С. Будиловичъ сдѣлалъ сообщеніе: „Къ характеристикѣ Палацкаго“.

Учено-Литературное Общество начало свою дѣятельность въ истекшемъ году при слѣдующемъ составѣ должностныхъ лицъ:

Предсѣдатель Общества — Ректоръ Императорскаго Юрьевского Университета — А. С. Будилевичъ.

Товарищъ его — профессоръ того же Университета М. Н. Крашенинниковъ.

Секретарь — профессоръ того же Университета — М. Е. Красноженъ.

Казначей — профессоръ того же Университета — С. К. Богущевскій.

Члены Совѣта Общества: профессоръ того же Университета В. Г. Алексѣевъ, инспекторъ народныхъ училищъ Е. А. Гравитъ и директоръ Юрьевской гимназіи Н. И. Ивановъ.

Библіотекаръ — профессоръ Юрьевского Университета А. Ф. Зачинскій.

Членами Ревизіонной Коммисіи состояли: инспекторъ реального училища В. О. Заицъ, преподаватель Юрьевской гимназіи Н. П. Знаменскій (нынѣ умершій) и профессоръ Юрьевского Университета протоіерей А. С. Царевскій. Въ засѣданіи 29 мая сего года вмѣсто скончавшагося Н. П. Знаменскаго членомъ Ревизіонной Коммисіи избранъ доцентъ Юрьевского Ветеринарнаго Института Я. К. Неготинъ.

Кромѣ годичнаго засѣданія 10 мая 1898 года, Общество въ отчетномъ 1898—99 году имѣло 4 закрытыхъ засѣданія, въ которыхъ присутствовали, на основ. § 23 Уст. Общ., только члены Общества. Засѣданія эти происходили: 22 октября 1898 г.; 18 марта, 12 и 29 мая 1899 г.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ избирались указаннымъ въ § 6 Уст. Общ. порядкомъ члены Общества, а также обсуждались и рѣшались важнѣйшія дѣла — объ открытіи педагогическаго Отдѣленія Общества, объ участіи Общества въ празднованіи столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина и др.

Открытыхъ засѣданій Общества въ отчетномъ году было, кромѣ годичнаго засѣданія 10 мая 1898 года, 9, а именно: 30 мая, 3 и 22 октября, 4 декабря 1898 г.; 18 и 31 марта, 29 апрѣля, 14 и 23 мая 1899 г.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушивались и обсуждались рефераты и сообщенія г.г. членовъ Общества. Всѣхъ рефератовъ на указанныхъ засѣданіяхъ было прочитано 11, а именно: 1898 г. 10 мая — А. С. Будиловичемъ: „Нѣсколько данныхъ и соображеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Дерптско-Юрьевскомъ Университетѣ въ текущемъ столѣтіи“.

3-го октября — А. С. Будиловичемъ: „Къ характеристикѣ Палацкаго (по поводу недавняго юбилея)“.

22-го октября — М. Е. Красноженомъ: „Памяти проф. А. С. Павлова.“

4-го декабря — А. В. Никитскимъ: „Новая книга. Изъ Исторіи Афинъ С. А. Жебелева.“

1899 г. 18-го марта — Н. И. Ивановымъ: „О рукописи церковно-славянскаго Евангелія, найденной въ г. Юрьевѣ.“

31-го марта — М. Н. Крашенинниковымъ: „Античный романъ и его представители.“

29-го апрѣля — М. Н. Столяровымъ: „Н. М. Языковъ въ Дерптѣ.“

А. С. Невзоровымъ: „Сорокалѣтіе женскаго училища Русскаго Благотворительнаго Общества (въ г. Юрьевѣ Лифл. Губерніи)“.

14-го мая — М. Н. Крашенинниковымъ: „Влюбленность и ея леченіе въ древности и теперь.“

23-го мая — Н. И. Ивановымъ: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.“

М. Н. Столяровымъ: „Старый Дерптъ въ жизни и въ поэзіи А. С. Пушкина.“

12 мая 1899 г. состоялось засѣданіе педагогическаго Отдѣленія Учено-Литературнаго Общества, для избранія, согласно § 19 Уст. Общ., предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря. Избранными оказались Н. И. Ивановъ — предсѣдателемъ педагогическаго Отдѣленія, Е. А. Гравитъ — товарищемъ предсѣдателя и В. О. Заицъ — секретаремъ *).

*) 2 іюня педагогическое Отдѣленіе имѣло первое засѣданіе, въ коемъ Н. И. Ивановъ сдѣлалъ два сообщенія: а) „Памяти А. А. Хованскаго“ и б) „Къ исторіи вопроса о приготовленіи учителей для среднихъ учебныхъ заведеній“.

Всѣхъ членовъ Общества къ концу отчетнаго года состоитъ 61*); всѣ они дѣйствительные члены; въ томъ числѣ лицъ, находящихся на учебной службѣ въ Юрьевскомъ Университетѣ, 29, прочихъ лицъ 32; живущихъ въ г. Юрьевѣ 58.

Въ истекшемъ году Общество понесло первую утрату, въ лицѣ скончавшагося дѣйствительнаго члена Н. П. Знаменскаго. 12 мая сего года была отслужена панихида по усопшемъ и въ засѣданіи того же числа память его почтена членами Общества вставаніемъ.

Отчетъ

о дѣятельности Совѣта Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 13 собраній, а именно: 1 іюня, 20 сентября, 24 октября, 10 декабря 1898 года; 29 января, 13 марта, 3, 15, 19, 25 мая, 1, 2 и 3 іюня.

Занятія Совѣта заключались въ слѣдующемъ:

I. Совѣтъ сообщалъ Обществу свѣдѣнія о кандидатахъ, предлагаемыхъ къ избранію въ члены Общества; большая часть этихъ кандидатовъ заявляла свое желаніе вступить въ члены Общества черезъ кого-либо изъ членовъ Совѣта.

II. Обсуждалъ вопросы о времени созванія засѣданій Общества.

III. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ, по примѣру прошлаго года, обращался съ ходатайствомъ въ Правленіе Юрьевскаго Университета о назначеніи субсидіи изъ специальныхъ средствъ Университета. Правленіе отнеслось къ этой просьбѣ сочувственно и назначило Обществу пособие, въ размѣрѣ 300 р. на 1899 годъ.

IV. Озабочиваясь увеличеніемъ библіотеки Общества, Совѣтъ обращался къ различнымъ ученымъ учрежденіямъ съ просьбою объ обмѣнѣ печатанными изданіями и къ от-

*) Къ концу прошлаго (1897—98) года число членовъ Общества равнялось 57.

дѣльнымъ лицамъ съ просьбою о пожертвованіи ихъ печатныхъ трудовъ въ бібліотеку Общества.*) На просьбу эту отозвались весьма сочувственно, какъ нѣкоторыя ученыя учрежденія, такъ и частныя лица, коимъ Совѣтъ считаетъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность.

V. Озабочиваясь распространеніемъ I тома Сборника, изданнаго Обществомъ въ 1898 г., Совѣтъ Общества сдѣлалъ публикаціи о выходѣ въ свѣтъ этого тома и роздалъ отдѣльные экземпляры его на комисію въ книжные магазины и нѣкоторымъ лицамъ.

VI. Совѣтъ Общества выработалъ правила изданія Сборника Учено-Литературнаго Общества**) и, во исполненіе порученія общаго собранія 18 марта 1899 г., по поводу открытія педагогическаго Отдѣленія Общества, обсудилъ неясности нѣкоторыхъ параграфовъ Устава Общества и составилъ заключеніе по этому вопросу***)

VII. Въ виду обезпеченія твердаго порядка на засѣданіяхъ Общества, въ коихъ дѣлаются сообщенія и происходятъ пренія по поводу сихъ сообщеній, Совѣтъ†) нашелъ нужнымъ принять на будущее время за правило, чтобы Предсѣдательствующій передавалъ кому либо изъ членовъ Совѣта свои права на то время, когда онъ самъ дѣлаетъ докладъ ††).

VIII. Нѣсколько засѣданій†††) Совѣтъ посвятилъ разработкѣ программы торжественнаго засѣданія въ честь А. С. Пушкина.

IX. Наконецъ, дѣятельность Совѣта состояла въ исполненіи порученія Общества относительно печатанія его трудовъ, при чемъ редакція печатаемыхъ во II томѣ Сборника статей была поручена Товарищу Предсѣдателя М. Н. Крашенинникову.

*) №№ исходящихъ бумагъ въ отчетномъ году было 140.

**) Правила изданія Сборника помѣщены въ приложеніи № 1.

***) Заключеніе это помѣщено въ приложеніи № 2.

†) По предложенію члена Совѣта С. К. Богушевскаго.

††) Случаи эти Уставомъ Общества не предусмотрены.

†††) 3, 15, 19 мая 1899 г.

Извлеченія

изъ протоколовъ засѣданій Общества *).

Засѣданіе годичное

10 мая 1898 г.

На основаніи §§ 20-го и 21-го Устава Общества, 10 мая 1898 г. состоялось въ залѣ Совѣта Юрьевскаго Университета первое годичное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества гг.: В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. П. Знаменскій, Н. И. Ивановъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красножентъ, М. Н. Крашенинниковъ, Я. И. Лаутенбахъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, Г. Л. Трефнеръ, А. С. Царевскій, Е. А. Черноусовъ, А. Н. Ясинскій, а также многіе посторонніе гости.

Послѣ слова дѣйствительнаго члена Общества профессора православнаго богословія протоіерея А. С. Царевскаго о важномъ значеніи перваго русскаго Учено-Литературнаго Общества въ здѣшнемъ краѣ, было совершенно благодарственное молебствіе.

За тѣмъ, Предсѣдателемъ Общества А. С. Будиловичемъ произнесена была рѣчь, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько данныхъ и соображеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Дерптско-Юрьевскомъ Университетѣ въ текущемъ столѣтіи.“

Послѣ означенной рѣчи, Секретаремъ Общества М. Е. Красноженомъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества за истекшій (1897—98) годъ.

*) На основаніи § 23-го Устава Общества, засѣданія Общества бываютъ закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами, по заявленіи о томъ Предсѣдателю.

Далѣ, доложены были: протоколъ Ревизіонной Комиссіи Учено-Литературнаго Общества*) и заключеніе Совѣта Общества**), при чемъ по поводу послѣдняго высказаны были замѣчанія г. г.: А. Н. Ясинскимъ, Н. И. Ивановымъ, А. С. Будиловичемъ, М. Е. Красноженомъ, В. Г. Алексѣевымъ, А. С. Невзоровымъ, С. К. Богушевскимъ и А. В. Никитскимъ.

Собраніе постановило на будущее время:

1) протоколы общихъ засѣданій Общества вести, по прежнему, на отдѣльныхъ листахъ, при чемъ А. С. Невзоровъ остался при особомъ мнѣніи;

2) шнуровыхъ книгъ для квитанцій, для записи прихода и расхода денежныхъ суммъ и для каталоговъ и описей библиотеки не заводить, а перенумеровывать листы и скрѣплять ихъ подписью и печатью; размѣръ взносовъ какъ на квитанціяхъ, такъ и на корешкѣ обозначать; переноса же суммъ на корешкѣ каждой квитанціи не отмѣчать; статьи расхода и прихода въ прихода-расходной книгѣ (которая должна имѣть характеръ журнала) перенумеровывать;

3) новопоступающія книги предъявлять на просмотръ гг. членамъ Общества въ общихъ собраніяхъ.

Заслушана была также смѣта на будущій 1898—99 годъ.

Собраніе постановило отчетъ и смѣту утвердить, причемъ выразило свою благодарность Предсѣдателю, Секретарю, членамъ Совѣта Общества, членамъ Ревизіонной Комиссіи и Редактору I тома Сборника Учено-Литературнаго Общества.

Избраны въ дѣйствительные члены Общества, посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Уст. Общ.), заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета и Казанской Духовной Академіи И. С. Бердниковъ, инспекторъ Юрьевской Гимназіи Н. Я. Кипріановичъ и учитель Городскаго училища П. А. Сироткинъ.

На основаніи §§ 10-го, 12-го, 17-го и 21-го, произведены были выборы должностныхъ лицъ и членовъ Ревизіонной Комиссіи ***).

*) См. приложение № 3.

**) См. приложение № 4.

***) Лица эти поименованы выше (см. стр. VIII).

Засѣданіе

30 мая 1898 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены общества г.г.: Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. П. Знаменскій, Н. И. Ивановъ, А. С. Игнатовскій, Н. Я. Кипріановичъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Я. Ф. Озе, А. П. Павловъ, С. И. Роше, Н. А. Скрябинъ, М. Н. Столяровъ, А. И. Томсонъ, Г. Л. Трефнеръ и М. А. Янковичъ, а также многіе посторонніе гости.

Товарищъ Предсѣдателя Общества М. Н. Крашенинниковъ сдѣлалъ сообщеніе, посвященное: „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (по случаю 50-ти лѣтъ со времени смерти послѣдняго).

Замѣчанія по поводу этого сообщенія сдѣланы были г.г.: А. С. Будиловичемъ, Н. И. Ивановымъ, М. Е. Красноженомъ, А. С. Невзоровымъ и М. Н. Столяровымъ.

Засѣданіе

3 октября 1898 года*).

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества г.г.: В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, А. С. Будиловичъ, М. А. Ганзеръ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. П. Знаменскій, Н. Я. Кипріановичъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. П. Курчинскій, Я. И. Лаутенбахъ, В. К. Мальмбергъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, Н. А. Скрябинъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, С. И. Чирвинскій, Е. Ф. Шмурло.

*) Созванное 3 октября 1898 г. закрытое засѣданіе Учено-Литературнаго Общества, за недостаткомъ требуемаго § 26 Уст. Общ. числа членовъ, состояться не могло.

Предсѣдатель Общества А. С. Будиловичъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Къ характеристикѣ Палацкаго (по поводу недавняго юбилея).“

Засѣданія

22 октября 1898 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества г.г.: В. Г. Алексѣевъ, А. С. Будиловичъ, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравить, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, Н. Я. Кипріановичъ, М. Е. Красноженъ, А. С. Невзоровъ, Е. В. Пѣтуховъ, П. А. Сироткинъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, А. С. Царевскій.

I. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избраны посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6-го Устава Общества) въ дѣйствительные члены Общества учитель Городскаго училища И. И. Давись, доцентъ Ветеринарнаго Института Я. К. Неготинъ и библіотекарь Русской публичной Библіотеки въ г. Юрьевѣ И. А. Юркатамъ.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества Секретарь Общества М. Е. Красноженъ сдѣлалъ сообщеніе, посвященное „Памяти проф. А. С. Павлова“ *).

Нѣсколько замѣчаній относительно личности и трудовъ покойнаго А. С. Павлова сдѣланы г.г. Невзоровымъ и Пѣтуховымъ.

Засѣданіе

4 декабря 1898 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества г.г.: Н. А. Александровъ, В. А. Афанасьевъ, А. С. Будиловичъ, Н. Н. Бѣлявскій, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравить, В. Е. Данилевичъ, Н. И. Ивановъ, М. Н. Крашенинниковъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Н. А. Скрябинъ, П. А. Сироткинъ, М. Н. Столяровъ, А. И. Томсонъ, Г. Л. Трефнеръ, Е. А. Чернусовъ, С. I. Чирвинскій, А. Н. Ясинскій.

*) Сообщеніе это помѣщено во II томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества, подъ заглавіемъ: „Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ“.

Дѣйствительный членъ Общества А. В. Никитскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Новая книга: Изъ исторіи Аѳинъ С. А. Жебелева“.

Засѣданія

18 марта 1899 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовали члены Общества г.г.: В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, В. О. Заицъ, Н. И. Ивановъ, А. С. Игнатовскій, Н. Я. Кипріановичъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. П. Курчинскій, В. К. Мальмбергъ, А. В. Никитскій, А. П. Павловъ, Е. В. Пѣтуховъ, Н. А. Скрыбинъ, П. А. Сироткинъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, Е. А. Черноусовъ, С. І. Чирвинскій, А. Н. Ясинскій и М. А. Янковичъ.

І. Въ закрытомъ засѣданіи Общества избраны посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6 Устава Общества) въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: Смотрительница Маріинскаго Училища Е. Ф. Кувичинская, учительница того же училища Е. А. Токарская, учителя начального городского училища Ф. Г. Нарускъ и М. Д. Рейникъ, учитель Реального Училища Т. Л. Шаталовъ.

Обсуждался предложенный нѣкоторыми членами Общества вопросъ объ открытіи педагогическаго Отдѣленія Учено-Литературнаго Общества, при чемъ собраніе постановило открыть педагогическое Отдѣленіе теперь же и просить Совѣтъ Общества представить слѣдующему общему собранію заключеніе по поводу неясностей, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ §§ Устава Общества, трактующихъ объ отдѣленіяхъ Общества *).

Затѣмъ, обсуждалось предложеніе Совѣта Общества объ участіи Учено-Литературнаго Общества въ празднованіи столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Собраніе постановило устроить по этому поводу торжественное засѣданіе, день котораго, по возможности, совпадалъ бы съ днемъ годичнаго засѣданія Общества, при чемъ обратилось къ присутствовавшимъ въ настоящемъ засѣданіи членамъ Общества Н. И. Иванову, В. О. Заицу, А. П. Павлову, Е. В. Пѣтухову,

*) Заключеніе это помѣщено въ приложеніи № 5.

М. Н. Столярову и Т. Л. Шаталову съ просьбою принять на себя произнесеніе рѣчей въ предполагаемомъ въ честь А. С. Пушкина засѣданіи.

II. Въ открытомъ засѣданіи Общества дѣйствительный членъ Общества Н. И. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе „О рукописи церковно-славянскаго Евангелія, найденной въ городѣ Юрьевѣ *).“

Засѣданіе

31 Марта 1899 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества г.г.: В. А. Афанасьевъ, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, Я. И. Лаутенбахъ, В. К. Мальмбергъ, Ф. Г. Нарускъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, М. Д. Рейникъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, Т. Л. Шаталовъ.

Товарищъ Предсѣдателя Общества М. Н. Крашенинниковъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Античный романъ и его представители“ **).

Засѣданіе

29 апрѣля 1899 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества г.г.: Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, В. Е. Данилевичъ, Н. И. Ивановъ, И. Л. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, Ф. Г. Нарускъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, М. Д. Рейникъ, П. А. Сироткинъ, Н. А. Скрябинъ, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, Е. А. Черноусовъ и А. Н. Ясинскій.

Дѣйствительный членъ Общества М. Н. Столяровъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Н. М. Языковъ въ Дерптѣ“ ***).

Въ томъ же засѣданіи дѣйствительный членъ А. С. Невзоровъ сдѣлалъ сообщеніе: „Сорокалѣтіе женскаго училища Русскаго Благотворительнаго Общества въ гор. Юрьевѣ, Лифлянд. Губ.“

*) Сообщеніе это напечатано подъ означеннымъ заглавіемъ во II томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества.

**) Сообщеніе это будетъ напечатано въ слѣдующемъ томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества.

***) Сообщеніе это напечатано подъ означеннымъ заглавіемъ во II томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества.

Засѣданіе

14 мая 1899 года.

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества г.г.: Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, Н. Н. Бѣлявскій, В. Е. Данилевичъ, В. О. Заицъ, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, Н. Я. Кипріановичъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. В. Кривцова, В. П. Курчинскій, Ф. Г. Нарускъ, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій, Е. В. Пѣтуховъ, М. Д. Рейникъ, Б. И. Срезневскій, М. Н. Столяровъ, Г. Л. Трефнеръ, И. А. Юркатамъ, М. А. Янковичъ.

Товарищъ Предсѣдателя М. Н. Крашенинниковъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Влюбленность и ея леченіе въ древности и теперь.“

Въ преніяхъ по поводу этого доклада приняли участіе гг. члены Общества: А. С. Невзоровъ и М. Н. Столяровъ и посторонніе гости: А. Я. Александрова и П. П. Граве.

Засѣданіе

23 мая 1899 года.

Въ засѣданіи этомъ, посвященномъ чествованію памяти А. С. Пушкина, присутствовали члены Общества г.г.: Н. А. Александровъ, В. Г. Алексѣевъ, В. А. Афанасьевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, М. А. Ганзеръ, Е. А. Гравитъ, В. Е. Данилевичъ, В. О. Заицъ, А. Ф. Зачинскій, Н. И. Ивановъ, А. С. Игнатовскій, Н. Я. Кипріановичъ, И. А. Кондаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, Е. Ф. Кувичинская, В. П. Курчинскій, Я. И. Лаутенбахъ, В. К. Мальмбергъ, Ф. Г. Нарускъ, А. С. Невзоровъ, Я. К. Неготинъ, Я. Ф. Озе, А. П. Павловъ, Е. В. Пѣтуховъ, М. Д. Рейникъ, Н. А. Скрябинъ, Б. И. Срезневскій, М. Н. Столяровъ, А. И. Томсонъ, Г. Л. Трефнеръ, А. С. Царевскій, М. А. Янковичъ и многіе посторонніе гости.

Передъ засѣданіемъ дѣйствительный членъ Общества протоіерей А. С. Царевскій произнесъ слово, посвященное памяти А. С. Пушкина.

Затѣмъ, отслужена была панихида по усопшемъ великомъ писателѣ земли Русской, при чемъ пѣлъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ г. Кондратьева.

На засѣданіи были произнесены рѣчи — дѣйствительнымъ членомъ Общества Н. И. Ивановымъ: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“ и дѣйствительнымъ членомъ М. Н. Столяровымъ: „Дерптъ въ жизни и въ поэзіи Пушкина“.

Дѣйствительный членъ Общества А. П. Павловъ продекламировалъ нѣсколько лирическихъ произведеній А. С. Пушкина.

Въ перерывахъ между рѣчами пѣлъ гимназическій хоръ и игралъ оркестръ, подъ управленіемъ г. Якоба.

Засѣданіе

29 мая 1899 года *).

Въ засѣданіи присутствовали члены Общества гг.: В. Г. Алексѣевъ, Л. С. Богушевская, С. К. Богушевскій, В. Е. Данилевичъ, В. О. Зайцъ, Н. И. Ивановъ, Н. Я. Киприановичъ, М. Н. Крашенинниковъ, Е. Ф. Кувичинская, Я. К. Неготинъ, А. В. Никитскій, П. А. Сироткинъ, Н. А. Скрябинъ, А. С. Царевскій, Е. А. Черноусовъ.

Избраны въ дѣйствительные члены Общества посредствомъ закрытой баллотировки (на основ. § 6 Уст. Общ.): экстраординарный профессоръ Юрьевского Ветеринарнаго Института К. К. Гаппихъ, ассистентъ при бактериологической станціи того же Института А. В. Михайловъ, преподаватель Юрьевской гимназіи Д. Н. Золотаревъ и учитель городского народнаго училища Г. К. Кима.

Избранъ членомъ Ревизіонной Коммисіи (на мѣсто скончавшагося Н. П. Знаменскаго) доцентъ Юрьевского Ветеринарнаго Института Я. К. Неготинъ.

Принято къ свѣдѣнію постановленіе Совѣта Общества отъ 15 мая 1899 года о томъ, чтобы Предсѣдательствующій передалъ кому-либо изъ членовъ Совѣта свои права на то время, когда онъ самъ дѣлаетъ докладъ, или принимаетъ участіе въ преніяхъ по чужимъ докладамъ. При этомъ В. Е. Данилевичъ остался при особомъ мнѣніи.

*) Закрытое засѣданіе 28 мая 1899 года не состоялось за недостаткомъ требуемаго § 26 Уст. Общ. числа членовъ.

Отчетъ

о состояніи кассы Общества за время отъ 27 апрѣля
1897 по 1 іюня 1899 г.

Приходъ.		Р.	К.
Остатокъ отъ 1897/98 г.		536	6
Членскіе взносы		141	—
Отъ продажи I т. Сборника		9	80
Прочихъ поступленій		9	6
Расходъ.		Итого	695 92
За напечатаніе I т. Сборника		450	—
Публикаціи		30	—
Устройство засѣданія въ память А. С. Пушкина, раз- сылка циркуляровъ, канцелярскіе и прочіе расходы		63	41
		Итого	543 41
Касса къ 1 іюня.			
На текущемъ счету въ Псковскомъ Коммерческомъ			
Банкѣ		100	—
Наличными деньгами		52	51
		Итого	152 51

Отчетъ

о состояніи библіотеки Общества.

Къ началу отчетнаго года въ библіотекѣ числилось 28 томовъ. Въ теченіе отчетнаго года поступило въ даръ 38 томовъ, а именно: отъ проф. И. С. Бердникова 3 — тома; отъ проф. М. Е. Красножена — 1 томъ; отъ проф. В. А. Лебедева — 15 томовъ; отъ Правленія Императорскаго Юрьевского Университета — 2 тома; отъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края — 1 томъ; отъ Археографической комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества — 2 тома; отъ Курскаго Юридическаго Общества — 12 томовъ; отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества — 1 томъ и отъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца — 1 томъ.

Состоитъ къ 25 мая 1899 года — 66 томовъ.

Списокъ

членовъ Общества.

Должностныя лица :

Предсѣдатель Общества — Антонъ Семеновичъ Будил-
ловичъ, Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Товарищъ Предсѣдателя — Михаилъ Никитичъ Краше-
нинниковъ, профессоръ того-же Университета.

Секретарь — Михаилъ Егоровичъ Красноженъ, профес-
соръ того-же Университета.

Казначей — Сергѣй Казиміровичъ Богушевскій, профес-
соръ того же Университета.

Члены Совѣта Общества:

Виссаріонъ Григорьевичъ Алексѣевъ, профессоръ того-
же Университета.

Ермолай Ананьевичъ Гравить, инспекторъ народныхъ
училищъ.

Николай Ивановичъ Ивановъ, директоръ Юрьевской
классической гимназіи.

Библіотекаръ:

Адамъ Францовичъ Зачинскій, профессоръ Юрьевскаго
Университета.

Дѣйствительные члены :

1. Александровъ, Николай Александровичъ, доцентъ
Ветеринарнаго Института (съ 20 октября 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ
Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ
Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
4. Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный про-
фессоръ Императорскаго Казанскаго Университета и Ка-
занской Духовной Академіи (съ 10 мая 1898 г.).
5. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора
Университета (съ 23 октября 1897 г.).
6. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ
Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

7. Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, Ректоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
8. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Васильевъ, Степанъ Михайловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
10. Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ Городскаго училища (съ 26 августа 1898 г.).
11. Грабаръ, Владиміръ Эммануиловичъ, доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
12. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Ветеринарнаго Института (съ 29 мая 1899 г.).
13. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 29 января 1898 г.).
14. Дависъ, Иванъ Ивановичъ, учитель Городскаго училища (съ 22 октября 1898 г.).
15. Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель Реальнаго училища (съ 23 октября 1897 г.).
16. Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
17. Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ Реальнаго училища (съ 26 марта 1898 г.).
18. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
19. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, учитель Гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).
20. Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Гимназіи (съ 19 декабря 1897 г.).
21. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
22. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начальнаго городскаго училища (съ 29 мая 1899 г.).
23. Кипріановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ Гимназіи (съ 10 мая 1898 г.).
24. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
25. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
26. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ Университета (съ 5 марта 1898 г.).

27. Кривцова, Варвара Васильевна, жена профессора Университета (съ 26 марта 1898 г.).
28. Кривцовъ, Александръ Сергѣевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
29. Кувичинская, Елена Федоровна, смотрительница Маріинскаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
30. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
31. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ Университета (съ 23 октября 1897 г.).
33. Михайловъ, Александръ Васильевичъ, ассистентъ Ветеринарнаго Института (съ 29 мая 1899 г.).
34. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899).
35. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
36. Неготинъ, Яковъ Кузмичъ, доцентъ Юрьевскаго Ветеринарнаго Института (съ 22 октября 1898 г.).
37. Никитскій, Александръ Васильевичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей Посольской Церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
39. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
40. Павловъ, Александръ Павловичъ, учитель Гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
41. Петровъ, Василій Васильевичъ, учитель Гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
42. Придикъ, Александръ Мартиновичъ, доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. Пѣтуховъ, Евгеній Вячеславовичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
44. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
45. Роше, Степанъ Ивановичъ, лекторъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
46. Сироткинъ, Павелъ Андреевичъ, учитель Городскаго училища (съ 10 мая 1898 г.).

47. С к р я б и н ъ , Николай Александровичъ, учитель Гимназіи (съ 29 января 1898 г.).
48. С р е з н е в с к і й , Борисъ Измаиловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
49. С т о л я р о в ъ , Михаилъ Николаевичъ, учитель Юрьевской Учительской Семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
50. Т о к а р с к а я , Евгенія Антоновна, учительница Маріинскаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
51. Т о м с о н ъ , Арведъ Ивановичъ, приватъ-доцентъ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
52. Т р е ф н е р ъ , Гуго Людвиговичъ, директоръ частной Гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
53. Ц а р е в с к і й , Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. Ч е р м а к ъ , Николай Карловичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
55. Ч е р н о у с о в ъ , Евгений Александровичъ, учитель Реального Училища (съ 23 октября 1897 г.).
56. Ч и р в и н с к і й , Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Университета (съ 5 марта 1898 г.).
57. Ш а т а л о в ъ , Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
58. Ш а т а л о в ъ , Трофимъ Лонгиновичъ, учитель Реального Училища (съ 18 марта 1899 г.).
59. Ю р к а т а м ъ , Иванъ Алексѣевичъ, бібліотекарь Русской публичной бібліотеки въ г. Юрьевѣ (съ 22 октября 1898 г.).
60. Я н к о в и ч ъ , Марія Адамовна, учительница Маріинскаго Училища (съ 23 октября 1897 г.).
61. Я с и н с к і й , Антонъ Никитичъ, профессоръ Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

Правила

**изданія „Сборника Учено - Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ
Университетѣ“.**

§ 1.

„Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“ распадается на два отдѣла: официальный и неофициальный (научно-литературный).

§ 2.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются: годичный отчетъ о составѣ, дѣятельности, средствахъ и библіотекѣ Общества, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта и Общества, а равно изъ отчетовъ ревизіонной коммисіи, и резюме сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества, но почему либо не вошедшихъ въ составъ „Сборника“.

§ 3.

Въ неофициальномъ (научно-литературномъ) отдѣлѣ помѣщаются сообщенія, сдѣланныя въ засѣданіяхъ Общества и одобренныя Совѣтомъ послѣдняго къ помѣщенію въ „Сборникъ“, а равно и другія статьи, при условіи такого же одобренія со стороны Совѣта.

§ 4.

Въ редакторы „Сборника“ избирается одинъ изъ членовъ Совѣта, по усмотрѣнію послѣдняго, при чемъ предварительная редакція официального отдѣла возлагается на Секретаря Общества.

§ 5.

Избранный Совѣтомъ редакторъ „Сборника“ сносится съ типографіей по всѣмъ вопросамъ, касающимся печатанія „Сборника“. Онъ же выбираетъ шрифтъ и скрѣпляетъ своею подписью послѣднія корректуры, а также, по возможности, проводитъ единство орфографіи въ соотвѣтственномъ томѣ „Сборника“.

Примѣчаніе. Проектъ соглашенія съ типографіей вносится редакторомъ въ Совѣтъ Общества для утвержденія.

§ 6.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, должны доставляться авторами редактору въ полномъ ихъ объемѣ и уже въ окончательной редакціи. По разсмотрѣніи этихъ рукописей, редакторъ препровождаетъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ Секретарю Общества для ознакомленія съ ними и прочихъ членовъ Совѣта, послѣ чего Совѣтъ рѣшаетъ вопросъ о напечатаніи представленныхъ статей путемъ закрытаго голосованія простымъ большинствомъ голосовъ.

Примѣчаніе. Совѣтъ Общества, въ случаѣ надобности, обращается къ специалистамъ для полученія отъ нихъ отзывовъ о предназначаемыхъ для „Сборника“ статьяхъ.

§ 7.

Печатаніе отдѣльныхъ статей производится, по возможности, въ послѣдовательности ихъ одобренія Совѣтомъ Общества къ помѣщенію въ „Сборникъ“.

§ 8.

Авторы статей, помѣщенныхъ въ „Сборникъ“, имѣютъ право на бесплатное полученіе до трехсотъ (300) отдѣльныхъ оттисковъ, при чемъ эти оттиски выдаются въ обложкахъ, если статья занимаетъ печатный листъ или болѣе, и безъ обложекъ, если статья менѣе одного печатнаго листа.

§ 9.

„Сборникъ“ издается въ неопредѣленные сроки томами или отдѣльными выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала.

§ 10.

Количество экземпляровъ каждого тома „Сборника“ за-
благовременно опредѣляется Совѣтомъ Общества.

§ 11.

Цѣна отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ „Сборника“
устанавливается Совѣтомъ Общества при выходѣ ихъ въ
свѣтъ.

Приложеніе № 2.

Заключеніе

**Совѣта Учено - Литературнаго Общества по поводу
неясностей нѣкоторыхъ §§ Устава Общества объ от-
дѣленіяхъ Общества *).**

Въ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества 19 марта
текущаго года, при обсужденіи вопроса объ открытіи педа-
гогическаго Отдѣленія Общества, возникли, въ виду неяс-
ности нѣкоторыхъ §§ Устава, пренія по нижеслѣдующимъ
вопросамъ :

1) въ виду § 26 Устава о порядкѣ избранія желающихъ
вступить въ члены Отдѣленія, а именно, должны-ли лица, не
состоящіе членами Общества и желающіе вступить въ члены
Отдѣленія, предварительно быть избраны въ члены Обще-
ства, или они могутъ быть избраны непосредственно въ члены
Отдѣленія;

2) въ виду § 19 Устава — о правахъ членовъ Отдѣленія
быть избираемыми въ должности Предсѣдателя, его Товарища
и Секретаря, а именно, должны-ли быть избираемы въ озна-

*) Редактировано членомъ Совѣта Н. И. Ивановымъ.

ченныя должности лишь лица, состоящія или состоявшія профессорами въ Университетѣ (§ 12 Уст.), или могутъ быть избираемы въ упомянутыя должности и иные члены Отдѣленія, не принадлежащіе къ служащимъ или служившимъ въ Университетѣ;

3) въ виду §§ 19 и 21 Уст. — о срокѣ, съ котораго должны быть избраны должностныя лица открываемаго Отдѣленія.

Совѣтъ Общества, рассмотрѣвъ, по порученію вышеозначеннаго собранія, изложенные вопросы, пришелъ, на основаніи сопоставленія между собою различныхъ §§ Устава, къ слѣдующимъ рѣшеніямъ ихъ:

I. Членами Отдѣленія могутъ быть только лица, состоящія уже членами Общества, что видно изъ § 4 Уст., гдѣ перечисляются категоріи членовъ, составляющихъ Общество, при чемъ особыхъ членовъ Отдѣленія не указано; непосредственное избраніе постороннихъ лицъ въ члены Отдѣленія въ засѣданіяхъ самаго же Отдѣленія Уставомъ Общества не допускается, такъ какъ ни одинъ § Устава не говоритъ о такомъ избраніи. Выраженіе же Устава: „Въ закрытыхъ засѣданіяхъ избираются члены Общества или Отдѣленія“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что лица, заявляющія желаніе состоять членами Отдѣленія и не состоящія членами Общества, избираются, на общемъ основаніи, въ собраніи членовъ Общества и пользуются всѣми правами и несутъ всѣ обязанности членовъ Общества. Совѣтъ Общества полагаетъ, что если-бы Уставъ Общества имѣлъ въ виду предоставить Отдѣленію право въ собраніяхъ его членовъ производить избраніе постороннихъ лицъ въ члены, независимо отъ общихъ собраній Общества, то указанія на этотъ порядокъ избранія членовъ Отдѣленія были бы изложены въ отдѣльныхъ §§ Устава, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

II. § 19 Устава указываетъ лишь порядокъ и срокъ избранія должностныхъ лицъ Отдѣленія, а не основанія избранія; по сему Совѣтъ полагаетъ, что спеціальныя ограниченія правъ членовъ Общества относительно избранія въ должности Предсѣдателя, его Товарища и Секретаря, указанныя въ § 12 Устава, къ Отдѣленію не относятся и что означенными лицами Отдѣленія могутъ быть какъ члены изъ лицъ, состоящихъ или состоявшихъ профессорами въ Университетѣ, такъ равно и изъ числа другихъ членовъ.

III. Предоставить наличному составу членовъ вновь открываемаго Отдѣленія теперь же избрать изъ среды своихъ членовъ должностныхъ лицъ на тотъ срокъ, какой оно сочтетъ удобнымъ, руководствуясь § 19 Устава.

Приложеніе № 3.

Протоколъ

**Ревизіонной Коммисіи Учено - Литературнаго
Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьев-
скомъ Университетѣ.**

Избранная въ засѣданіи Общества 16-го апрѣля 1898 г. Ревизіонная Коммисія, въ составѣ членовъ: Л. С. Богушевской, Н. И. Иванова и А. Н. Ясинскаго, произвела въ засѣданіи своемъ 25 апрѣля повѣрку кассы, отчета и библіотеки и нашла бумаги и книги секретаря въ исправности, денежные средства и библіотеку Общества въ сохранности. Однако при этомъ Коммисія усмотрѣла нѣкоторыя неточности, не-правильности и упущенія, которыя не могли не вкрасться въ дѣлопроизводство молодого Учено-Литературнаго Общества, закончившаго только первый годъ своего существованія.

I. Для протоколовъ общихъ собраній не имѣется отдѣльной и переплетенной книги, какая почему-то заведена только для записи протоколовъ Совѣта. Протоколы Общихъ собраній, написанные на отдѣльныхъ листахъ, заключенныхъ въ одну папку, не являются вполне точнымъ отраженіемъ дѣятельности Общихъ собраній, такъ какъ составляемы были не во время засѣданій, какъ обыкновенно принято, а послѣ нихъ, по памяти: 1) хотя въ дѣйствительности сначала бываетъ открытое, а потомъ закрытое засѣданіе, но въ протоколахъ обыкновенно указанъ обратный порядокъ; 2) въ повѣсткѣ и на самомъ дѣлѣ докладъ д. чл. А. Ясинскаго имѣлъ заглавіе: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации Прибалтійскаго побережья“, а въ протоколѣ 20 ноября записано, что слушали якобы докладъ: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германи-

зації Прибалтійських славянъ“; 3) въ протоколѣ 29 января по поводу реферата д. чл. С. Роше не отмѣчено то обстоятельство, что происходили пренія; 4) рѣшеніе Общаго собранія ознаменовать день годичнаго собранія торжественнымъ богослуженіемъ въ протоколѣ 16 апрѣля не занесено, хотя о таковомъ рѣшеніи упомянуто въ отчетѣ; 5) протоколы Общихъ собраній не подписаны присутствовавшими членами.

II. Представленный на разсмотрѣніе комиссіи отчетъ является механическимъ сводомъ отдѣльныхъ протоколовъ, а не систематической переработкой, какъ протоколовъ, такъ и другихъ матеріаловъ, а потому не можетъ вполне ясно ознакомить съ дѣятельностью Общества: 1) въ отчетѣ не сообщаются данныя о состояніи кассы и бібліотеки; 2) не указано общаго числа членовъ, ибо должностныя лица и члены Совѣта выдѣлены почему-то при исчисленіи изъ состава другихъ дѣйствительныхъ членовъ, хотя ихъ фамиліи названы въ общемъ перечнѣ; 3) не отмѣчено число членовъ, не уплатившихъ годичнаго взноса.

III. Въ дѣлопроизводствѣ по кассѣ Общества Комиссія усмотрѣла также погрѣшности: 1) на квитанціяхъ, выдаваемыхъ казначеимъ, не обозначается сумма полученія; 2) на корешкахъ квитанціонной книги не обозначается переносъ суммъ; 3) статьи въ приходо-расходной книгѣ не перенумерованы; 4) по записи въ приходо-расходной книгѣ отъ 26 октября 1897 года о поступленіи членскихъ взносовъ отъ д. чл. В. Ф. Чижа и А. С. Царевскаго обозначены ошибочно номера квитанцій; 5) безъ всякаго основанія взносы дѣйствительныхъ членовъ выдѣлены въ особую категорію или статью дохода, а всѣ прочія поступленія, не смотря на ихъ различную природу, въ другую; 6) исчисленіе суммъ ведется какъ примѣнительно къ гражданскому, такъ и — отчетному году, что является излишнимъ обремененіемъ дѣлопроизводства; 7) въ дѣлахъ Общества не имѣется указанія, какое состоялось постановленіе Совѣта о приобрѣтеніи цѣнныхъ бумагъ, какія именно изъ нихъ и когда были приобрѣтены, а потому показанное по приходо-расходной книгѣ количество процентныхъ денегъ не поддается исчисленію, доступному для членовъ Комиссіи; 8) среди другихъ оправдательныхъ документовъ не были предъявлены казначеимъ росписки секретаря въ полученіи имъ 2 р. 60 к. на почтовые и 10 р. на канцелярскіе расходы; 9) уплата Унгеру за книгу-каталогъ помѣчена въ

прихода-расходной книгѣ 22 апрѣля, тогда какъ росписка купца написана 16 апрѣля; 10) вопреки постановленію Совѣта о храненіи суммъ свыше 50 р. въ отдѣленіи Псковскаго банка, на рукахъ казначея въ день ревизіи оказалась вся наличность въ количествѣ 536 р. 6 к. бумажками и золотомъ.

IV. Въ дѣлопроизводствѣ по библиотекѣ, Коммиссія усмотрѣла слѣдующія неисправности: 1) на книгахъ не представлены клейма или печати удостоверяющія права собственности Общества; 2) не составлены Совѣтомъ доселѣ правила о выдачѣ и храненіи книгъ; 3) не имѣется книги для записи книгъ, выдаваемыхъ членамъ; 4) Общему собранію не докладываются свѣдѣнія о поступленіи новыхъ книгъ; 5) не приведено въ исполненіе постановленіе Общаго собранія о приобрѣтеніи Энциклопедическаго словаря Брокгауза.

Указавши замѣченныя неисправности, неточности и погрѣшности въ дѣлопроизводствѣ Общества, Коммиссія въ обезпеченіе полной и совершенной правильности предлагаетъ нижеслѣдующее: 1) въ засѣданіяхъ Совѣта и Общихъ собраній протоколы, представляемые къ подписи присутствовавшихъ членовъ въ концѣ засѣданій, пишутся въ особыхъ и переплетенныхъ книгахъ; 2) въ шнуровой квитанціонной книжкѣ на квитанціяхъ обозначается размѣръ взноса, а на корешкахъ каждой изъ нихъ, кромѣ того, переносъ суммъ или итогъ всѣхъ предыдущихъ поступленій; 3) на запись прихода и расхода суммъ казначею выдается шнуровая книга, скрѣпленная подписью предсѣдателя и секретаря и печатью Общества; 4) въ приходо-расходной книгѣ статьи расхода и дохода перенумеровываются, безъ произвольнаго раздѣленія на категоріи, а итоги подводятся по страницамъ, безъ выведенія балланса; 5) каталоги и описи пишутся въ шнуровыхъ книгахъ, выданныхъ отъ Общества за подписью Предсѣдателя и Секретаря; 6) Общему Собранію сообщаетъ библіотекаръ свѣдѣнія о новопоступающихъ книгахъ и таковыя предъявляетъ, по мѣрѣ ихъ поступленія, на просмотръ членовъ,

Протоколъ этотъ подписали члены Ревизіонной Коммисіи:

Л. Богушевская.
Н. Ивановъ.
А. Ясинскій.

Заключение

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола Ревизіонной Коммисіи.

I. Относительно веденія протоколовъ засѣданій общества.

Такъ какъ уставъ Общества не устанавливаетъ опредѣленныхъ формъ для веденія протоколовъ и книгъ Общества, то Совѣтъ счелъ себя въ правѣ избрать для сего болѣе удобныя и простыя формы. Въ частности, что касается протоколовъ общихъ собраний, то въ виду того, что къ этимъ протоколамъ подшиваются представляемые иногда въ подлинникѣ резюме читаемыхъ въ засѣданіяхъ Общества рефератовъ, представляется болѣе удобнымъ писать ихъ на отдѣльных листахъ, заключенныхъ въ одну папку; въ послѣдствіи эти отдѣльные листы могутъ быть переплетены въ книгу. — Заявленіе Ревизіонной Коммисіи о томъ, что протоколы общихъ собраний составляются не во время засѣданій, а послѣ нихъ, по памяти, является не точнымъ и не въ полнѣ соответствуетъ дѣйствительности: протоколы закрытыхъ засѣданій всегда составлялись во время засѣданій и всегда послѣ засѣданій подписывались всѣми присутствовавшими въ этихъ засѣданіяхъ членами; что же касается открытыхъ засѣданій Общества, то, такъ какъ въ этихъ засѣданіяхъ никакихъ постановленій не дѣлается, нѣтъ, по мнѣнію Совѣта, необходимости собирать для протоколовъ этихъ засѣданій подписи всѣхъ присутствующихъ, тѣмъ болѣе, что, по § 24 Уст. Общ., эти засѣданія дѣйствительныя при всякомъ числѣ явившихся членовъ Общества.

Утвержденіе Ревизіонной Коммисіи о томъ, что въ протоколѣ 20-го ноября записано, что слушали якобы докладъ: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации Прибалтійскихъ славянъ“, хотя въ повѣсткѣ докладъ д. чл. А. Ясинскаго имѣлъ заглавіе: „Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации Прибалтійскаго побережья“ не вполнѣ соответствуетъ истинѣ. Какъ въ протоколѣ, такъ и въ повѣсткѣ (циркулярѣ), подписанной самимъ д. ч. А. Ясинскимъ, докладъ его носитъ заглавіе

„Содѣйствіе чеховъ дѣлу германизации балтійскаго славянства“; такимъ образомъ слова: „Прибалтійскихъ славянъ“ впервые встрѣчаются лишь въ протоколѣ Ревизіонной Коммисіи 25 Апрѣля. Тѣмъ не менѣе соотвѣтствующая желанію Ревизіонной Коммисіи поправка внесена въ печатный отчетъ Общества.

Общее собраніе никогда не дѣлало постановленія объ ознаменованіи дня годовичнаго собранія торжественнымъ богослуженіемъ, какъ утверждаетъ это Ревизіонная Коммисія, а постановило лишь отслужить передъ началомъ годовичнаго засѣданія молебень, что отмѣчено и въ протоколѣ.

О томъ, что въ преніяхъ по поводу реферата г. С. И. Роше принимали участіе гг. Будиловичъ и Ясинскій, есть запись въ протоколѣ 29 января.

Замѣчаніе Ревизіонной Коммисіи о томъ, что въ дѣйствительности вначалѣ бывають открытыя, а потомъ закрытыя засѣданія, но въ протоколѣ обыкновенно указанъ обратный порядокъ, и не вполне точно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ былъ именно тотъ порядокъ, какой указанъ въ протоколѣ, и, кромѣ того, никакого существеннаго значенія не имѣеть.

II. Относительно отчета.

Что касается заключенія Ревизіонной Коммисіи по поводу отчета Учено-Литературнаго Общества, то систематическая переработка матеріала для отчета, каковой желаетъ Коммисія, не входитъ въ задачу Совѣта, а разсмотрѣніе отчета съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію Совѣта, не входитъ въ задачу Ревизіонной Коммисіи. Отчетъ представляетъ совокупность данныхъ, доставляемыхъ секретаремъ, казначеемъ и библіотекаремъ; въ составъ этихъ данныхъ входятъ данныя о состояніи кассы и библіотеки, бывшія на разсмотрѣніи Ревизіонной Коммисіи. — Общее число членовъ указано, и даже ни одинъ разъ, а три. — Что касается замѣчанія Коммисіи о томъ, что не отмѣчено число членовъ, не уплатившихъ годовичнаго взноса, то такое указаніе Совѣтъ считаетъ излишнимъ, такъ какъ, по § 6 Уст. Общ., считаются выбывшими изъ числа членовъ только тѣ лица, которыя не уплатили взноса въ теченіи двухъ лѣтъ; никакихъ практическихъ послѣдствій такое упоминаніе поэтому имѣть не могло.

III. Относительно дѣлопроизводства по кассѣ.

По пункту 1-му.

Отсутствіе на квитанціяхъ, выдаваемыхъ членамъ Учено-Литературнаго Общества, обозначенія суммы ихъ денежныхъ взносовъ объясняется: 1) тѣмъ, что минимальный размѣръ членскихъ взносовъ былъ строго опредѣленъ въ Общемъ Собраніи 27 апрѣля 1897 года, а, слѣдовательно, и былъ всѣмъ извѣстенъ и 2) тѣмъ, что какихъ-либо отступленій отъ принятой трехрублевой нормы членскаго взноса въ теченіи отчетнаго года — не произошло.

По пункту 2-му.

Обозначеніе переноса суммъ на корешкахъ квитанціонныхъ книжекъ, при наличности прихода-расходной книги, представляется излишнимъ.

По пункту 3-му.

Отдѣльныя статьи доходовъ и расходовъ въ прихода-расходной книгѣ Учено-Литературнаго Общества не перенумеровывались, такъ какъ каждая запись обозначалась числомъ даннаго мѣсяца или номеромъ квитанціи, такимъ образомъ отдѣльность каждой записи являлась очевидной. Для большей же наглядности, однако, требуемая Ревизіонной Комиссіей формальность въ настоящее время выполнена.

По пункту 4-му.

Ошибка въ обозначеніи номеровъ квитанціи въ полученіи членскихъ взносовъ въ прихода-расходной книгѣ исправлена теперь красными чернилами.

По пункту 5-му.

При раздѣленіи статей дохода въ прихода-расходной книгѣ на двѣ рубрики: „членскіе взносы“ и „другія поступленія“, казначей имѣлъ въ виду выдѣлить изъ общей суммы доходовъ Общества членскіе взносы, такъ какъ послѣдніе представляютъ собою доходъ опредѣленный и болѣе или менѣе непрерывный. Остальные доходы Общества выдѣлены въ одну особую группу по той причинѣ, что они объединялись своимъ характеромъ случайныхъ поступленій.

По пункту 6-му.

При вычисленіи въ приходе-расходной книгѣ итоговъ примѣнительно какъ къ гражданскому, такъ и отчетному году, казначей не чувствовалъ никакого обремененія.

По пункту 7-му.

По поводу отсутствія въ протоколахъ Совѣта Учено-Литературнаго Общества подробнаго дѣлопроизводства о храненіи денежныхъ суммъ Общества необходимо пояснить слѣдующее: Въ протоколѣ засѣданія Совѣта отъ 2 мая 1897 года записано постановленіе о томъ, что денежные суммы Общества, превышающія 50 р., слѣдуетъ вносить въ Юрьевское Отдѣленіе Псковскаго Коммерческаго Банка, при чемъ не упомянуто, слѣдуетъ-ли хранить означенныя суммы на текущемъ счету или въ процентныхъ бумагахъ. Не предусматривая скорого израсходованія суммъ Учено-Литературнаго Общества и въ виду того, что храненіе ихъ въ банкѣ на текущемъ счету дастъ меньшій процентъ (всего 2%), чѣмъ при храненіи въ процентныхъ бумагахъ, казначей считалъ возможнымъ, на первое время существованія Общества, обратить всю принадлежащую послѣднему сумму (въ 200 р.) въ 5% облигаціи Харьковскаго Земельнаго Банка. Отъ нихъ то и получился у Учено-Литературнаго Общества втеченіи 9½ мѣсяцевъ доходъ въ 7 р. 54 к.; тогда какъ, при храненіи той же суммы на текущемъ счету, за указанное время было-бы получено около 3 рублей. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что впослѣдствіи, т. е. при болѣе значительномъ, по сравненію съ настоящимъ, бюджетѣ Учено-Литературнаго Общества, а въ особенности при наличности у послѣдняго значительныхъ капиталовъ, необходимо будетъ установить по храненію суммъ Общества болѣе подробное дѣлопроизводство.

По пункту 8-му.

Отсутствіе у казначея росписокъ отъ секретаря Общества въ полученіи послѣднимъ денегъ на канцелярскіе расходы объясняется тѣмъ, что казначей считалъ достаточнымъ документомъ этого рода расхода имѣющуюся объ немъ запись въ книгѣ протоколовъ Совѣта.

По пункту 9-му.

Отмѣтка казначея Общества объ уплатѣ 22-го апрѣля сего года по счету Унгра отъ 16-го Апрѣля того года одного рубля вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

По пункту 10-му.

Нахождение всей денежной наличности, принадлежащей Учено-Литературному Обществу (536 р. 6 к.) въ рукахъ казначея ко дню ревизіи кассы 25-го Апрѣля сего года объясняется, слѣдующимъ: 1) 300 руб. пособия отъ Правленія Юрьевского Университета получены въ кассѣ Общества лишь 24-го апрѣля и 2) 200 руб. были реализованы (послѣ продажи процентныхъ бумагъ), въ виду предстоящей въ скоромъ времени конверсіи этихъ бумагъ. Нынѣ же свободная наличность Общества въ количествѣ 500 рублей внесена въ Юрьевское Отдѣленіе Псковскаго Коммерческаго Банка на текущій счетъ.

IV. Относительно дѣлопроизводства по библіотекѣ.

Желаніе Ревизіонной Коммиссіи, чтобы книги были протемпелеваны и чтобы о всѣхъ поступленіяхъ въ библіотеку сообщалось общимъ собраніямъ, вполнѣ основательно и легко исполнимо. — Книга для записи выдачъ можетъ быть заведена, но удобнѣе и предпочтительнѣе карточная система росписокъ, принятыхъ въ нашей университетской библіотекѣ. — Книга поступленій можетъ быть скрѣплена должностными лицами Общества, но въ пропнурованіи надобности не представляется. — Вопросъ о составленіи библіотечныхъ правилъ обсуждался въ Совѣтѣ. — Постановленіе Совѣта о выпискѣ словаря Ефрона — Брокгауза 16-го апрѣля сего года сообщено библіотекарю, но, за краткостью времени, въ исполненіе не приведено.

Вообще, замѣчанія Коммиссіи могутъ имѣть значеніе для будущаго времени. Въ отчетномъ же году замѣченныя неисправности никакихъ неудобствъ или ущерба Обществу не причинили, такъ какъ книгъ въ библіотекѣ пока очень мало; значительная часть ихъ поступила въ послѣдніе дни отчетнаго года, и за все время не было ни одного случая обращенія со стороны членовъ къ библіотекарю о выдачѣ книгъ.

Смѣта

доходовъ и расходовъ Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
за время отъ 27 апрѣля 1898 г. по 26 апрѣля 1899 г.

Приходъ.

Остатокъ отъ заключ. смѣты	536	руб.	06	коп.
Членскіе взносы	132	"	—	"
Пособіе отъ Правленія Университета	300	"	—	"
Отъ продажи изданій Общества	87	"	—	"
Итого	1055	руб.	06	коп.

Расходъ.

А. По заключ. смѣтѣ 1897/98 г.

Печатаніе „Сборника“ т. I	450	руб.	—	коп.
Расходы по разсылкѣ его	30	"	—	"

В. По новой смѣтѣ 1898/99 г.

Канцелярскія издержки	10	"	—	"
Публикаціи о засѣданіяхъ	25	"	—	"
За канцелярскую работу	10	"	—	"
Приобрѣтеніе книгъ	50	"	06	"
Печатаніе „Сборника“ т. II	450	"	—	"
Расходы по его разсылкѣ	30	"	—	"
Итого	1055	руб.	06	коп.

Отдѣлъ научный.

О значеніи въ славянской исторіи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ.

(Публичная лекція, прочитанная 27 февр. 1898).

Мм. Гг.

Разсматривая передвиженія и столкновенія народовъ средне-вѣковой и новѣйшей Европы, по исторической картѣ ея, мы легко можемъ отличить въ этой области два главныхъ потока: сѣверно-южный или вертикальный и западновосточный или горизонтальный по этой картѣ. Къ передвиженіямъ перваго рода принадлежатъ, напримѣръ, набѣги норманновъ на Германію, Францію, Испанію, Италію; походы англичанъ на Францію, французовъ на Испанію и Италію и т. п.; въ Европѣ же восточной: походы новгородцевъ на Кіевъ, кіевлянъ на Болгарію и Византію, литовцевъ на Воынь, поляковъ на Червонную Русь, угровъ на Балканскій полуостровъ и Адриатику, сербовъ и болгаръ на Византію, византійцевъ же на Сирію, Египетъ и т. п. Къ передвиженіямъ же втораго рода относятся, напримѣръ, походы гунновъ, арабовъ, мадьяръ, татаръ на западную Европу; расселеніе на западъ славянъ, ихъ войны съ каролингами, саксонцами, гогенштауфенами, габсбургами, гогенцоллернами, въ частности же войны великоморавскія, гуситскія, ягеллонскія; крестовые походы; войны турецкія; войны Литвы и Москвы съ Орденомъ и Ганзою, Петра В. со шведами и нѣмцами, войны Россіи съ Фридрихомъ II, съ Наполеономъ I и III и н. др.

Не трудно видѣть, что столкновенія перваго рода имѣютъ характеръ какъ бы племенныхъ усобицъ за преобладаніе въ

той или другой территоріи, тогда какъ войны второй группы являются борьбою за жизнь, а потому имѣютъ болѣе глубокое историческое значеніе.

И въ наше время, при существованіи въ западной Европѣ многихъ частныхъ вопросовъ, въ родѣ напр. норвежскаго въ Скандинавіи, ирландскаго въ Великобританіи, эльзасъ-лотарингскаго въ Германіи и Франціи, римскаго въ Италіи, тироляскаго въ Австро-Венгріи и т. п., а въ Европѣ восточной вопросовъ: русско-польскаго, украинскаго, македонскаго, критскаго, армянскаго и т. д.: все же, господствующимъ вопросомъ времени является вопросъ Восточный, т. е. вопросъ объ отношеніяхъ западной или романогерманской Европы къ восточной или грекославянской и о правильномъ разграниченіи ихъ географическихъ и культурныхъ сферъ. Изъ этого видно, что главная ось европейской исторіи за послѣдніе 15 вѣковъ направляется съ сѣвера на югъ по линіи, отдѣляющей міръ западнохристіанскій или романогерманскій отъ восточнохристіанскаго или грекославянскаго¹⁾. Потому то въ исторіи средней и новой Европы болѣе вниманія заслуживаютъ тѣ пародныя столкновенія, которыя направляются отъ одной изъ этихъ двухъ половинъ европейскаго человѣчества противъ другой, чѣмъ тѣ, которыя совершаются въ средѣ той или другой половины. Такъ и метеорологическія отношенія нашей части свѣта болѣе зависятъ отъ воздушныхъ движеній, совершающихся по параллели, съ запада на востокъ, чѣмъ отъ явленій, направляющихся по меридіану, съ сѣвера на югъ.

Между тѣми всемірноисторическими движеніями, въ которыхъ отражалось въ средніе вѣка взаимодѣйствіе двухъ половинъ христіанской Европы, первое мѣсто безспорно принадлежитъ крестовымъ походамъ. Въ нихъ всего ярче проявились и культурные контрасты, раздѣляющіе съ XI в.

1) Подробнѣе это изложено въ сочиненіи В. И. Ламанскаго: Объ историческомъ изученіи грекославянскаго міра въ западной Европѣ.

христiанскій Востокъ и Западъ, и группировка народовъ, выступившихъ въ качествѣ дѣятелей то восточнохристiанской, то западнохристiанской образованности, и наконецъ отношеніе къ этимъ контрастамъ и группамъ міра третьяго, азійско-языческаго.

Заключались же эти культурные контрасты: прежде всего въ ученіи о видимой главѣ церкви на Западѣ и невидимой — на Востокѣ; о монархическомъ, даже диктаторскомъ его строѣ на Западѣ и демократическомъ, соборномъ — на Востокѣ; о воинствующей іерархіи, организованной въ цѣлыя арміи безбрачнаго блага и дисциплинированнаго чернаго духовенства, съ боевыми, наступательными наклонностями на Западѣ, въ противоположность мирной, скромной, нерѣдко приниженной іерархіи Востока; о правѣ церкви и насильно спасать невѣрныхъ и еретиковъ на Западѣ, при восточномъ ученіи о правѣ лишь нравственнаго воздѣйствія на чужую совѣсть въ дѣлахъ вѣры. Съ этимъ связано было рано укоренившееся на Западѣ подчиненіе всѣхъ національных языковъ латинскому въ богослуженіи, при свободномъ допущеніи таковыхъ къ литургическому употребленію на Востокѣ. Въ области политической Западъ мнилъ себя монопольнымъ обладателемъ наслѣдія Римской имперіи, съ претензіями на *dominium orbis*, на право господствовать во всѣхъ странахъ христiанскихъ и насильственно вторгаться во всѣ земли еретическія или языческія. На службѣ этой идеѣ состояли, сверхъ папы и императора, многочисленные короли, герцоги, графы, рыцари, потомъ и бюргеры, которые въ совокупности образовали, наряду съ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, культурный слой западнохристiанскаго міра и считали себя въ правѣ эксплоатировать все, что находилось внѣ его или подъ нимъ, слѣд. и свои собственныя безправныя массы. И на Востокѣ была тогда Имперія, тоже именовавшая себя римскою, притомъ съ бѣлымъ правомъ, ибо здѣсь не было перерыва въ существованіи этого политическаго организма, какой былъ на Западѣ въ періодъ времени отъ Ромула Августа

до Карла V.; но имперія Восточная вовсе не имѣла того германско - феодальнаго строя, какой господствовалъ тогда на Западѣ, такъ что, оставаясь римскою по имени и преданіямъ, имперія эта была болѣе христіанизована по духу, а потому существенно отличалась отъ Западной по своимъ задачамъ, по своему отношенію къ вопросамъ о *dominium orbis*, о границахъ между государствомъ и церковью, государствомъ и обществомъ, государствомъ и личностью. На Западѣ жизнь общественная и личная, научная и художественная развивалась на корняхъ государственно-практической образованности древняго Рима; на Востокѣ же, наоборотъ, на началахъ философско - поэтической образованности древне-эллинской.

Очень различны были и главные носители этихъ двухъ системъ средневѣковой христіанской образованности. На Западѣ таковыми являются прежде всего народы латинскаго происхожденія или языка, въ томъ числѣ латинизованные галлы, иберы, германцы въ Италіи, Галліи, Иберіи, Сѣв. Африкѣ, затѣмъ всѣ народы германскіе, въ частности же нѣмцы, скандинавцы, англичане, а наконецъ нѣкоторые болѣе или менѣе латинизованные или германизованные славяне. На Востокѣ же главнымъ носителемъ христіанской образованности были греки и примыкавшіе къ нимъ народы еракоиллирскаго, отчасти и сироарабскаго происхожденія; нѣсколько же позже, по мѣрѣ упадка этихъ народностей, все болѣе и болѣе выдвигаются на историческую сцену, какъ ихъ продолжатели и преемники, — славяне, съ ихъ историческими спутниками. Славянамъ суждено было воспринять и далѣе развить наслѣдіе образованности эллинской въ такой же мѣрѣ, какъ германцамъ это выпало въ удѣлъ по отношенію къ образованности латинской. Что же касается коренныхъ азіатовъ-язычниковъ, вторгавшихся въ жизнь христіанскаго міра подъ именами гунновъ, аваровъ, болгаръ, печенѣговъ, половцевъ, мадьяръ, татаръ, монголовъ, турокъ, съ другой же стороны — симитскихъ арабовъ, мавровъ и др., то ихъ отношеніе къ

восточной и западной системамъ христіанской образованности было различно: иногда они ослабляли своими набѣгами и погромами систему западную (вспомнимъ напр. Аттилу, мавровъ, турокъ), иногда же, наоборотъ, они ослабляли силы христіанскаго Востока (напр. печенѣги, мадьяры, монголы, въ послѣдствіи и турки). Но если бы возможно было подвести такъ сказать балансъ между этимъ двойнымъ воздѣйствіемъ азіатовъ на христіанскую Европу, то вѣроятно пришлось бы признать ихъ въ общемъ пособниками скорѣе греко-славянъ, чѣмъ романогерманцевъ.

Хотя отмѣченные контрасты міровъ восточнаго и западнаго зародились еще на почвѣ классической Эллады и древняго Рима и очень ясно выразились въ раннемъ распаденіи Римской имперіи на Восточную и Западную, а затѣмъ и христіанской церкви на двѣ соответственныя половины, тѣмъ не менѣе окончательно опредѣлились типы этихъ имперій и церквей лишь къ половинѣ XI в., когда вслѣдствіе того и произошло (въ 1054 г.) окончательное раздѣленіе двухъ христіанскихъ церквей и двухъ системъ христіанской образованности. При воинствующемъ же характерѣ латинской церкви, боевой организациі ея духовенства, обширныхъ притязанійхъ папъ и императоровъ, а наконецъ — очень экстенсивныхъ стремленійхъ феодально-рыцарскаго общества и городскихъ общинъ какъ романскихъ, такъ и германскихъ странъ, слѣдовало ожидать вслѣдъ затѣмъ наступательнаго натиска народовъ и учрежденій Запада на Востокъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ видахъ постепеннаго утвержденія папизма, феодализма и экономической эксплуатаціи въ областяхъ христіанскаго Востока. А такъ какъ области эти простирались отъ фіордовъ Нордкапа и болотъ Невы до песковъ Аравіи и Сахары, то на всей этой линіи и должно было произойти столкновеніе міра западнаго съ восточнымъ.

Это мы и видимъ на дѣлѣ въ исторіи крестовыхъ походовъ, которые, начавшіеся въ концѣ XI в., длились нѣ-

сколько столѣтій и составляютъ столь же основной фактъ въ средневѣковой исторіи, какъ войны персидскія въ исторіи древнегреческой, а пупическія — въ древнеримской. Не слѣдуетъ придавать особаго значенія тому, что крестовые походы начаты были подъ знаменемъ креста и для освобожденія гроба Господня отъ мусульманъ. На дѣлѣ гробъ этотъ въ сознаніи руководящихъ людей того времени игралъ столь же второстепенную роль, какъ ключи отъ того же гроба въ рѣшеніяхъ Пальмерстона и Наполеона III въ 1853 г. Что это такъ, ясно доказывается особенно исторіей четвертаго крестоваго похода и дѣятельностью духовно-рыцарскихъ орденовъ. Собравшись на войну съ турками, французскіе и итальянскіе герои этого похода по пути свернули на Босфоръ, разгромили Цареградъ и на развалинахъ Восточнаго царства zaloжили Латинскую имперію, а рядомъ съ нею цѣлую серію феодальныхъ герцогствъ въ Солуни, Аѳинахъ, Морехъ, на островахъ Левантскаго моря, гдѣ вслѣдъ затѣмъ началось вытравленіе мѣстныхъ христіанскихъ населеній и замѣна ихъ пришельцами изъ Италіи, Франціи, Германіи, во вкусѣ позднѣйшихъ испанскихъ conquistadores. Еще явственнѣе отражаются житейскіе мотивы крестовыхъ походовъ въ исторіи возникшихъ въ Палестинѣ въ концѣ XI и въ теченіе XII вѣковъ духовнорыцарскихъ орденовъ, между которыми главными были: Іоанниты, Храмовники и Маріинцы. Хотя имена ихъ связаны съ культомъ Св. Іоанна, Саломонова храма и Дѣвы Маріи, а первоначальная задача ихъ состояла въ уходѣ за больными и въ охраненіи паломниковъ — итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ; хотя ордена эти организованы были по типу другихъ монашескихъ орденовъ, напр. францисканскаго, бенедиктинскаго, доминиканскаго, связанныхъ общіеми цѣломудріемъ, нестяжаніемъ, послушаніемъ: тѣмъ не менѣе изъ исторіи духовнорыцарскихъ орденовъ видно, что благотворительность играла тутъ очень второстепенную роль, что общій нестяжаніе не мѣшалъ имъ накоплять громадныя движимыя и недвижимыя имущества, а послушаніе въ отношеніи къ папѣ

и настоятелямъ (*commendatores, magistri* и т. п.) ордена не мѣшало этимъ монахамъ быть очень надменными повелителями по отношенію къ ихъ вассаламъ или подданнымъ.

Такъ изъ исторіи Іоаннитовъ извѣстно, что они очень скоро забыли предписанія своего устава (1113 г.) о филантропизмѣ и послушаніи, организовались въ боевую республику, развили флотъ и даже по изгнаніи изъ Палестины (въ 1291 г.) еще долго держались на водахъ Леванта, какъ рыцари Кипрскіе, Родосскіе, Мальтійскіе, пока не были наконецъ упразднены Наполеономъ I (въ 1798 г.). Иронія судьбы хотѣла, чтобы послѣднимъ грессмейстеромъ этого ордена сдѣлался русскій царь (Павелъ I), но это не могло конечно возродить столь отжившаго учрежденія.

Храмовники сосредоточили свою дѣятельность на обогащеніи и въ половинѣ XIII вѣка въ одной Франціи имѣли 9.000 комендантствъ. Это и было причиною ихъ гибели при Филиппѣ IV Красивомъ и папѣ Климентѣ V.

Но всего яснѣе и грандіознѣе выразились мірскія основы этой характерной для исторіи крестовыхъ походовъ организации въ орденѣ Маріинскомъ, иначе Тевтонскомъ или Нѣмецкомъ.

Учрежденный въ Палестинѣ же въ 1190 г. подъ именемъ: *Fratres Hospitalis s. Mariae Teutonicorum* бременскими, любекскими, голштинскими купцами и вообще нѣмецкими крестоносцами для цѣлей больнично-монашескихъ, орденъ этотъ уже во время III крестоваго похода сталъ играть и роль военно-политическую. А такъ какъ южное крыло латинонѣмецкой рати, обращенное противъ Палестины, Греціи, Цареграда, было достаточно обезпечено рыцарями и горожанами романскаго происхожденія, то довольно рано, уже съ первыхъ десятилѣтій XIII вѣка, орденъ Тевтонскій, при содѣйствіи папъ и императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ, а также благодаря недомыслию угорскихъ и польскихъ владѣтелей того времени, переноситъ свою дѣятельность на сѣверъ, сначала въ Семиградію, для борьбы съ куманами и другими

стенняками, а затѣмъ — въ низовья Вислы, въ среду отчасти польскаго, отчасти прусско-литовскаго населенія.

Угорскому королю Андрею II еще кое-какъ удалось исправить свою ошибку и вытѣснить Нѣмецкихъ рыцарей изъ Семиградіи, гдѣ они собирались было устроиться совершенно самостоятельно. И это было большимъ счастьемъ не только для Семиградіи, но и для всѣхъ подкарпатскихъ славянъ, а также ихъ историческихъ спутниковъ румынъ, которые въ противномъ случаѣ легко стали бы этнографическимъ матеріаломъ для развитія на нижнемъ Дунаѣ чуждой имъ нѣмецкой народности и образованности.

Но въ краяхъ польсколитовскихъ, куда Нѣмецкіе рыцари были вызваны въ 1225—30 гг. княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ на помощь противъ язычниковъ-пруссовъ, Тевтонскій орденъ успѣлъ надолго утвердить свое господство и проложить путь на побережья Фришгафа и Куришгафа нѣмецкому населенію, которое сохранилось тамъ донинѣ и распространяется оттуда все далѣе на востокъ.

Если обратить вниманіе на ничтожество Ордена въ первые годы его утвержденія въ краѣ Холмскомъ или Хелминскомъ (Kulmer), а потомъ въ Помезаніи и другихъ смежныхъ прусскихъ областяхъ; на отдаленность этой филии Тевтонскаго ордена отъ его средоточія, находившагося сначала въ Аккѣ, а потомъ (съ 1291 г.) въ Венеціи и только въ 1307 г. перенесеннаго въ прусскій Маріенбургъ; на трудности сношеній этой области съ Италіею и даже Германіею; на непріязненность по отношенію къ Ордену всего мѣстнаго (польско-прусскаго) населенія, а равно и сосѣднихъ государей, особенно поморскихъ и литовскихъ: то нельзя не удивляться той живучести, стойкости, энергіи, какую обнаружилъ Орденъ въ положеніи столь трудномъ и опасномъ. Успѣхъ его въ этомъ отношеніи былъ бы даже непонятенъ, если бы мы не приняли въ соображеніе, что орденъ Пруско-нѣмецкій, подолго возникшему тогда же (въ 1202 г.) Ливонскому ордену Меченосцевъ, былъ въ сущности авангардомъ всего ла-

тиннѣмецкаго Запада, изъ среды котораго, благодаря покровительству и сочувствію латинонѣмецкихъ папъ, императоровъ, рыцарей, монаховъ, купцовъ, Орденъ не переставалъ получать подкрѣпленія и физическія, и нравственныя. Отъ папы и императора получилъ Орденъ казавшіяся тогда необходимыми полномочія на утвержденіе въ Пруссакъ и на самостоятельное господство во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которые будутъ имъ отвоеваны отъ язычниковъ прусскихъ и литовскихъ, подъ которыми нерѣдко разумѣлись тогда и „схизматики“ смежныхъ русскихъ областей; папа же и императоръ не переставали направлять на помощь Ордену толпы крестоносцевъ — нѣмецкихъ, голландскихъ, датскихъ, даже английскихъ, вообще тевтонскихъ, которые пополняли убыль въ войскахъ Ордена, обусловленную истребительными его войнами съ туземцами и сосѣдями занятой Орденѣмъ области; папа съ императоромъ принимали всѣ мѣры, чтобы улучшить отношенія Ордена къ сосѣднимъ христіанскимъ государствамъ, а равно къ мѣстнымъ епископамъ, горожанамъ, колонистамъ, между которыми Орденъ издавна имѣлъ то соперниковъ, то завистниковъ и вообще недоброжелателей. Значеніе въ исторіи Ордена его связей съ нѣмецкой метрополіей отражается и въ томъ, что Deutschmeister этого Ордена былъ, наряду съ Маріенбургскимъ Hochmeister'омъ, весьма вліятельнымъ лицомъ въ дѣлахъ прусскихъ еще задолго до перенесенія его главной резиденціи въ Маріенбургъ.

Но при всѣхъ выгодахъ такого колоніальнаго отношенія орденской Пруссіи къ средоточіямъ тогдашней западнохристіанской, особенно же германской образованности, положеніе этой рыцарско-монашеской республики, какъ бы Сѣчи нѣмецкаго племени въ межурѣчьи Вислы-Нѣманскомъ, было бы несравненно труднѣе и опаснѣе, если бы еще раньше нѣмцамъ не удалось разгромить славянъ серболужицкихъ и прибалтійскихъ и образовать на развалинахъ ихъ государствъ цѣлую серію нѣмецкихъ украинъ или марокъ, которыя подъ именемъ Altmark, Nordmark, Mittelmark, Uckermark, Neumark

покрыли всю территорію между Лабою и Одрою, отчасти и далѣе — къ Вислѣ, обезпечивъ такимъ образомъ сообщенія орденской Пруссіи съ центрами тогдашней Нѣмечины.

Съ другой стороны, Ганза, возникшая въ XIII вѣкѣ на развалинахъ Балтійскаго славянства, а затѣмъ Данія, Швеція и наконецъ родственныи орденъ Ливонскихъ меченосцевъ, соединившійся съ Пруссимъ въ 1237 г., служили для послѣдняго прикрытіемъ на водахъ Балтики, что облегчило возникновеніе и быстрое развитіе на прусскихъ побережьяхъ нѣмецко-орденскихъ городовъ Эльбинга, Кенигсберга, Мемеля, а также подняло торговое значеніе болѣе старыхъ городовъ этой постепенно онѣмечиваемой области, напр. Гданска, Хелмна, (Kulm), Торуня (Thorn) и н. др.

Нельзя далѣе не отмѣтить, что успѣхамъ Ордена въ Прусскахъ не мало содѣйствовало раннее окатоличеніе, а отчасти и онѣмеченіе славянъ лянскихъ, чехоморавскихъ, угорскихъ, которые вслѣдствіе того не могли своевременно понять политическихъ и національных цѣлей Ордена, и вмѣсто того, чтобы оттѣснить его съ береговъ столь коренныхъ славянскихъ рѣкъ, какъ Висла и Нѣманъ, еще облегчили ему доступъ въ эту важную для славянъ область и постепенное утвержденіе въ ней. Особенно много погрѣшили въ этомъ отношеніи послѣдніе чешскіе Премысловичи и первые Люксембурги, а изъ государей польскихъ — Конрадъ Мазовецкій и нѣкоторые другіе князья Мазовецкіе, Куявскіе и Силезскіе. Изъ князей поморскихъ только Святополкъ мужественно боролся съ Орденомъ, прочіе же — даже помогали послѣднему въ германизациі прусскаго поморья.

Что касается наконецъ племенъ лѣтскихъ или литовско-латышскихъ, то пруссы, а за ними жмудяки, отчасти и другіе ихъ соплеменники въ XIII и XIV вв. энергически отстаивали свою народную самобытность. Но къ сожалѣнію они не всегда дѣйствовали солидарно, особенно въ первое время, причѣмъ и тутъ знать (витинги) рано откололась отъ простонародья и стала помогать нѣмцамъ. Но со второй

половины XIII и начала XIV в. въ Литвѣ начинается при Миндовѣ и Гедиминѣ политическое объединеніе, причемъ въ союзъ литовскій включаются, особенно при Ольгердѣ, и нѣкоторыя западнорусскія области. Такимъ образомъ и на этомъ, лѣвомъ крылѣ латинонѣмецкой наступательной рати возникаетъ возможность отпора болѣе серьезнаго, подобнаго тому, какой встрѣтили латинскіе императоры XIII в. на югѣ со стороны болгаръ, сербовъ и другихъ славянскихъ союзниковъ Византии.

Что касается собственной Руси, то будучи разбита на удѣлы, а потомъ поработенная монголами, она принуждена была довольствоваться чисто оборонительными дѣйствіями въ борьбѣ съ Орденомъ и шведами, какъ это видимъ изъ исторіи Александра Невского и Довмонта Псковскаго. Но съ конца XIV в. обстоятельства слагаются благопріятнѣе не только въ Литовской, но и въ Московской Руси. Послѣ Куликовской битвы гнетъ татарскій ослабѣваетъ; Москва крѣпнетъ и собирается.

Въ то же время и Литва все болѣе расширяется въ земляхъ западнорусскихъ, подчиняясь въ свою очередь воздѣйствію русской образованности въ отношеніяхъ церковномъ, юридическомъ, язычномъ, такъ что князь Витовтъ въ концѣ XIV в. могъ мечтать уже объ объединеніи подъ Литвою всѣхъ русскихъ племенъ, о подчиненіи себѣ татарскихъ степей и наступательномъ движеніи на нѣмецкій Западъ. Въ этомъ онъ, правда, скоро долженъ былъ разочароваться, особенно послѣ жестокаго пораженія Литвы татарами на р. Ворсклѣ (1399 г.). Но все же благодаря соединенію Литвы съ западной Русью Витовтъ настолько окрѣпъ, что могъ противопоставить серіозный отпоръ натиску нѣмцевъ на земли литовско-литовскія. Не малымъ подспорьемъ для него въ этомъ отношеніи было и восшествіе въ 1386 г. литовскаго князя Ягелла на польскій престолъ и обусловленная его бракомъ на Ядвигъ унія польско-литовско-западнорусская.

Но съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что и прусскій Орденъ къ концу XIV в. стоялъ очень высоко. Онъ пред-

ставлялъ тогда не мелкую область, въ родѣ ордена Добринскаго или даже Ливонскаго, а цѣлое государство, обнимавшее все юговосточное побережье Балтики, отъ Новой Марки и Помераніи до Чудскаго озера и р. Наровы, — государство, прочно организованное, скрѣпленное двухвѣковой борьбой съ пруссами, литовцами, поморянами, поляками, русскими и занимавшее одно изъ видныхъ мѣстъ въ той обширной федерациі, которая называлась Римской имперіей нѣмецкой націи. Если въ первой половинѣ XIII в. боевыя силы Ордена измѣрялись немногими сотнями, а затѣмъ немногими тысячами воиновъ, то къ началу XV в. онъ могъ уже выставить цѣлыя арміи, въ нѣсколько десятковъ тысячъ; если въ XIII в. и разрозненнымъ прусскимъ племенамъ (помезанцамъ, судауцамъ, голяди, ятвягамъ) удавалось не разъ наносить Ордену жестокия пораженія, а союзамъ этихъ племенъ посчастливилось раза два (въ 1240—60-ыхъ годахъ) смести на время Орденъ съ прусскихъ озеръ, болотъ и лѣсовъ: то во второй половинѣ XIV в., при гроссмейстерѣ Кніппроде и его ближайшихъ преемникахъ, борьба съ Орденомъ оказывалась уже не по силамъ даже столь значительнымъ государствамъ, какъ Польша Казимира Вел. и Литва Ольгерда.

Но главную силу Ордена въ этой борьбѣ составляли не матеріальное его могущество, не богатства, доставлявшія ему возможность округлять свои владѣнія то покупкою, то принятіемъ подъ залогъ цѣлыхъ областей, а твердость духа, чрезвычайная выдержанность и послѣдовательность его политики, наконецъ полная неразборчивость въ средствахъ при достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Орденъ никогда не забывалъ, что онъ наступательный аванпостъ Запада въ его натискѣ на Востокъ, что его задача — служить идеямъ папства и имперіи, феодализма и германизма, пролагать латинскимъ монахамъ и нѣмецкимъ рыцарямъ пути на схизматическій и крестьянскій сѣверовостокъ Европы, готовить для коренныхъ обитателей послѣдняго ту же рабскую долю, на какую осуждены были во время крестовыхъ походовъ

православные арабы, греки, славяне въ Іерусалимскомъ королевствѣ, Латинской имперіи, Ахейскомъ герцогствѣ.

Реализмъ орденовой политики, заложенной по указаніямъ Иннокентія III и Фридриха II Германомъ фонъ-Зальца и развитой его преемниками, всего ярче выражается въ умѣніи пользоваться для цѣлей Ордена силами не только папства, но и имперіи, ловко лавируя между ними въ періоды ихъ междоусобій. Несмотря на свое монашеское званіе тевтонскіе крестоносцы не боялись при случаѣ поворачивать спину самимъ папамъ, напримѣръ во время Авиньонскаго плѣненія ихъ и великой схизмы, не придавая значенія постигавшему за то Орденъ отлученію отъ церкви. Съ неменьшимъ искусствомъ умѣли тевтонскіе гофмейстеры держаться между претендентами на *dominium maris Baltici*: Ганзой, Даніей, Швеціей. Но главная ихъ сила заключалась въ умѣнии подчинять себѣ волю совращаемыхъ въ латинство язычниковъ и „схизматиковъ“ между лѣтами (пруссамъ, литовцамъ, латышамъ), чуждымъ, славянами, особенно же — ихъ государей и верхнихъ сословій. Если между послѣдними и оставались еще люди съ народнымъ сознаніемъ и чувствомъ, то все же это сознаніе было ослаблено идеей о преимуществахъ западной образованности передъ всякою другою, о богоподобныхъ качествахъ великаго нѣмецкаго народа, а равно и о некультурности и подчиненномъ призваніи народовъ лѣтославянскихъ. Прекрасную иллюстрацію такого тлетворнаго вліянія Ордена на литовцевъ XIV в. представляетъ поэма Мицкевича: „Конрадъ Валленродъ“, эпиграфомъ для которой поэтъ избралъ слова:

Dovete adunque sapere, come sono due generazioni da combattere bisogna essere volpe e leone,

т. е. что въ международныхъ распряхъ подобнаго рода необходимо соединять въ себѣ свойства лисицы и льва.

Напрасно только польскій поэтъ посадилъ своего „лисующаго льва“, литвина Валленрода, на столъ тевтонскаго гофмейстера въ Маріенбургъ: для такихъ ренегатовъ, въ

романтическомъ стилѣ, не было мѣста въ этомъ сурово-прозанческомъ городѣ. Чаще они встрѣчались въ Вильнѣ, Краковѣ, Варшавѣ, какъ въ средніе вѣка, такъ и позже.

Въ тотъ именно періодъ времени, изъ исторіи котораго взялъ Мицкевичъ сюжетъ своего „Конрада Валленрода“, Тевтонскій орденъ, уже утвердившійся на приморьѣ между Вислою и Нѣманомъ, раскинулъ свои сѣти на Жмудь, въ видахъ обезпеченія для себя сухопутнаго сообщенія съ подначальнымъ ему орденомъ и государствомъ Ливонскимъ. Обладаніе Жмудью могло бы, сверхъ того, отколотъ пруссо-литовскую вѣтвь лѣтовъ отъ латышской и образовать твердую позицію для наступательныхъ дѣйствій Ордена не только на Литву, но и на Русь, гдѣ его издавна манилъ къ себѣ Псковъ, за которымъ мелькалъ въ отдаленіи и Великій Новгородъ.

Нравственныя права Ордена на Жмудь заключались, по его понятіямъ, въ крестоносномъ призваніи Ордена, а равно въ многочисленныхъ папскихъ буллахъ и императорскихъ декретахъ о разрѣшеніи расширяться на языческомъ Востокѣ, въ видахъ миссіонерскихъ, ибо Жмудь считалась еще тогда языческою. А такъ какъ на нее надвигалось уже въ ту пору изъ Литвы и Руси христіанство восточное, то Орденъ считалъ необходимымъ покончить со Жмудью поскорѣе, чтобы впоследствии не встрѣтить въ ней вмѣсто языческихъ вайделотовъ „схизматическихъ поповъ“, съ которыми борьба была конечно труднѣе, а побѣда — сомнительнѣе.

Но съ другой стороны и литовцы, въ частности же ихъ князь Витовтъ, который при всемъ своемъ непостоянствѣ и видимой безхарактерности, былъ однако искреннимъ патріотомъ, а вмѣстѣ человѣкомъ дальновиднымъ и энергичнымъ, — не могли не понимать опасности дальнѣйшаго движенія Ордена въ глубь земель литовско-латышскихъ.

Вотъ почему вопросъ о Жмудѣ и былъ тѣмъ яблокомъ раздора, изъ-за котораго въ началѣ XV в. возникли разногласія между Орденомъ и Литвою, затѣмъ споры, наконецъ

военныя столкновѣнія, закончившіяся въ 1410 г. памятною битвою подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ. Болѣе второстепенное значеніе имѣлъ при этомъ вопросъ о землѣ Добринской, спорной между Орденомъ и Польшей, а также о Новой Маркѣ (Neumark), купленной въ 1402 г. Орденомъ отъ Сигизмунда Люксембургскаго. Если споръ объ этихъ земляхъ и имѣлъ нѣкоторое вліяніе на рѣшенія польскаго короля Ягеллы и его приближенныхъ, то во всякомъ случаѣ это могло быть лишь поводомъ для столкновѣнія Польши съ Орденомъ. Причины же такового и для Польши лежали гораздо глубже, а именно: въ возрастающей опасности отъ постепеннаго усиленія и расширенія нѣмцевъ въ низовьяхъ польской Вислы и на смежныхъ побережьяхъ Балтики, представлявшихъ послѣ гибели Балтійскаго славянства единственный выходъ къ морю для всего ляхскаго племени. Но во всякомъ случаѣ, главнымъ дѣятелемъ надвигавшагося столкновѣнія государства польско-литовскаго съ Орденомъ пришлось быть не польскому королю Ягеллѣ, а литовско-русскому князю Витовту, для пропницательнаго ума коего гораздо яснѣе обрисовывались роковыя послѣдствія дальнѣйшаго разлива нѣмечины въ области лѣтославянскія. Изъ сохранившихся подробностей о битвѣ подъ Танненбергомъ 15 іюля 1410 г. видно, что и главнымъ героемъ этого великаго въ славянской исторіи дня былъ Витовтъ съ его полками литовско-русскими и татарскими, а не Ягелло, съ его отрядами польскими, червонорусскими, чехо-моравскими.

Не останавливаясь на стратегическихъ подробностяхъ Танненбергской битвы, я коснусь вкратцѣ лишь тѣхъ ея сторонъ, которыя характеризуютъ ея культурныя и народныя соотношенія.

Мѣсто битвы лежало въ той лѣсистой и озерной части Пруссіи, которая называлась встарь Hockerland, Hochland и расположена на линіи соединенія дорогъ изъ Вильны и Варшавы въ Маріенбургъ, между двумя деревнями, носящими идиллическія названія: Сосновая Гора (Tannenberg) и Зеленый

Лѣсъ (Grünwald), недалеко отъ поля русско-французскаго сраженія подъ Прейсиппъ Эйлау (Прусская Илава).

Число войскъ, сражавшихся 15 іюля 1410 г. на склонахъ Танненберга и въ долину у Грюнвальда, въ точности не извѣстно: польско-литовско-русская или славянская рать состояла изъ 90 стяговъ, нѣмецкая же изъ 65, что могло составлять приблизительно въ рядахъ первой до 100—150.000 ч., а второй 60—80.000. Въ войскахъ Витовта были между прочимъ стяги: гродненскій, брестскій, дрогичинскій, мельницкій, пинскій, витебскій, полоцкій, смоленскій, стародубскій, кievскій, кременецкій и многочисленная татарская конница, подъ командою Саладина, сына Тохтамыша; въ войскахъ же Ягеллы было много наемниковъ чешскихъ, моравскихъ, силезскихъ, большею частію кавалеристовъ. Въ рядахъ послѣднихъ находился, повидимому, и знаменитый впослѣдствіи вождь гуситовъ Янъ Жижка. Въ войскахъ же гроссмейстера Ульриха фонъ-Юнгингена, наряду со стягами рыцарей и вообще орденскопрусскими, сражались, какъ союзники, многіе князья силезскіе, поморскіе, мишенскіе (Meissen), а затѣмъ и наемники нижненѣмецкіе, рейнскіе, тюрингскіе, франконскіе, швабскіе, швейцарскіе, австрійскіе, отчасти и славянскіе, изъ кашубовъ, лужичанъ, чеховъ, моравянъ, силезцевъ.

Рать славянская занимала южную часть позиціи, причемъ лѣвое крыло этой рати, состоявшее изъ полковъ Ягеллы, опиралось въ лѣсъ, занятый отчасти чешскими его наемниками, тогда какъ правое крыло, состоявшее изъ литовскихъ, русскихъ и татарскихъ полковъ Витовта, занимало позицію болѣе открытую, прилегающую къ небольшой рѣчкѣ. Войска же Ордена наступали съ сѣвера, причемъ Ульрихъ фонъ Юнгингенъ, по рыцарскому обычаю, началъ сраженіе высылкою Ягеллы и Витовту двухъ мечей, съ надменною рѣчью, выражавшею полную увѣренность гохмейстера въ побѣдѣ надъ славянской ратью. Вскорѣ оказалось, что онъ былъ болѣе рыцаремъ, чѣмъ дѣйствительнымъ полководцемъ, что и было одной изъ причинъ его пораженія. Правда, и Ягелло

— человекъ уже пожилой и крайне нерѣшительный — не обнаружилъ при этомъ военныхъ талантовъ. Но въ его войскахъ находился Витовтъ, который во все время битвы носился подъ огнемъ, одушевляя своимъ мужествомъ и энергіей не только свои, но и Ягелловы полки. Хотя въ сраженіи этомъ дѣйствовали уже и пушки и ружья, особенно въ стягахъ Ордена, но преобладающее значеніе имѣлъ еще бой кавалерійскій и рукопашный. Побѣда сначала склонялась на сторону Ордена, особенно вслѣдствіе отступленія и бѣгства нѣкоторыхъ татарскихъ и литовскихъ отрядовъ; но полки русскіе (смоленскіе и др.) возстановили пошатнувшіеся было ряды славянской рати, которая перешла наконецъ въ наступленіе, когда и Ягелло, по настояніи Витовта, выступилъ изъ прикрытія для ободренія своихъ польскихъ войскъ. Несмотря на мужество рыцарей съ гохмейстеромъ во главѣ, который лично бросился въ самую гущу сраженія, войска Ордена были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство. Погибъ гохмейстеръ Ульрихъ и нѣсколько сотъ монаховъ-рыцарей; изъ наемниковъ же Ордена пало до 18.000, по другимъ — до 40.000, причемъ до 50 прусскихъ знаменъ было захвачено побѣдителями. Велика была убыль и въ рядахъ славянскихъ, хотя врядъ ли она достигала 60.000 ч. какъ утверждали нѣмецкіе историки. Во всякомъ случаѣ, это было одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій въ исторіи не только Ордена, но и всей средневѣковой Европы.

Какую панику распространило пораженіе Ордена въ его владѣніяхъ и насколько оно потрясло его авторитетъ, это видно изъ послѣдовавшей затѣмъ добровольной сдачи Ягеллѣ и Витовту цѣлаго ряда орденскихъ городовъ, крѣпостей, епископовъ и другихъ владѣтелей, такъ что черезъ нѣсколько недѣль въ рукахъ славянскихъ союзниковъ находились всѣ почти владѣнія Ордена, съ Гданскомъ во главѣ. Устоялъ только Маріенбургъ, и то благодаря не столько мужеству новаго гохмейстера Генриха фонъ-Плауена, сколько — нераспорядительности Ягеллы и его разногласію съ Ви-

товтомъ, повидимому, опасавшимся чрезмѣрнаго усиленія Польши на развалинахъ Ордена. Нѣкоторое содѣйствіе Ордену оказала и диверсія въ Литвѣ со стороны рыцарей Ливонскихъ, а въ Малой Польнѣ — со стороны Сигизмунда Угорскаго.

Благодаря этимъ условіямъ Танненбергская битва не вызвала немедленнаго паденія Ордена. Наоборотъ, по первому Торнскому миру (1 февр. 1411 г.) владѣнія его были восстановлены, почти въ прежнихъ границахъ, такъ что даже Жмудь отошла къ Ягеллѣ и Витовту лишь какъ пожизненное владѣніе ихъ, съ обязательствомъ возвратить ее впослѣдствіи Ордену, что впрочемъ на дѣлѣ не осуществилось.

Во всякомъ случаѣ, Танненбергскій погромъ настолько расшаталъ Орденъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько поднялъ духъ литовцевъ и поляковъ, что перевѣсъ государства польско-литовскаго надъ Орденомъ надолго былъ обезпеченъ и подчиненіе послѣдняго первому являлось лишь вопросомъ времени, притомъ не очень отдаленнаго. Съ той поры начинается для Ордена періодъ внутреннихъ смутъ, приведшихъ между прочимъ къ низложенію въ 1414 г. гохмейстера фонъ-Плауена и долготѣнному заключенію его въ темницу, якобы за шапни съ поляками. Прусскіе епископы, дворяне, бюргеры, несмотря на нѣмецкое происхожденіе большинства ихъ, не желали долѣе терпѣть въ странѣ теократическую тираннію тевтонскихъ рыцарей, такъ что когда Польша во второй половинѣ XV в. вмѣшалась въ эти смуты, то рыцарямъ пришлось обратиться за помощью къ чешскимъ кондотьерамъ. Въ 1466 г. по второму Торнскому миру Польша присоединила къ своимъ владѣніямъ всю западную Пруссію, съ Мариенбургомъ и Гданскомъ, оставивъ рыцарямъ только восточную половину ихъ государства и то какъ ленъ Польши. Въ началѣ XVI в. въ орденскихъ Пруссахъ распространилось лютеранство, вслѣдствіе чего эта нѣмецко-польская область, которую Лютеръ именовалъ: *abominabilis principatus, qui hermaphrodita quidam nec laicus, nec religiosus est*, утратила всякій смыслъ существованія. Послѣдній гохмейстеръ Ордена,

Альбрехтъ Бранденбургскій (изъ Гогенцоллерновъ), вынужденъ былъ вслѣдствіе того произвести въ этой области секуляризацию и объявить себя наслѣдственнымъ герцогомъ ея, но въ ленныхъ отношеніяхъ не къ Римской имперіи, а къ Польшѣ. Событіе это, какъ и битва подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ, увѣковѣчено извѣстною картиною Матейки.

Къ сожалѣнію, гибель Ордена не была гибелью и нѣмецкаго господства въ низовьяхъ Вислы и Нѣмана. Гогенцоллерны сумѣли вновь перетянуть эту область въ сферу Германіи и, присоединивъ ее къ Бранденбургу, образовать изъ нея большое государство, которое постепенно вытѣснило поляковъ изъ восточныхъ и западныхъ Пруссъ, захватило при Фридрихѣ II нѣкоторыя чисто польскія области и подъ именемъ Прусскаго королевства стало во главѣ Германской имперіи.

Но если это такъ, то, быть можетъ, Танненбергская побѣда является не болѣе, какъ блестящимъ, но безслѣднымъ фейерверкомъ въ исторіи отношеній міра восточнаго, греко-славянскаго, къ западному, латинонѣмецкому?

Нѣтъ, такое заключеніе было бы ошибочно, а вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливо по отношенію къ Витовту и другимъ героямъ этой побѣды. Несмотря на всѣ промахи, сдѣланные побѣдителями послѣ Танненбергской битвы, она оставила прочный слѣдъ въ исторіи грекославянъ, да и вообще Европы. Побѣда эта доказала возможность одолѣть рыцарство силами демократическими и національными, какъ это удалось незадолго передъ тѣмъ и швейцарцамъ подъ Земпахомъ (1368 г.), а туркамъ подъ Никополемъ (1398 г.); положила конецъ крестовымъ походамъ германскаго Запада на лѣтославянскій Востокъ въ побережьяхъ Балтики; подрѣзала корень существованія на этихъ побережьяхъ какъ бы второй „Латинской имперіи“ или монашеско-республиканской травестиціи ея; оживила и укрѣпила надежды славянства на возможность отстоять отъ Запада свою народную и культурную самобытность; содѣйствовала національному возрожденію не только Польши и

Литвы, но и Чехіи время Гуса, который не напрасно поздравил Ягеллу съ Танненбергской побѣдой, какъ торжествомъ божьяго дѣла надъ нѣмецкою гордынею; ослабила нѣмецкій натискъ на Жмудь, которая благодаря этому и сохранилась донынѣ въ рукахъ литвиновъ, опирающихся на Русь; облегчила успѣхи послѣдней въ Ливоніи, Куроніи, Эстоніи, охранивъ такимъ образомъ латышей и эстовъ отъ полной германизации, которая была бы неизбежна въ случаѣ торжества Ордена подъ Танненбергомъ. Такимъ образомъ и нынѣшняя національная слабость нѣмецкой стихіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ оказывается обусловленною столь отдаленнымъ отъ насъ и повидимому безразличнымъ для Россіи событіемъ, какъ Танненбергская битва. Она является, слѣдовательно, какъ бы предтечею битвы Полтавской, подобно тому, какъ миръ Торнскій, особенно второй, былъ предвѣстникомъ мира Ништадтскаго.

Танненбергъ и Полтава дали совершенно другой оборотъ балтійской части великаго Восточнаго вопроса, открыли для Россіи выходъ въ западныя моря, слѣдовательно опредѣлили до нѣкоторой степени ея міровое положеніе, ея руководящую роль не только въ славянствѣ, но и во всемъ восточно-христіанскомъ мірѣ.

Вотъ въ чемъ заключается всемірноисторическое значеніе разсмотрѣннаго эпизода и вотъ чѣмъ опредѣляется нашъ долгъ, какъ обитателей этого русскаго побережья, помянуть добрымъ словомъ отдаленныхъ отъ насъ по времени, но близкихъ по духу витязей, сломившихъ своимъ беззавѣтнымъ мужествомъ латинонѣмецкую гордыню подъ Танненбергомъ.

А. Будиловичъ.

Къ характеристикѣ Палацкаго.

(Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, 3 октября 1898).

2 (14) іюня въ Прагѣ отпразднована сотая годовщина рожденія чешскаго исторіографа и патріота Палацкаго. Весь чешскій народъ, безъ различія партій, принялъ участіе въ этомъ торжествѣ, при соучастіи представителей многихъ инославянскихъ, въ томъ числѣ и русскихъ, научныхъ и общественныхъ учреждений, а также многихъ академій западно-европейскихъ.

И нашъ Университетъ обратился по этому случаю къ Пражскому юбилейному комитету съ особымъ адресомъ. Наше Учено-литературное Общество не имѣло еще возможности принять въ той или другой формѣ участіе въ этомъ чешскомъ, да и вообще ученомъ торжествѣ. Но юбилейный годъ этого великаго писателя еще не истекъ, и мы не лишены возможности побесѣдовать о немъ по случаю этой годовщины, вызвавшей сверхъ множества адресовъ и рѣчей — актовыхъ, застольныхъ и др. — нѣсколько научныхъ изданій.

Для характеристики личности и дѣятельности Палацкаго изъ изданій этихъ наиболѣе пригодными мнѣ показались два: 1) *Palacký Národu* — изд. пражск. юбилейн. комитета и 2) *Pamatník na oslavu stých narozenin Palackého*, изд. чешск. учен. общества, чешск. Академіи и чешск. Матицы. Этими, главнымъ образомъ, изданіями я и воспользуюсь въ предлагаемой краткой характеристикѣ Палацкаго.

I. Взглядъ Палацкаго на важнѣйшіе моменты его личной жизни изложенъ въ автобіографической запискѣ, напечатанной въ Osvětě и переизданной въ упомянутомъ изданіи (Pal. Národu). Изъ воспоминаній своего дѣтства, Палацкій, упомянувъ о своемъ происхожденіи изъ моравскаго села Годславицы, лежащаго близъ водораздѣла Балтійскаго и Чернаго морей, подъ горой Радгоста или Радгоцемъ, который онъ потомъ воспѣвалъ и въ прозѣ и въ стихахъ, — съ любовью останавливается на характерахъ своихъ родителей, изъ которыхъ отецъ былъ, по его словамъ, при всей своей простотѣ, человѣкъ необычайный. Природа надѣлила - де его проницательнымъ умомъ и острою сообразительностью. Онъ жадно читалъ все, что попадалось ему подъ руку. Во всемъ, что касается людской нравственности, онъ былъ-де человѣкъ крайне строгій и съ дѣтми не нѣжничалъ, хотя о благѣ ихъ искренно заботился. Воли онъ былъ непреклонной, нерѣдко и вспыльчивъ. Усердно исполнялъ свои христіанскія обязанности и твердо держался своего церковнаго (именно — лютеранскаго) исповѣданія. Библію зналъ всю наизусть и ея словами руководился во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Характеристика эта важна потому, что Палацкій - сынъ очевидно былъ вылитый отецъ, столь же строгій въ своихъ взглядахъ, твердый въ дѣйствіяхъ и съ прочною религіозною основою.

Мать же Палацкаго, наоборотъ, была женщина добраго, мягкаго и примирительнаго нрава, любимая всѣми, кто ее зналъ. Образованія она не имѣла и даже говорить могла не иначе, какъ по-чешски. Кажется и Палацкій-сынъ не зналъ въ дѣтствѣ другого языка, хотя уже очень рано (пяти лѣтъ) прочелъ Кралицкую библію, гдѣ особенно увлекался исторіей Моисея и Иосифа, пѣснями Соломона и притчами Иисуса, сына Сирахова. Для изученія нѣмецкаго языка онъ былъ отданъ въ 1807 году на два года въ частную школу въ моравскомъ Кунвальдѣ, основанную и руководимую графиней Маріей изъ Вальбурга, урожденной Гаррахъ, гдѣ учебное дѣло поставлено

было очень хорошо и преподавались даже начала всеобщей истории, антропологии, физики, сельского хозяйства и т. п.

Но кроме нѣмецкаго языка тогда необходимъ еще былъ въ Австріи и латинскій, который особенно процвѣталъ въ школахъ венгерскихъ. Вѣроятно по этой причинѣ Палацкій былъ отданъ въ 1809 г. въ Тренчинъ, а въ 1812 г. въ Пресбургскій Евангелическій Лицей. Хотя система образованія была тамъ поставлена не особенно хорошо (именно, въ Тренчинѣ), все же Палацкій сознается, что подъ вліяніемъ тамошнихъ словаковъ зародился въ немъ интересъ къ чешской литературѣ, а также чрезъ сербовъ — къ литературѣ сербской, русской и церковно-славянской. Въ Пресбургскомъ Лицеѣ товарищемъ Палацкаго былъ и Колларъ, но его славизмъ развился-де позже, въ Іенѣ, подъ вліяніемъ Шафарика. Вообще, Палацкій считалъ себя мало обязаннымъ школѣ и любилъ впоследствии называть себя автодидактомъ (Рам. 249 стр.). По окончаніи въ 1817 г. Лицея Палацкій поступилъ въ гувернеры въ семейство Нины Зердагель, гдѣ оставался 5 лѣтъ до 1822 г. Эту даму, которая относилась къ нему съ любовью матери и принимала теплое участіе въ его дальнѣйшемъ литературномъ образованіи, онъ въ своихъ воспоминаніяхъ считаетъ наиболѣе приближающеюся къ идеалу чистой женственности. Въ ея домѣ Палацкій съ успѣхомъ продолжалъ свое философское и эстетическое образованіе и выступилъ на писательское поприще, какъ эстетикъ-кантіанецъ и поэтъ античнаго и клопштоковскаго направленія. Между прочимъ, Палацкій обдумывалъ тогда трагедію изъ русской истории (убіеніе Іоанна Антоновича) и романъ на тему Толстовскаго — Война и миръ (изъ врем. Наполеона I). Но уже въ то время началъ возникать въ немъ вопросъ: не призванъ-ли онъ быть историкомъ своего народа?

Необходимость свободной профессіи обусловлена была для него тѣмъ, что, какъ протестантъ, онъ не могъ-де при императ. Францѣ II получить никакого мѣста, кромѣ развѣ пасторскаго, къ которому не имѣлъ влеченія.

Въ апрѣлѣ 1823 г., окончивъ свое гувернерство въ домѣ венгерской помѣщицы, Палацкій прибылъ на нѣкоторое время въ Прагу, чтобы позаняться тамъ матеріалами для гуситской эпохи и вообще оріентироваться относительно дальнѣйшей своей карьеры.

Сердечно принятый въ обществѣ Юнгмана, Пресля, Ганки и другихъ чешскихъ патріотовъ, знавшихъ его по литературнымъ опытамъ, Палацкій постепенно втянулся въ чешскія отношенія и навсегда остался въ Прагѣ. Особенно важнымъ оказалось для дальнѣйшаго историческаго его образованія то, что Палацкій засталъ еще въ живыхъ въ Прагѣ геніальнаго патріарха славянской филологіи Добровскаго, который дозволилъ молодому земляку ежедневно къ нему приходить для упражненія въ чтеніи старыхъ грамотъ и вообще для изученія источниковъ чешской исторіи. Эти частныя занятія стоили для Палацкаго цѣлаго университета! Они имѣли вліяніе на дальнѣйшую его жизнь и въ томъ отношеніи, что Добровскій, узнавъ поближе Палацкаго и полюбивъ его, ввелъ его въ среду чешской аристократіи, а именно: графовъ Штернберковъ (Францъ, основатель чешскаго музея, лучший знатокъ чешской исторіи послѣ Добровскаго и Касперъ, геологъ, другъ Гёте), которыхъ генеалогію онъ долженъ былъ составить, а затѣмъ гр. Чернина, кн. Кинскаго, гр. Кламъ Мартиница, Хотека и др. При ихъ посредствѣ Палацкій не только ближе ознакомился съ семейными архивами старочешской шляхты, но и съ современною политическою жизнью Чехіи и вообще Европы, что благопріятно отразилось на его дальнѣйшей дѣятельности.

Въ концѣ 1825 г. на одномъ изъ обѣдовъ у гр. Франца Штернберка, гдѣ присутствовалъ и Добровскій, завязался разговоръ о томъ: можетъ-ли еще воскреснуть чешскій народъ? Добровскій относился къ этому скептически, но Палацкій утверждалъ, что возрожденіе возможно, если чешскіе ученые и писатели будутъ писать не по-нѣмецки лишь (какъ это дѣлалъ Добровскій), но и по-чешски. Результатомъ этой бесѣды, гдѣ сторону Палацкаго принялъ гр. Фр. Штернберкъ,

предсѣдатель чешскаго музея, былъ проектъ изданія при послѣднемъ журнала на языкахъ — нѣмецкомъ (2 года) и чешскомъ (впослѣдствіи только на немъ). Редакторомъ былъ избранъ Палацкій, что создало для него нѣсколько лучшее общественное положеніе, дозволило жениться на дочери одного зажиточнаго и вліятельнаго чешскаго адвоката (др. Мехуры) и впослѣдствіи получить отъ чешскихъ чиновъ званіе чешскаго историографа (высочайше утвержденъ только въ 1839 г., послѣ выхода I т. Дѣинъ). Съ какой быстротой онъ ориентировался въ чешской историографіи, видно изъ его конкурсной работы: *Würdigung der ältesten Quellen zur böhmischen Geschichte* (увѣнчана въ 1830 г.). Сочиненіе это напоминаетъ въ чешской историографіи соч. Ваттенбаха: „*Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*“ въ историографіи нѣмецкой.

Въ 1829 г. умеръ Добровскій, а въ 1830 г. и Фр. Штернберкъ, но послѣдняго замѣнилъ до нѣкоторой степени кн. Кинскій, предсѣдатель новоучрежденной при живомъ участіи Палацкаго въ 1830 г. чешской Матицы.

Упоминаетъ Палацкій въ своей автобіографіи и о планѣ русскаго правительства въ 30-хъ годахъ вызвать въ Петербургъ знаменитаго поэта и филолога-слависта Челяковскаго, археографа Ганку, славяновѣда Павла Шафарика, что Палацкій считалъ вреднымъ для чешской науки и литературы, почему онъ и уговорилъ сначала Челяковскаго, а потомъ и Шафарика отказаться отъ этого вызова и помочь имъ устроиться кое-какъ въ Прагѣ, которая-де вслѣдствіе того „утвердила свое научное первенство между славянскими народами“.

Изъ событій начала 40-хъ гг. Палацкій упоминаетъ о читанномъ имъ въ домѣ кн. Карла Шварценберга для двадцати передовыхъ чешскихъ магнатовъ особомъ историческомъ курсѣ: „О правахъ и дѣятельности старочешскихъ сеймовъ“.

Архивныя студіи для чешской исторіи или „Дѣинъ“ Чехіи и Моравіи не разъ отвлекали Палацкаго отъ Праги — то въ различные чешскіе провинціальныя архивы (особенно Крум-

левскій гр. Шварценберга), то въ заграничныя, напр., въ Мюнхенъ, Бреславль, Згорѣлецъ, Римъ, Дрезденъ, Берлинъ, въ Угрію и др.

Нѣсколько позже, приблизившись къ эпохѣ гуситской, Палацкій вынужденъ былъ заняться спеціально чешской исторической топографіей, надъ чѣмъ просидѣлъ 3 года (1845—1848 г.) и, какъ результаты этого громаднаго труда, издалъ: *Popis král. Českého*.

Событія 1848 г. вызвали Палацкаго къ политической дѣятельности. Чтобы противодѣйствовать разрушительнымъ аспираціямъ нѣмецкимъ и мадьярскимъ, направленнымъ противъ Австріи, слѣдовательно грозившимъ неизвѣстностью и чехо-моравскимъ областямъ, Палацкій совмѣстно съ нѣмецкимъ его пріятелемъ, поэтѣмъ Эбертомъ, созвалъ чешскихъ и нѣмецкихъ писателей къ обсужденію общихъ дѣлъ. Собраніе это, подъ предсѣдательствомъ Шафарика, рѣшило защищать начало равноправности обоихъ народовъ Чехіи и соединеніе земель чешской короны съ конституціонной монархіей Австрійской. Въ апрѣлѣ 1848 г. Палацкій получилъ приглашеніе изъ Франкфурта на Майнѣ прибыть туда для участія въ парламентѣ Нѣмецкой Имперіи. Немедленно онъ отвѣтилъ мотивированнымъ отказомъ, который былъ напечатанъ и вызвалъ ненависть къ Палацкому въ средѣ нѣмцевъ-пангерманистовъ. Въ маѣ Палацкому былъ предложенъ портфель министра нар. просв. въ кабинетѣ Пиллерсдорфа, но Палацкій отказался, предвидя протестъ мадьяръ и нѣмцевъ противъ подобнаго усиленія славизма въ Австріи. Лишь потомъ-де Палацкій узналъ, что при одномъ слухѣ объ этомъ именованіи уже нанятъ былъ въ Вѣнѣ мясникъ, долженствовавшій зарѣзать новоименованнаго министра-чеха.

Вскорѣ въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ, на которомъ при содѣйствіи Палацкаго рѣшено поддерживать Австрійскую монархію, но съ тѣмъ, чтобы она была преобразована на основахъ равноправности всѣхъ ея народовъ. Но чешская молодежь, по внушеніямъ мадьярскихъ эмиссаровъ, вызвала

тогда въ Прагѣ столкновѣніе съ войсками и бомбардировку города кн. Виндишгрецомъ, что очень вредно отразилось на чешскихъ дѣлахъ.

На Вѣнскій Имперскій Сеймъ (Рейхсратъ) 1848 г. Палацкій былъ избранъ депутатомъ въ 6 мѣстахъ. И тамъ онъ впервые предложилъ тотъ проектъ Австрійской конституціи, основанный на разграниченіи властей центральныхъ и областныхъ, который впоследствии былъ утвержденъ въ октябромъ дипломѣ 1860. Палацкому вновь предложенъ былъ осенью 1848 г. постъ министра народ. просвѣщ., но онъ вторично отказался, опасаясь оппозиціи нѣмцевъ.

На рейхсратѣ Кромѣрижскомъ Палацкій занимался опять въ Конституціонномъ Комитетѣ, но изъ этого ничего не вышло, вслѣдствіе распущенія этого рейхсрата и октроирования конституціи 4 марта 1849 г., которая, впрочемъ, фактически въ жизнь не вступила. Съ тѣхъ поръ Палацкій возвращается къ своимъ историческимъ студіямъ, особенно когда правительство едва не предало было его военному суду за напечатанную осенью 1849 г. въ *Nag. Novinach* Гавличка статью: „О централизаци и народной равноправности въ Австріи“. Даже въ средѣ своихъ друзей, въ составѣ чешской Матицы, Палацкій не встрѣчалъ уже прежней поддержки, такъ что онъ вынужденъ былъ сложить съ себя званіе секретаря чешскаго Музея и предсѣдателя комитета по сооруженію чешскаго театра, какъ ни тяжело это ему было.

Съ 1851 г. по 1860 г. Палацкій почти вовсе не занимался ни политическими, ни общественными дѣлами, что — скажу въ скобкахъ — благопріятно отразилось на его работахъ по Дѣнамъ, которые быстро тогда подвинулись до смерти Юрія Подѣбрада и такимъ образомъ могли быть впоследствии доведены до 1526 г., т. е., до утвержденія въ Чехіи династіи Габсбурговъ.

Въ 1859 г. онъ потерялъ жену. Ее отчасти замѣнила ему дочь, вышедшая за Ригера, съ которымъ Палацкій по-

дружился еще въ 1848 г. и жилъ впоследствии въ полномъ согласіи до смерти въ одномъ домѣ.

Въ конституціонный періодъ Австрійской исторіи (1860 г.) Палацкій былъ именованъ членомъ Палаты Господъ и игралъ видную роль въ Сеймѣ, а равно въ Пражскомъ обществѣ. За федералистическія тенденціи на него сильно нападали нѣмцы, а за связь съ аристократами и ксендзами — чешскіе радикалы.

Изъ событій дальнѣйшей жизни Палацкаго, не вошедшихъ въ его автобіографію, упомяну еще о его участіи на Московскомъ Славянскомъ Сѣздѣ 1867 г., гдѣ онъ игралъ роль патріарха и оратора, между прочимъ, при представленіи славянскихъ гостей Государю въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ, о его пассивной политикѣ, вызванной дуализмомъ 1867 г. и затѣмъ подчиненіемъ Австро-Венгріи внушеніямъ изъ Берлина. Эти внушенія совершенно поколебали подъ конецъ его жизни его вѣру въ Австрію и въ возможность равноправности ея народовъ.

II. Въ ранней своей молодости, какъ студентъ Пресбургскаго Лицея и потомъ какъ начинающій чешскій литераторъ, Палацкій много занимался философіей, особенно эстетическимъ ея отдѣломъ. Это соотвѣтствовало и духу того времени, когда подъ вліяніемъ Канта въ западной Европѣ зародилось столь сильное философское движеніе, нашедшее для себя отголосокъ и въ наукахъ историческихъ (Гердеръ, В. Гумбольдъ) и въ области искусства (Винкельманъ, Шиллеръ, Шлегель, романтики), и въ естествознаніи (Шеллингъ); а вмѣстѣ отвѣчало и личнымъ наклонностямъ молодого литератора, который чувствовалъ въ себѣ большія силы и искалъ поля для ихъ цѣлесообразнаго примѣненія. Первое время онъ склонялся къ мысли, что призванъ быть поэтомъ, но болѣе внимательный анализъ своихъ произведеній, составленный подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда идей литературной критики, убѣдилъ юнаго писателя, что, обладая сильнымъ

чувствомъ, онъ не имѣетъ однако достаточно богатой фантазіи, которая, между тѣмъ, считалась необходимою для творчества въ изящной области. Тогда онъ рѣшился освѣтить для другихъ эту область, — для поѣтовъ и критиковъ, — вообще, для своихъ чешскихъ земляковъ, на языкъ которыхъ онъ чуть-ли не впервые сталъ писать въ 19 в. самостоятельныя сочиненія по вопросамъ философскимъ. Этимъ работамъ посвящено было 6—7 лѣтъ его ранней молодости, какъ видно изъ сохранившихся въ семьѣ Палацкаго его выписокъ и записокъ за 1816—1821 г. (описанныхъ О. Гостинскимъ въ Рам. 367—390 стр.). Изъ этихъ выписокъ видно, что въ ранніе свои годы Палацкій усердно изучалъ эстетическіе взгляды древнихъ грековъ и римлянъ, а затѣмъ — въ новой Европѣ: итальянцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, стараясь по возможности провѣрить ихъ на произведеніяхъ великихъ художниковъ, особенно поѣтовъ, въ надеждѣ выработать впослѣдствіи собственную систему эстетики, какъ науки о прекрасномъ и его выраженіи въ произведеніяхъ искусства.

Суть философскаго ученія Палацкаго вообще, а по эстетикѣ въ частности (по изложенію Леандера Чеха въ Рам. 404 и сл.) заключается въ слѣдующемъ.

Палацкій не соглашается съ Кантомъ въ его положеніи (*Kritik der Urtheilskraft*), что красовѣда (т. е. ученіе о прекрасномъ) невозможна, такъ какъ-де (по Канту) „прекрасно то, что нравится безъ отчетливаго знанія, слѣдовательно, и критика прекраснаго не можетъ быть приведена къ разсудочнымъ принципамъ“. И Палацкій допускаетъ, что сущность красоты не можетъ быть постигнута мыслию, но полагаетъ, что не эта сущность должна быть предметомъ красовѣды, а только закономерность красоты, подобно какъ и въ этикѣ предметомъ изученія служитъ закономерность добра. Если же существуетъ закономерность прекраснаго, слѣдовательно, законы красоты, то возможна и наука объ этихъ законахъ или красовѣда. Конечно, она не можетъ - де быть такою наукою, какъ математика, гдѣ всѣ положенія развиваются съ

внутренней необходимостью, но вѣдъ правдою можетъ быть не то только, что взвѣшивается и измѣряется, а наоборотъ, самыя важныя правды человѣческой жизни не могутъ быть переведены на мѣру и число. Такимъ образомъ, цѣлью красовѣды является изслѣдованіе зарожденія красоты въ чувствѣ и мысли, ея соотношеній съ силами духа вообще и ея отраженія во внѣшнемъ мірѣ; а далѣе — изслѣдованіе законовъ искусства, въ частности: поэзіи, музыки, живописи и скульптуры, чтобы, такимъ образомъ, открыть и философу и художнику возможность пониманія того, почему данные предметы прекрасны или непрекрасны и почему они либо возбуждаютъ восторгъ въ наблюдателѣ, либо наоборотъ, вызываютъ отвращеніе къ себѣ.

Методъ этой науки, изучающей одно изъ проявленій закономерности духа, можетъ быть по Палацкому лишь психологическій, притомъ не эмпирический, а рационально или спекулятивно-психологическій.

Основнымъ положеніемъ эстетики Палацкаго является то, что красота есть идея, т. е., нѣчто особое, существенное и самостоятельное въ духѣ человѣка, что она и чувствуется не тѣломъ, а духомъ, образуя особый кругъ духовныхъ явленій, причемъ прекрасные предметы имѣютъ особаго рода закономерность и въ мірѣ внѣшнемъ.

Духъ Палацкій противопоставляетъ съ одной стороны природѣ, какъ субъективное объективному, съ другой же — Богу, который въ чистомъ сознаніи человѣка является-де такою же духовною необходимостью, какъ и бытіе міра вообще. Реальное отношеніе духа къ Богу и къ природѣ лежитъ внѣ границъ познанія: оно можетъ быть лишь предметомъ вѣрованія; но закономерность, съ которой выражается взаимодѣйствіе этихъ трехъ принциповъ, доступна-де нашему изслѣдованію и она-то составляетъ главный предметъ человѣческаго познанія.

Взаимодѣйствіе различныхъ принциповъ выражается въ ихъ стремленіи взаимно другъ друга опредѣлить или обусловить. Въ земной же жизни человѣка главной задачей

представляется то, чтобы утвердить принципъ духа въ борьбѣ съ природою, подчинивъ разнообразіе вселенной единству духа. Та сторона духа, въ которой онъ самъ выражается, какъ самостоятельная сила, проявляется въ мысли; та же сторона, въ которой онъ соприкасается съ внѣшнимъ міромъ, проявляется въ чувствѣ. Въ зависимости же отъ того, выражается-ли мысль, какъ сила, постигающая внѣшній міръ, или какъ сила, опредѣляющая послѣдній — мысль проявляется то какъ познаніе, то какъ воля.

Средоточіемъ всей душевной жизни Палацкій считаетъ чувство, какъ первичный элементъ духа и какъ-бы фокусъ, изъ котораго выходятъ лучи его дѣятельности и въ которомъ они вновь теряются. Чувство прежде всего удостовѣряетъ насъ въ нашемъ бытіи, самопроизвольности, личности; въ немъ основа убѣжденій, не требующихъ доказательства, но опережающихъ всякую аргументацію. Это самый стволъ нашего бытія. Имъ же постигаемъ мы реальность міра объективнаго. Это источникъ всей нашей духовной дѣятельности и какъ бы маятникъ всего нашего существа. Въ чувствѣ сохраняются всѣ внѣшнія впечатлѣнія, причемъ они закутываются тамъ въ облако таинственности и идей, желаній и воли, чтобы затѣмъ проявиться въ видѣ понятій; въ немъ же заложены искры всякаго познанія, надежды и вѣры, хотя значительная часть этихъ искръ не возжигается въ видимое пламя.

Въ чемъ же особенно выражается въ духѣ человѣка искра божества, источникъ его самостоятельной силы и дѣятельности? Зародышемъ этой искры божества являются-де наши стремленія, а ея проявленіемъ — наши идеи.

Послѣдней же цѣлью жизни представляется по Палацкому божественность, какъ совокупность всѣхъ конечныхъ цѣлей жизни, какъ приближеніе къ состоянію богоподобному. Когда говорится, что цѣль человѣка быть совершеннымъ человѣкомъ, а съ другой стороны, что его цѣль быть божественнымъ, то въ этомъ нѣтъ противорѣчія, ибо человѣкъ есть образъ божій,

призванный выразить заложенный въ немъ стороны духа въ абсолютномъ совершенствѣ, т. е. достигнуть абсолютной свободы, абсолютной правды, абсолютнаго добра и абсолютной красоты.

Чѣмъ же особенно отличается идея красоты отъ идеи истины и добра? Ихъ отношеніемъ къ свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на борьбу духа съ природою, по пути къ торжеству перваго надъ второю, то нельзя не замѣтить, что въ этой борьбѣ мысль и воля руководятся строгими категориями разума, въ которыхъ нѣтъ ничего шаткаго и произвольнаго, а одна желѣзная необходимость, подобная той, которая опредѣляетъ жизнь природы. Этимъ путемъ достигается ростъ духа въ области истины и добра, науки и справедливости.

Но бываютъ моменты, когда духъ и природа не находятся въ борьбѣ, но какъ бы удерживаются въ равновѣсіи: тогда возникаетъ болѣе свободное проявленіе жизни, основанное на игривой и самоцѣльной гармоніи силъ, гдѣ ни разумъ не давитъ строгостью своихъ законовъ, ни матеріальность — слѣпотою своихъ порывовъ, но оба подчиняются новому управленію, новому единству.

Конечною же цѣлью этого свободного отношенія духа къ матеріи, хотя оно не даетъ ни знаній, ни добродѣтелей, все же является божественность. Но эта божественность касается лишь формы или способа проявленій божественной силы, всевѣдѣнія, всесправедливости. Стремленіе къ красотѣ есть, слѣдовательно, стремленіе къ наблюденію или изображенію въ формѣ божественнаго, а слѣдов., и совершенно-человѣческаго. Достигается же эта цѣль тогда, когда чувство, какъ выразитель субъективнаго, и фантазія, какъ выразитель объективнаго, соединяются для общей работы, гдѣ уже нѣтъ ни борьбы, ни постороннихъ цѣлей, а царствуетъ свобода и высшая гармонія. Результатомъ этой свободной дѣятельности духа является прекрасное, идея котораго соотвѣтствуетъ формѣ божественнаго. Совмѣстными силами чувства и фантазіи человѣкъ создаетъ-де

себѣ новый міръ, гдѣ вѣдетъ творческая свобода, искренность, прелесть и благородство.

Возможность столь тѣснаго и гармоническаго взаимодействия духа и матеріи въ художественномъ творествѣ Палацкій объясняетъ тѣмъ, что міръ внутренній и внѣшній являются какъ-бы двумя одинаково настроенными музыкальными инструментами: когда одинъ изъ нихъ зазвучитъ, другой откликается. Да и въ самой природѣ замѣтна-де извѣстная симметрія, которая находится въ соотношеніи съ чувствомъ гармоніи и красоты. Если въ борьбѣ духа и матеріи побѣда суждена первому, то и законы проявленій перваго должны быть совершеннѣе, чѣмъ послѣдней. Потому-то и можетъ духъ усовершенствовать формы внѣшней природы и выработать изъ нихъ совершеннѣйшіе образы своего собственнаго существа или идеалы, въ которыхъ и выражается божественность, объективированная фантазіей.

Призваніе художника воплощать идеалы человѣка, но путемъ не логической абстракціи, а волшебной угадкой генія. Потому то такая сила всегда будетъ особымъ божіимъ даромъ или порывомъ духа человѣческаго, направленнымъ къ божественному. Этимъ объясняется общечеловѣческая любовь къ произведеніямъ чистаго искусства и вызываемый ими энтузіазмъ въ лучшихъ представителяхъ чистой человѣчности.

Не останавливаясь подробнѣе на развитіи этихъ основныхъ взглядовъ эстетики Палацкаго въ его статьяхъ о родахъ и видахъ прекраснаго, отмѣчу, что вообще эстетика эта осталась незаконченною, почему и оцѣнка ея общаго философскаго значенія представляется довольно трудною. Можно только сказать вообще, что она представляетъ дальнѣйшее развитіе идей Канта, переработанныхъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Платона и англійскихъ интеллектуалистовъ. Придерживаясь субъективныхъ основаній прекраснаго, онъ лишь кое-гдѣ касался объективныхъ его проявленій въ природѣ и жизни, на что впоследствии стали болѣе напирать эстетики-эмпиристы (Фехнеръ и др.)

Но значеніе красовѣды Палацкаго не исчерпывается ея соотношеніями къ Канту и Шиллеру, или къ Платону и Бэкону. Слѣдуетъ отмѣтить, что это было первое самостоятельное философское сочиненіе на новочешскомъ языкѣ. Палацкому пришлось впервые разработать — и очень удачно — всю философскую терминологію этого языка, которая въ значительной мѣрѣ удержалась въ позднѣйшихъ чешскихъ сочиненіяхъ этой области. Палацкій высказывалъ даже въ одномъ изъ писемъ къ Коллару мнѣніе, что „славяне должны мыслить, говорить и дѣйствовать по-славянски, отбросивъ нѣмецкіе буквари“; но въ чемъ именно выразилась славянская народность въ этой эстетикѣ — кромѣ языка — сказать трудно. Можетъ быть въ сердечномъ его стремленіи къ божественному? въ довѣріи къ высшимъ существамъ и надеждамъ? въ стремленіи примирить Платона и Бэкона? Юма и Канта? Во всякомъ случаѣ Палацкій вынесъ изъ этихъ занятій не только широкое литературное и вообще художественное образованіе, но и навыкъ строго критически думать и выражаться, а вмѣстѣ стремиться къ зерну явленій, искать высшихъ идей и научныхъ обобщеній въ drobныхъ явленіяхъ личной и исторической жизни. Все это очень пригодилось ему потомъ, когда пришлось отъ этихъ общихъ философскихъ вопросовъ перейти къ явленіямъ чешской современности, къ вопросамъ ея жизни язычной и научной, политической и общественной, а наконецъ углубиться въ ея прошлое и стать исторіографомъ своего народа.

III. По отношенію къ чешскому языку роль Палацкаго была нѣсколько аналогична той, какую въ Россіи сыгралъ Карамзинъ, съ которымъ вообще у Палацкаго имѣется много аналогій, конечно, *mutatis mutandis*.

Когда Палацкій прибылъ въ Прагу въ 1823 г., въ Чехіи шелъ ожесточенный споръ приверженцевъ стариннаго чешскаго языка, развившагося въ гуситскій и протестантскій періоды и закрѣпленнаго въ концѣ 16 в. Кралицкой библіей

(1579—1593 г.), а затѣмъ — въ 17 в. педагогическими и пансофическими сочиненіями Амоса Коменскаго, — съ одной стороны, а поклонниками новочешскаго языка и образованія — съ другой. Во главѣ перваго или чешско-классическаго направленія стоялъ чешскій Шишковъ Неѣдлый; во главѣ же втораго или модернизирующаго знаменитый чешскій лексикографъ и историкъ литературы Іосифъ Юнгманъ (Младенъ). Къ послѣднему примыкалъ въ вопросахъ правописанія и просодіи Добровскій. Къ нимъ же не только по личной дружбѣ, но и по стремленіямъ къ дальнѣйшему движенію въ области язычно-литературной, примкнулъ и Палацкій. Это имѣло важное значеніе, ибо Палацкій, какъ издатель Часописа чешскаго музея, а впослѣдствіи, какъ чешскій исторіографъ, какъ самый вліятельный чешскій ученый и даже политикъ, занялъ и долго удерживалъ центральное мѣсто въ ряду чешскихъ писателей. Кромѣ того по своему, хотя твердому и непреклонному, но вмѣстѣ съ тѣмъ примирительному направленію и рѣдкому такту во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, Палацкій сглаживалъ контрасты и крайности обоихъ направленій — архаизирующаго и новаторскаго, приводя ихъ къ мѣрѣ и ко взаимному сближенію. Благодаря этому въ чешскомъ литературномъ языкѣ, какъ онъ установился послѣ довольно продолжительной борьбы этихъ двухъ направленій, законченной къ концу тридцатыхъ годовъ, не произошло столь рѣзкаго разрыва съ языкомъ Штитнаго, Гуса, Хельчицкаго, Велеславины, Коменскаго, какъ напр. это случилось въ языкѣ новосербскомъ по сравненію съ языкомъ славяно-сербскимъ и даже далматинскимъ, благодаря язычному радикализму Вука Караджича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ литературный языкъ новочешскій подъ перомъ Палацкаго и его послѣдователей достаточно сближился и съ новочешскимъ просторѣчіемъ, слѣдовательно, освѣжился въ своемъ составѣ и строѣ и сталъ болѣе пригоденъ къ выраженію тѣхъ идей, которыя не были извѣстны во времена до Бѣлогорской битвы и составляютъ характеристику новоевропейской культурной жизни. Характерно для Палацкаго его

стремленіе совершенно избѣгать иноязычныхъ терминовъ, чтобы этого рода примѣсами не затруднять распространеніе чешскихъ книгъ между народными массами, которыя предстояло привлечь къ этой литературѣ и культурѣ. Подобно своимъ друзьямъ Юнгману, Шафарику, Челяковскому и другимъ корифеямъ этой литературной школы, Палацкій былъ строгій пуристъ въ лексиконѣ, причемъ можно пожалѣть лишь о томъ, что при выработкѣ новыхъ терминовъ для научныхъ и вообще отвлеченныхъ понятій, эти чешскіе пуристы вовсе не воспользовались богатымъ терминологическимъ наслѣдіемъ языка церковно-славянскаго, которое опредѣлило лексикальный составъ соответствующей области въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Палацкому же принадлежитъ заслуга распространенія чешскаго языка между чешскоморавской шляхтой, которая до того была сильно онѣмечена и отчуждена отъ народной рѣчи.

При немъ же и благодаря ему былъ рѣшенъ вопросъ о единствѣ литературнаго языка для всѣхъ славянскихъ говоровъ не только Чехіи, но и Моравіи, гдѣ были діалектологи, расположенные къ перестройкѣ чешскаго языка по основамъ моравско-валашскаго или другого нарѣчія, какъ болѣе первобытнаго или органическаго, чѣмъ говоръ пражскій. Палацкій показалъ въ очень замѣчательной статьѣ по этому вопросу (въ *ČSM.* 1832 г.), что чешскій литературный языкъ не создается теперь, а сохраняется отъ временъ чешской государственной и народной независимости; что онъ сложился на почвѣ столѣтняго пражскаго говора по тѣмъ же причинамъ, по которымъ это случилось съ лондонскимъ говоромъ въ Англіи, парижскимъ во Франціи, кастильскимъ въ Испаніи, флорентинскимъ въ Италіи, верхнесаксонскимъ въ Германіи; что хотя матерія литературныхъ языковъ мѣняется непрерывно, но форма ихъ къ извѣстному времени устанавливается (напр.: во французскомъ языкѣ со времени Людовика XIV, въ итальянскомъ — съ XVI в. или медичейской эпохи, въ англійскомъ — съ эпохи королевы Анны, въ нѣмецкомъ — съ первой половины 18 в.); что въ чешскомъ языкѣ канонъ

формъ установился съ XVI в., что эти формы языка въ связи съ литературою являются какъ бы палладіумомъ народнаго быта. Не одни мораване и словаки, но и различные чешскіе говоры должны-де дѣлать подобныя жертвы на алтарѣ этого общаго канона, котораго основнымъ памятникомъ является притомъ памятникъ моравскій, а не чешскій, именно, кралицкая біблія. Поэтому дальнѣйшіе споры чеховъ и мораванъ о языкѣ должны считаться потерей времени и силъ, приносящими пользу только ихъ недругамъ.

На Моравѣ этотъ голосъ Мораванина восторжествовалъ. Но на Словачинѣ, всѣ усилія Палацкаго (въ *Hlasu o Protřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slovaky* 1846) оказались безуспѣшными, и оттуда языкъ чешскоморавскій былъ вытѣсненъ словацкимъ или т. назыв. бернолачиной. Но это совершилось подъ вліяніемъ болѣе широкихъ взглядовъ на задачи общеславянскаго литературнаго языка, въ развитіи которыхъ Палацкій не принималъ дѣятельнаго участія, необходимость котораго онъ отчасти даже отрицалъ: это было одною изъ главныхъ причинъ и нѣкоторыхъ другихъ разочарованій Палацкаго, о которыхъ будетъ сказано ниже.

IV. Когда Палацкій выступалъ въ 1825 и слѣд. годахъ на поле чешской исторіографіи, степень ея предыдущей обработки приблизительно соотвѣтствовала той, на какой находилась русская исторія при выступленіи Карамзина. Пубичка приблизительно соотвѣтствовалъ Татищеву, Пельцль — Щербатову, Добнеръ — Болтину, Добровскій — Востокову, кружокъ гр. Штернберка — кружку гр. Румянцева. И значеніе историческихъ трудовъ Палацкаго, особенно его Дѣинъ, въ Чехіи не только не уступаетъ значенію для Россіи исторіи Карамзина, но, пожалуй, еще превышаетъ, потому что въ Чехіи исторія имѣетъ болѣе соотношеній съ политикой, съ правомъ и вообще съ современностію, чѣмъ въ Россіи.

Подобно Карамзину въ Россіи, Палацкій въ Чехіи впервые разработалъ — если не до дна, то все же въ значительной

мѣрѣ, а главное, строгокритическимъ методомъ — важнѣйшіе архивные матеріалы, т. е., какъ лѣтописи или хроники, такъ и грамоты, земскія доски, акты — политическіе, судебные, церковные и т. д. Значительная часть этихъ archivaria была и издана впервые строгонаучнымъ образомъ Палацкимъ въ „Архивѣ Чешскомъ“. Онъ же впервые разработалъ въ деталяхъ древне-чешскую топографію (см. *Popis kral. Českého*). Наконецъ, онъ представилъ въ прагматическомъ изложеніи *Dějiny národa Českého v Čechách a v Moravě* съ древнѣйшихъ временъ до 1526 г. (въ 5 томахъ 11 вып.), т. е., за весь періодъ самостоятельной чешской исторіи, до соединенія съ Габсбургами. Для самой важной во всемірноисторическомъ отношеніи эпохи, именно, для Гуса и гуситства имѣется нѣсколько специальныхъ работъ Палацкаго (*Documenta illustrantia vitam J. Hus; Zur böhmischen Geschichtsschreibung* и др.). Кроме того имъ издано множество мелкихъ историческихъ статей и изслѣдованій, которыя собраны были имъ въ трехтомномъ сборникѣ *Radhošť*. Въ *Pamatník*ѣ 1898 г. находится цѣлый рядъ статей, объясняющихъ ходъ историческихъ работъ Палацкаго и научное ихъ значеніе. Для нашихъ цѣлей особенно интересна статья Іосифа Калоусека о руководящихъ мысляхъ въ историческомъ трудѣ Палацкаго. Воспользуемся собранными въ ней данными для характеристики Палацкаго, какъ историка.

Въ своихъ Дѣинахъ Палацкій является не только критическимъ ученымъ и объективнымъ изслѣдователемъ, но и философомъ, выясняющимъ значеніе то отдѣльныхъ фактовъ, то личностей, то цѣлыхъ эпохъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ патріотомъ, который принимаетъ къ сердцу событія народнаго прошлаго, черпая изъ нихъ и вѣру въ будущее, и поученія, вытекающія изъ подвиговъ и ошибокъ прошлаго для дѣйствующихъ нынѣ на той же нивѣ поколѣній. Выучился Палацкій этой философско-морализующей манерѣ исторіографіи главнымъ образомъ у англійскихъ историковъ Болингброка († 1751 г.), Блэра (*Bléure* † 1800 г.), Робертсона († 1793 г.), швейцарца Іог.

Мюллера († 1809 г.) и нѣмецкаго историка Генриха Людена († 1847 г.), отчасти также у Гердера; Гиббона и, можетъ быть, у Карамзина, котораго онъ изучалъ еще въ Венгріи. Что же касается того философскаго міросозерцанія, подѣ угломъ котораго онъ оцѣнивалъ факты чешской исторической жизни, то оно уже нѣсколько намъ знакомо изъ предыдущаго очерка основъ его „красовѣды“. Хотя міросозерцаніе это нѣсколько смахивало на философскій теизмъ и не вполне совпадало съ теизмомъ христіанскимъ, однако въ своихъ Дѣйнахъ Палацкій является искреннимъ поклонникомъ христіанской церкви, считая ея ученіе самымъ чистымъ, возвышеннымъ и совершеннымъ, вполне удовлетворяющимъ религіознымъ потребностямъ человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ. Ученіе Христа о вѣрѣ и нравственности представлялось ему въ высшей степени простымъ, равно возвышеннымъ и общедоступнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всеобъемлющимъ; оно не только не противорѣчило-де разуму, но и служило высшимъ его проявленіемъ. Вліяніе этой исторической церкви на развитие человѣчества было самымъ благотѣльнымъ, благодаря, между прочимъ, неизмѣримо важному факту соединенія христіанства съ греческой образованностію и съ міровой Римской Имперіей. Въ періодъ выступленія Славянъ на историческое поприще образованность христіанская, опирающаяся на греко-римскую, имѣла такую силу, что Чехамъ приходилось или поскорѣе подчиниться ей, какъ они и поступили, или вступить съ нею въ борьбу и погибнуть, какъ это случилось съ Бодричами, Лютичами, Ратарями и другими ихъ соплеменниками.

Тутъ нельзя не отмѣтить, что Палацкій не придавалъ существеннаго значенія дуализму образованности античной — греческой и римской, а равно и развитой на ея корняхъ образованности восточнохристіанской и западнохристіанской. Вслѣдствіе того онъ не могъ оцѣнить истиннаго значенія многихъ эпохъ чешской исторіи, напр., Ростиславовой или Св. Меѳодіевской, затѣмъ Людмилы-Вячеславовой (10 в.), далѣе Про-

коповой (11 в.), Гусо-Иеронимовой (14—15 в.), и даже отчасти чешско-братской, какъ это показано въ критикѣ Елагина на Дѣины, а также въ сочиненіяхъ Новикова, Гильфердинга, Ламанскаго и нѣкоторыхъ младшихъ чешскихъ историковъ.

Что касается отношенія Палацкаго къ конфессіональнымъ спорамъ стараго и новаго времени, то, будучи не католикомъ и не православнымъ, а протестантомъ, выводившимъ свои религіозныя воззрѣнія изъ эпохи гуситской и чешскобратской, онъ однако старательно избѣгалъ всякой вѣроисповѣдной партійности въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій и стремился къ примиренію возникшихъ на этой почвѣ разногласій и споровъ принципами вѣротерпимости и справедливости.

Затѣмъ, въ исторіи Палацкимъ при оцѣнкѣ событій очень часто примѣнялся принципъ взаимодействія двухъ силъ, отражающихъ дуализмъ, напр., духа и матеріи, свободы и авторитета, разума и чувства, добра и зла, власти духовной и свѣтской, имперіи и папства, централизма и федераціи, католичества и протестантизма, германизма и славизма, космополитизма и національности и т. п. Идея объ этомъ дуализмѣ силъ и ихъ проявленій въ жизни и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ красной нитью тянется черезъ все его Дѣины. Зародилась же она, повидимому, подъ влияніемъ того дуализма (или полярности), который въ философіи Шеллинга является главною основою натуръ-философіи. Идеаломъ же историка въ этомъ отношеніи является постепенное примиреніе этого дуализма или контрастовъ и ихъ сліяніе въ конечной гармоніи, въ смыслѣ либо совпаденія въ среднемъ терминѣ этихъ контрастовъ, либо торжества принципа высшаго надъ низшимъ, напр. духа надъ матеріей, добра надъ зломъ и т. п. Частичныя проявленія такого торжества онъ замѣчалъ и въ фактахъ исторіи, напр., въ побѣдѣ славянскаго духа и славянской жизни надъ дикими степняками въ родѣ скиѳовъ, сарматовъ, гунновъ, аваръ, болгаръ, хазаръ, печенѣговъ, татаръ, даже варяговъ и другихъ поработителей, которые въ концѣ концовъ всосаны славянствомъ и потонули въ немъ; въ побѣдѣ гуси-

товъ надъ ратями нѣмцевъ, обусловленной-де не только военнымъ искусствомъ и геніальностью гуситскихъ вождей, но и большею личною свободою и образованностью престопадаря гуситскаго по сравненію съ нѣмецкимъ той эпохи. Подобными условіями объяснялъ Палацкій живучесть идей, завѣщанныхъ чехамъ Св. Меводіемъ, по сравненію, напр., съ политическимъ сооружеіемъ Святополка Великоморавскаго, не пережившимъ бурь 10 в. за отсутствіемъ въ его личности и дѣятельности прочной этической основы.

Что касается сліянія полярностей въ среднемъ терминѣ, то Палацкій желалъ такового, напр., въ контрастахъ свободы и авторитета, чтобы наконецъ разумъ пользовался авторитетомъ, а послѣдній былъ разумнымъ. Важность момента личной свободы Палацкій доказывалъ и нѣкоторыми событіями чешской исторіи, напр., противопоставленіемъ чешскихъ побѣдъ 1420 г. и неудачъ 1620 г., объясняемыхъ-де тѣмъ, что въ гуситскую пору массы чешскаго народа дѣйствовали какъ совокупность свободныхъ единицъ, тогда какъ въ эпоху Бѣлогорскаго погрома народъ былъ уже закрѣпощенъ верхними слоями, а потому довольно безучастенъ къ судьбамъ своего государства. Необходимость же авторитета въ средѣ свободныхъ единицъ онъ подтверждалъ, между прочимъ, позднѣйшею разрозненностью гуситовъ, разбитыхъ на мелкіе толки, а потому взаимно себя парализовавшихъ и наконецъ павшихъ жертвою реакціи и эксплуатаціи.

Аналогичнымъ образомъ и дуализмъ имперіи и папства, опредѣлявшій цѣлые вѣка европейской жизни, разрѣшился-де не торжествомъ одного изъ нихъ, а ослабленіемъ обоихъ въ пользу новаго начала, именно, народности, которое, прежде всего, выдѣлилось въ Чехіи (съ 1400 г.), а потомъ и въ другихъ странахъ Европы, слившихся съ началами демократизма и общественнаго мнѣнія.

Противоположность католицизма и протестантизма представлялась Палацкому основанною на различіи, съ одной стороны, принципа авторитета, а съ другой — разума, сознанія,

свободы. Съ этимъ связано и то, что католицизмъ опирается болѣе на преданіе, а протестантизмъ на писаніе; тотъ доступнѣе-де народнымъ массамъ, склоннымъ къ довѣрію; этотъ же — болѣе развитымъ умамъ, стремящимся къ самостоятельности и свободѣ. Этотъ дуализмъ въ сферѣ религіи представляется Палацкому явленіемъ провиденціальнымъ, такъ какъ изъ взаимодействія столь противоположныхъ принциповъ вырабатывалось болѣе широкое и глубокое мірозерпаніе. Въ средніе вѣка отъ неумѣренной силы католицизма возникаютъ въ лонѣ его грѣхи какъ мысли, такъ и совѣсти, и въ концѣ концовъ въ Европѣ могло бы развиваться нѣчто въ родѣ азіатскаго Далай-Ламизма, если бы противъ папства не выступили борцы за свободу мнѣнія и толкованія Св. Писанія. Первымъ изъ нихъ былъ І. Гусъ, котораго Палацкій считаетъ основателемъ протестантизма, слѣдовательно, новой эпохи въ развитіи христіанства. Потому-то Палацкій видѣлъ въ гуситствѣ не только важнѣйшую эпоху чешской исторіи, но и главнѣйшую заслугу Чеховъ на полѣ всемірной исторіи.

Впрочемъ, хотя симпатіи Палацкаго явно лежатъ на Гусѣ, однако и его противниковъ онъ не осуждаетъ съ плеча, допуская и въ ихъ средѣ добрыя цѣли, при нехорошихъ дѣйствіяхъ, которыя встрѣчались и между защитниками Гуса.

Пользу гуситства онъ доказывалъ для своихъ читателей католиковъ и тѣмъ, что, вызвавъ протестантизмъ, оно привело затѣмъ къ реформѣ латинской церкви, которая затѣвалась, правда, и раньше, на соборахъ 15 в., но фактически проведена, впрочемъ лишь отчасти, только соборомъ Тридентинскимъ. Иначе католицизмъ выролдся бы-де въ византизмъ (Рам. 129).

Что касается отношеній Палацкаго къ православію, то, какъ выше отмѣчено, онъ не замѣчалъ еще его отдаленныхъ связей съ культурою греческой, а затѣмъ съ византійской и вообще считалъ его какъ бы второстепеннымъ явленіемъ въ великомъ антагонизмѣ католицизма и протестантизма. Потому-то онъ не оцѣнилъ и въ чешской исторіи значенія преданій

кирилло-меѳодіевскихъ, ихъ связи, напр., съ гуситствомъ и съ чешскобратскимъ ученіемъ, а въ послѣдствіи съ идеями славянскаго, въ томъ числѣ и чехословенскаго, возрожденія. Для Чеховъ 19 в. православіе казалось ему не подходящимъ по двумъ причинамъ: 1) православное богослуженіе, въ которомъ проповѣдь играетъ второстепенную роль, говоритъ-де болѣе чувству, чѣмъ разсудку, и 2) чехи не могли бы перенести излишней строгости православныхъ постовъ! Столь поверхностный взглядъ въ писателѣ вообще глубококомъ объясняется тѣмъ, что Палацкій не придавалъ серьезнаго значенія догматическимъ основамъ религіи, а болѣе напиралъ на ея этическія соотношенія, и что его пониманіе историческаго христіанства было нѣсколько затуманено идеями философскаго теизма, которыми онъ увлекался въ своей ранней молодости.

Относительно общаго характера или основныхъ чертъ чешской исторической жизни Палацкій выражался такъ: „такъ какъ чешская земля расположена въ срединѣ и какъ-бы въ сердцѣ Европы, то и ея народъ въ теченіе многихъ вѣковъ былъ средоточіемъ, въ которомъ не безъ борьбы соприкасались различные элементы и начала новоевропейской жизни — народной, государственной, церковной. Особенно можно здѣсь воочию видѣть продолжительный споръ и взаимное сопроникновение элементовъ — римскаго, нѣмецкаго и славянскаго въ Европѣ“ (Pal. Nag. 28 стр.). Случилось это такъ. Когда нѣмецъ вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ великое наслѣдіе Рима, мирный славянинъ, подвигаясь тихонько за нимъ, осѣлъ рядомъ. Съ нимъ вступилъ въ европейскую жизнь новый народный элементъ, не менѣе благородный, но не менѣе и производительный. Свобода и равенство всѣхъ гражданъ, какъ сыновъ одной семьи, было главною чертою древнихъ славянъ: о если-бы съ этимъ было связано и согласіе ихъ между собою! Желая въ мирѣ пользоваться плодами своей нивы, славянинъ тѣмъ чаще подчинялся волѣ инородцевъ! Чтобы не погибнуть, славянинъ вынужденъ былъ наконецъ постепенно измѣнить свой образъ жизни и привить къ

своей народности элементы римскіе и нѣмецкіе Вслѣдствіе того главное содержаніе и основную черту чехоморавской исторіи составляет непрерывное соприкосновеніе и столкновеніе славянства съ романизмомъ и нѣмчиной. А такъ какъ романизмъ соприкасался съ Чехіей не непосредственно, а почти исключительно черезъ нѣмчину, то чешская исторія сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на спорѣ съ нѣмчиной или на воспріятіи и отверженіи нравовъ и обычаевъ нѣмецкихъ Чехами Хотя такимъ образомъ чешскій народъ принялъ въ свою жизнь много нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе не пересталъ быть славянскимъ. И нынѣ на немъ лежитъ та же, обусловленная географіей, задача: быть мостомъ между нѣмчиной и славянствомъ, вообще между востокомъ и западомъ Европы.

Одну изъ главныхъ задачъ своей жизни и писательской дѣятельности, особенно въ области исторіи, Палацкій видѣлъ въ выясненіи особенностей чешскаго народнаго духа и въ облегченіи торжества скрытыхъ въ немъ идей и идеаловъ надъ чуждыми, именно нѣмецкими. Этому факту не мѣшало нѣмецкій языкъ, на которомъ появились первые томы Дѣинъ: лишь съ 1848 г. они постепенно начали переиздаваться и на чешскомъ языкѣ. Можно при извѣстныхъ условіяхъ быть славянскимъ писателемъ и на нѣмецкомъ языкѣ (ср. Добровскій, Шафарикъ, отчасти и Колларъ) или французскомъ (ср. Хомяковъ), а съ другой стороны — нѣмецкимъ писателемъ на чешскомъ или русскомъ языкѣ (славянскіе западники). Конечно, въ Чехіи это труднѣе, чѣмъ индѣ, вслѣдствіе вѣкового взаимодѣйствія чеховъ съ нѣмцами и постепенной выработки на этой почвѣ какъ бы средняго, смѣшаннаго, славяно-нѣмецкаго типа, основаннаго на смѣшанномъ же міросозерцаніи и двуязычій образованныхъ слоевъ общества. И въ самомъ Палацкомъ, какъ протестантѣ, было не мало нѣмецкаго, вслѣдствіе чего и въ освѣщеніи разныхъ эпохъ чешской исторіи, особенно гуситства, у него замѣчается склонность все сводить къ постепенной выработкѣ протестантизма, причѣмъ

Гусъ, Іеронимъ Пражскій, Хельчицкій являлись не болѣе, какъ предтечами Лютера, Кальвина, Цвингли и вообще реформаторовъ 16 в. Но мы не можемъ винить его въ этомъ отношеніи, разъ такъ сложилась историческая школа и чехомораванъ вообще, и его самого въ частности. Все же мы должны признать, что онъ всегда старался быть историкомъ объективнымъ и воздавать каждому должное. Онъ даже упрекалъ Далимила и Бальбина за излишнее нерасположеніе къ нѣмцамъ. Съ другой стороны не нужно забывать, что Дѣины были написаны по порученію чешскихъ земскихъ чиновъ, т. е., шляхты, въ которой нѣмецкій элементъ и тогда былъ очень силенъ; что австрійская цензура въ эпоху Меттерниха, а потомъ Баха ревниво охраняла въ австрійской исторіографіи спеціально австрійскія точки зрѣнія, довольно близкія вообще къ нѣмецкимъ, именно католическо-нѣмецкимъ, слѣдовательно, непріязненные всему славянскому, такъ что въ 1830 г. цензура не пропустила славянскаго изслѣдованія о церковнославянскомъ житіи Св. Вячеслава (Востокова) какъ несогласномъ съ народнымъ вѣрованіемъ о Св. Людмилѣ и Вячеславѣ. Въ 1844 г. даже возникли затрудненія при изданіи изслѣдованій Палацкаго о гуситствѣ, едва не заставившія его совершенно отказаться отъ чешской исторіографіи. Между прочимъ, цензура рѣшительно воспротивилась помѣщенію въ Дѣинахъ хвалебнаго отзыва Подджіо Браччіолини о Іеронимѣ Пражскомъ (Томекъ въ Рам. 69). Вѣроятно, по этой причинѣ въ Дѣинахъ лишь въ слабой мѣрѣ отражается его особенное пристрастіе къ чешскобратской церкви 16 в., унаслѣдованное имъ отъ предковъ, принадлежавшихъ, повидимому, именно къ ней. И аристократизмъ, въ которомъ иногда упрекали Палацкаго, былъ въ немъ скорѣе политикой, чѣмъ историческимъ убѣжденіемъ, хотя, конечно, судьба таборитовъ и другихъ крайнихъ вѣтвей гуситства, а затѣмъ охлократическія движенія въ Прагѣ 1848 г., еще болѣе въ Вѣнѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, — заставили его усомниться въ благахъ распущенного демократизма, не связаннаго ни централизующей властью государя,

ни облагороживающими стремлениями образованных классов населенія.

Кромѣ того, Палацкій, какъ чѣловѣкъ высшихъ стремленій, не считалъ себя рабомъ своей чешской или славянской народности и относился критически къ своему чехизму и славянизму, отправляясь отъ высшихъ идей гуманизма и христіанства. Его девизомъ было: „svoji k světu, a vždy dla pravdy“, слѣдовательно, Чехъ долженъ стоять за Чеховъ, но только въ границахъ и на основахъ правды, высшихъ этическихъ началъ. За то онъ былъ положительнымъ врагомъ того безплоднаго космополитизма, который распыляется quasi на все челоувѣчество, т. е., льетъ бальзамъ въ океанъ, а на самомъ дѣлѣ является маской себялюбія и нежеланія облегчать реальное горе хотя бы одного реального челоувѣка или кружка.

V. Остается еще остановиться на общественно-политическомъ міросозерцаніи Палацкаго, которое очень умѣло изображено въ статьѣ Адольфа Серба (Srb, Рам. 545 и слѣд.)

Въ періодъ Меттерниховскаго бюрократическаго абсолютизма ни Палацкій, ни кто-либо другой изъ образованныхъ чеховъ не могъ заниматься политикой въ собственномъ смыслѣ, а развѣ будить народъ, развивать его самосознаніе и готовить къ самодѣятельности на болѣе широкомъ полѣ. Этой цѣли должны были служить и Дѣины, а также многія къ нимъ примыкающія статьи и историческія изслѣдованія Палацкаго. Особенно онъ внушалъ соплеменникамъ освободиться отъ роковой разрозненности славянъ и въ томъ числѣ чеховъ, которая особенно гибельна потому, что враги ихъ, нѣмцы, дѣйствуютъ сплоченными массами.

Большое вниманіе обращалъ при этомъ Палацкій на чешскую аристократію, въ среду которой онъ былъ введенъ Добровскимъ и на которую пріобрѣлъ вліяніе своимъ тактомъ, умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, особенно историческимъ и юридическимъ. Въ 1842 г. Палацкій, какъ мы видѣли изъ его автобіографіи, читалъ во дворцѣ кн. Карла Шварценберга

даже особый курсъ о самомъ главномъ предметѣ изъ исторіи чешскаго государственнаго права, именно, о чешскихъ сеймахъ, ихъ организаціи и компетенціи въ разные періоды чешской исторіи. Эти чтенія не остались безплодными въ дальнѣйшемъ развитіи чешскаго вопроса, чешскаго государственно-историческаго права.

Въ 1846 г. Палацкій писалъ записку по вопросу о феодализмѣ и централизмѣ, въ которой рѣшительно высказался противъ навязанныхъ чехамъ со времени Оттокара II нѣмцами феодальныхъ основъ земскаго строя и за старочешское участіе въ управленіи всѣхъ классовъ народа, что болѣе соответствуетъ-де и духу 19 в. Что касается централизма, то Палацкій считалъ его уже прошедшимъ свою кульминаціонную точку. Противовѣсъ ему онъ видѣлъ въ возрастающей силѣ общественнаго мнѣнія и въ принципѣ народности, который выступилъ въ 19 в. на міровую сцену.

Когда возникли конституціонныя теченія въ Австріи 1848 г., Палацкій съ большимъ одушевленіемъ и нѣсколько сентиментальнымъ оптимизмомъ привѣтствовалъ ихъ въ „Пражскихъ Новинахъ Гавличка“ (мартъ 1848 г.) выражая мнѣніе, что отнынѣ нѣмецъ не будетъ имѣть въ Чехіи преимущества предъ чехомъ, что во всѣхъ ея школахъ впредь всѣ будутъ одинаково изучать оба языка, которые вслѣдствіе того немедленно проникнутъ въ администрацію, гдѣ до того господствовалъ нѣмецкій языкъ на ряду съ испорченнымъ чешскимъ жаргономъ. Тѣ же идеи отстаивалъ Палацкій въ собраніи чешскихъ писателей обѣихъ народностей, какъ упомянуто выше.

Нѣмцы сначала соглашались на полную равноправность двухъ народностей въ Чехіи, но потомъ измѣнили взглядъ подъ вліяніемъ пангерманистовъ изъ Франкфурта, которые и Палацкаго хотѣли заманить къ себѣ на совѣщаніе или судъ. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ (апр. 1848 г.) Палацкій выяснилъ историкополитическія отношенія Чехіи къ Австріи, а равно къ Германской Имперіи, указавъ, что хотя чешскіе государи входили въ число имперскихъ князей (какъ курфюрсты Имперіи),

однако чешскій народъ никогда не причислялъ себя къ нѣмецкому и другими не былъ къ нему причисляемъ, такъ что взаимоотношенія Чехіи съ Германіей должны быть принимаемы за связь государя съ государемъ, а не народа съ народомъ. Поэтому стремленіе нѣмцевъ присоединить къ себѣ чешскій народъ представляетъ новизну, не имѣющую никакихъ историко-правовыхъ основаній. Такимъ стремленіямъ Палацкій содѣйствовать-де не можетъ, равно какъ и стремленію лишить Австрію политической самостоятельности. При этомъ случаѣ Палацкій произнесъ извѣстный афоризмъ, который онъ впоследствии старался нѣсколько ограничить и обусловить, что „если бы Австріи не было, то ее нужно было бы немедленно постараться образовать“ въ интересахъ не только чешскаго, но и другихъ австрійскихъ народовъ, да и всего человѣчества. Въ мотивировкѣ этого положенія, которое нѣсколько напоминаетъ Вольтеровскій афоризмъ: „если бы Бога не было, то его нужно было бы выдумать“, Палацкій сослался, между прочимъ, на опасность для Европы и всего человѣчества отъ возрастающей міровой державы Русской: „это было бы-де необозримымъ и невыразимымъ зломъ, несчастіемъ безъ мѣры и границъ, котораго я — хотя славянинъ тѣломъ и душою — всего менѣе бы желалъ и въ томъ случаѣ, если бы Имперія была провозглашена славянскою“. Отвергая упрекъ въ нерасположеніи къ русскимъ, онъ однако сознается, что при всей любви къ своему народу выше ставитъ интересы общечеловѣческіе и научные, чѣмъ народные, а потому идея универсальной русской монархіи имѣетъ-де въ немъ самаго рѣшительнаго противника, не потому что она была бы русская, а потому что была бы универсальная“. Потому-то Палацкій желалъ не только сохраненія Австріи, но и дальнѣйшаго развитія ея особенно на Востокъ, въ союзъ, если нужно, съ Германіей и даже на началахъ таможеннаго единства. Это мнѣніе Палацкій образовалъ на почвѣ тѣхъ историко-культурныхъ недоразумѣній во взглядахъ его на основы европейской образованности, отмѣченныхъ выше; благодаря этимъ взглядамъ Палацкій ни-

когда не могъ оцѣнить значенія восточнохристіанскихъ основъ ни въ религіозной, ни въ общественной, ни въ другихъ культурныхъ областяхъ. Потому-то и взглядъ Палацкаго на значеніе Византіи въ древніе вѣка, а Россіи — въ новыя не отличался ни глубиною, ни вѣрностію.

Впрочемъ, мы не станемъ этому удивляться, если вспомнимъ, что и въ самой Россіи не только того (Чаадаевъ), но и много позднѣйшаго времени (Спасовичъ, Вл. Соловьевъ и мн. др.) не переставали высказываться въ обществѣ и печати совершенно аналогичныя взгляды — о единствѣ высшей міровой образованности, выражающейся въ жизни народовъ западно-европейскихъ и о плеонастическомъ отношеніи къ ней всякой другой христіанской образованности, слѣдовательно и Византійско-русской.

Одновременно съ вышеупомянутымъ письмомъ къ Франкфуртскому сейму, Палацкій вступилъ въ сношенія съ чешской шляхтой и совѣтовалъ ей добровольно отказаться отъ сословныхъ привилегій, опредѣленныхъ земскимъ уложеніемъ Фердинанда II отъ 1627 г., въ видахъ замѣны устарѣлаго строя сословнаго новымъ земскимъ, который долженъ быть выработанъ всесословнымъ земскимъ сеймомъ. Но чешская шляхта не рѣшилась на такой актъ самоограниченія!... Когда въ апрѣлѣ 1848 г. возникъ вопросъ о назначеніи Палацкаго министромъ народн. просвѣщ., онъ представилъ гр. Пиллерсдорфу записку, въ которой, отклоняя это предложеніе, излагаетъ свои политическія воззрѣнія, а именно — признаетъ себя политикомъ искренно либеральнымъ, стремящимся къ уничтоженію всѣхъ остатковъ феодализма и къ автономіи земскихъ группъ, образуемыхъ народностями.

Въ апрѣлѣ 1849 г. Палацкому пришлось быть предсѣдателемъ Славянскаго съѣзда въ Прагѣ, который — при участіи и нашего Бакунина — издалъ нѣсколько фразеологическій манифестъ о правахъ человѣка и человѣчества съ протестомъ противъ политики насилій и съ требованіемъ уравниенія правъ и обязанностей каждаго, такъ чтобы Австрія стала союзомъ равноправныхъ народовъ, ко благу не только

славянъ, но и вообще на пользу свободы, просвѣщенія и гуманности. Извѣстно, что этотъ съѣздъ былъ разогнанъ картечью Виндишгреца, почему и остался безплоднымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ славизма въ Австріи. Да и возможны ли были эти успѣхи, если по идеямъ большинства членовъ этого съѣзда Австрія должна была сдѣлаться второй славянской имперіей, призванной служить Западу противъ Россіи, т. е., настоящаго, восточнаго славизма?

Во время засѣданія Имперскаго Сейма въ Вѣнѣ, а позже въ Кромѣрижѣ въ 1848—49 гг. Палацкому пришлось въ составѣ особой парламентской комиссіи заняться составленіемъ проекта австрійской конституціи. При этомъ онъ руководился образцами конституцій французской и особенно бельгійской (1831 г.) и ученіемъ нѣмецкихъ публицистовъ Роттека и Велькера — пангерманистовъ издателей *Staatslexikon'a*, который тогда былъ очень авторитетенъ. Подобно этимъ конституціямъ онъ считалъ народъ единственнымъ источникомъ права, хотя стоялъ за наслѣдственную монархію. Но его особенность заключалась въ томъ, что онъ расширялъ понятіе свободы общественной и политической еще на свободу народностей; отсюда его идея національнаго федерализма. Онъ считалъ тогда невозможнымъ образовать такую федерацію изъ уцѣлѣвшихъ въ Австріи областей, которыя, съ одной стороны, очень неравномѣрны по объему (напр., Галиція и Форарльбергъ или Тріестъ и Чехія), съ другой стороны, обладаютъ весьма неравномѣрными правами и наконецъ слагаются нерѣдко изъ разныхъ племенныхъ группъ.

Въ Вѣнскомъ проектѣ Австрійской конституціи Палацкій принималъ четыре племенныхъ группы:

- I. Земли польскія (со включеніемъ червоно-русскихъ, т. е. Краковъ, Галичъ, Буковина).
- II. Земли чешскія (Чехія, Моравія, Силезія).
- III. Земли нѣмецкоавстрійскія (Австрія, Зальцбургъ, Тироль, Форарльбергъ, Штирія).
- IV. Земли иллирскія (Хорутанія, Крайна, Приморье, Далмація).

Эти четыре группы у Палацкаго дѣлятся на 10 Ländergebiete, изъ коихъ каждый долженъ будетъ имѣть свой сеймъ, съ резиденціями властей въ городахъ Львовѣ, Бернѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Лицѣ, Инсбрукѣ, Грацѣ, Люблянѣ, Триестѣ и Задрѣ.

По Кромѣрижскому же проекту племенные группы слѣдующія :

1) польская, 2) чешская, 3) нѣмецкая, 4) иллирская, 5) итальянская, 6) южнославянская, 7) мадьярская, 8) румынская.

Къ 1-ой принадлежатъ — Галичъ, Краковъ, Буковина, Угровская область.

Ко 2-ой Чехія, Моравія, Силезія и Словачина.

Къ 3-ей Австрія, Зальцбургъ, Форарльбергъ, нѣмецкая Штирія, нѣм. Хорутанія, нѣм. Тироль, нѣм. Чехія, нѣм. Моравія и нѣм. Силезія.

Къ 4-ой Словинскія части Штиріи, Хорутаніи, Краины и Приморья.

Къ 5-ой Триентино, Венеція, Ломбардія.

Къ 6-ой Далмація, Хорватія, Славонія и Воеводина.

Къ 7-ой Мадьярская часть Угрии и Семиградіи.

Къ 8-ой Румынская часть Угрии, Семиградіи и Буковины.

И въ своей статьѣ о централизмѣ въ Пражскихъ Новинахъ 1849 г. Палацкій еще разъ вернулся къ этому проекту, причемъ только онъ соединилъ племенные группы югославянскую и иллирскую, вслѣдствіе чего такихъ группъ уже оказалось 7 вмѣсто 8.

Каждая изъ группъ должна была имѣть свой сеймъ изъ избираемыхъ представителей, самостоятельно вѣдающій школами и судами и всѣми другими автономными дѣлами (культуръ, земледѣліемъ, промышленностью и т. п.) и избирающій депутатовъ въ сеймъ общеимперскій, делегацію земскихъ или народныхъ группъ, для дѣлъ общихъ, т. е., относительно немногихъ въ сравненіи съ дѣлами отдѣльныхъ сеймовъ. Во главѣ каждой группы долженъ стоять губернаторъ, канцлеръ, намѣстникъ, вицекороль (mistokral) или министръ, имѣющій голосъ и въ общеимперскомъ министерствѣ (гдѣ сверхъ ихъ

засѣдаютъ министры — иностранныхъ дѣлъ, военный, финансовъ, торговли и общественныхъ работъ).

Изъ этого видно, что Палацкій довольно самостоятельно взглянулъ тогда на вопросъ о федеративномъ переустройствѣ Австріи, гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ какъ онъ писалъ объ этомъ впослѣдствіи, въ 1860—70-хъ годахъ, когда на первый планъ поставлена была идея федераціи не народностей, а историко-политическихъ группъ, съ легкой руки гр. Кламъ Мартиница и другихъ чешскихъ магнатовъ, соблазненныхъ въ этомъ отношеніи идеями бар. Этвеша и успѣхами мадьяръ со временъ Деака и Бейста.

Видѣтъ съ этимъ измѣненіемъ взглядовъ (или, по крайней мѣрѣ, политики) Палацкаго по вопросу о составныхъ частяхъ Австрійской федераціи, нѣсколько пошатнулись и его взгляды на отношеніе строя сословнаго къ земскому въ видѣ уступокъ феодальной старинѣ и желаніямъ новочешской шляхты. Но эта связь не усилила ни Палацкаго, ни чешскаго народнаго дѣла, которое со времени конституціи пошло все хуже, особенно съ введенія Австро-Венгерскаго дуализма въ 1867 г. Эти внутреннія неудачи содѣйствовали постепенному отрезвленію Палацкаго отъ грѣховъ руссофобіи, которые мы отмѣтили въ немъ въ 1848—49 гг. Въ 1863 г. Палацкій даже разошелся со многими изъ своихъ друзей изъ-за польско-русскаго вопроса, въ которомъ онъ принималъ сторону не поляковъ, вопреки большинству чешскаго, да и вообще католическо-славянскаго образованнаго общества. Бунтъ 1863 г. Палацкій считалъ самоубійствомъ поляковъ. Это привело даже къ раздѣленію чешскаго общества и печати на старочешскую (съ Палацкимъ, Ригеромъ, Браунеромъ во главѣ) и младочешскую (Сладковскій, Грегръ), которое не исчезло и до настоящаго времени.

Въ сборникѣ политическихъ статей: „*Idea statu Rakouského*“, Палацкій не только высказывается съ еще большей энергіей противъ абсолютизма и феодализма, не только ратуетъ за право славянъ развивать свою народность въ Австріи съ

такой же свободой, какъ это дѣлають нѣмцы, но и заявляетъ, что, вступаясь въ 1848 г. за Австрію, онъ предполагалъ въ ней мать, а не мачиху ея народовъ; если же это предположеніе не вѣрно, то и выводъ изъ него долженъ быть взятъ назадъ. Выѣстъ съ тѣмъ онъ разъясняетъ, что, такъ какъ съ 1848—49 г. географическо-этнографическія основы Австріи вновь консолидировались, то теперь нельзя уже ее перестроить на племенныхъ, а развѣ на историкополитическихъ основаніяхъ. Дуализмъ Палацкій считаетъ еще болѣе гибельнымъ для Австріи, чѣмъ централизацию: это-де два централизма — нѣмецкій и мадьярскій, а два зла хуже чѣмъ одно!

При федеративной перестройкѣ Австріи Палацкій совѣтуетъ, относительно размежеванія сферъ центрального и областного управленія, держаться старовенгерской конституціи: въ чемъ нельзя было издавна отказать Венгріи, то должно-де быть предоставлено и прочимъ Австрійскимъ областямъ.

Если же славяне не получаютъ-де въ Австріи равноправности, то съумѣють устроиться и безъ нея, ибо они были и до Австріи, будутъ и послѣ нея.

Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ разочарованій, особенно со времени дуализма Палацкій чаще сталъ думать объ отношеніяхъ своего народа къ славянству и Россіи и рѣшился выѣстъ съ своимъ зятемъ Ригеромъ предпринять поѣздку въ С.-Петербургъ и Москву на этнографическую выставку и сопровождавшій ее общеславянскій съѣздъ 1867 г. Изъ исторіи этого съѣзда напечатано въ Рам. стр. 137 воспоминаніе А. О. Патера эпизода, имѣвшаго мѣсто при прощаніи Палацкаго съ петербургскими знакомыми: „15 іюля при прощальномъ завтракѣ въ С.-Петербургѣ въ Бельвю Палацкій отъ имени славянскихъ гостей благодарилъ за гостепріимство и поднялъ здравицу во славу великаго русскаго народа. Здравница, произнесенная по-чешски, была принята съ одушевленіемъ. Въ это время изъ среды собесѣдниковъ выступилъ незамѣченный нами ранѣе офицеръ, могучаго сложенія, съ искрящимися глазами и съ орденами на груди. Приблизившись къ

Палацкому, онъ сталъ говорить съ возрастающимъ одушевленіемъ, но такъ быстро, что Палацкій затруднялся понять его русскую рѣчь. Но чувство его пробивалось все сильнѣе, наэлектризовывая всѣхъ присутствующихъ, и когда наконецъ русскій офицеръ, выхвативъ изъ ноженъ длинный мечъ, воскликнулъ: „tu me defendas calamo, ego te defendam gladio“, то Палацкій въ волненіи обнялъ его и трижды поцѣловалъ. Офицеръ этотъ былъ Африкановичъ-Терентьевъ, одинъ изъ героевъ кавказскихъ и азіатскихъ войнъ“.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что подобнаго рода рѣчи русскихъ людей, въ которыхъ Россія представлялась какъ бы рукою славянства, а Чехія его головою, имѣли и вредное вліяніе, потому что утверждали и Палацкаго, и многихъ другихъ чеховъ въ мысли, что въ мірѣ идей Россія не представляетъ для нихъ и вообще для славянъ ничего своеобразнаго и полезнаго и что слѣдовательно она призвана какъ донинѣ такъ и впредь играть роль школьника не только по отношенію къ большимъ культурнымъ народамъ Запада, но и ихъ второстепеннымъ спутникамъ, какими приходилось быть въ теченіе многихъ вѣковъ полякамъ, чехамъ, словенцамъ, хорватамъ. Этого рода предразсудками объясняется и попытка Палацкаго съ Ригеромъ во время московскаго славянскаго съѣзда 1867 года примирить русскихъ съ поляками. Но тамъ находились люди, которые хорошо знали суть русско-польскаго вопроса, какъ, напр., кн. Черкасскій, Юр. Самаринъ, Ив. Аксаковъ, М. Катковъ; они разъяснили Палацкому и его единомышленникамъ, что между русскимъ и польскимъ народомъ нѣтъ вражды, а есть таковая въ средѣ польскаго клира и польской шляхты, вообще, польской интеллигенціи, которая задалась мыслью оторвать не только польскій народъ, но и половину русскаго отъ тѣхъ культурныхъ корней, на которыхъ послѣдній издревле развивается, которые связываютъ его съ дѣятельностью Св. Кирилла и Меоодія, Св. Прокопа, Св. Савы, І. Гуса, Іеронима Пражскаго и множества другихъ великихъ подвижниковъ славянскаго прошлаго.

На московскомъ съѣздѣ 31 мая 1867 г. зять Палацкаго Ригеръ пытался дать общеславянское признаніе и освѣщеніе тому взгляду на формы культурной взаимности славянъ (въ частности въ вопросѣ общеславянскаго литературнаго языка), который всегда поддерживался Палацкимъ и его единомышленниками въ Чехіи и другихъ славянскихъ странахъ.

„Славянскія нарѣчія, сказалъ Ригеръ, такъ близки между собой, что, будь на то Божья воля, мы стали бы однимъ народомъ по литературѣ и языку. Но Богъ и тысячелѣтняя исторія судили иначе. Раздѣленные по разнымъ краямъ и разбитые на отдѣльныя народности мы должны были итти каждый своей дорогой . . . Думаю, что при наилучшемъ желаніи нельзя уже забыть своей тысячелѣтней исторіи. Все, чего мы, славяне, можемъ достигнуть, это — единеніе въ духѣ и любви, это — твердое памятованіе, что мы дѣти одной матери, и какъ братья призваны взаимно помогать другъ другу въ нашихъ усиліяхъ. Поляки имѣли своего Коперника и Мицкевича, сербы — Душана и Гундулича, русскіе — Нестора и Ломоносова, но обще-славянской науки, оживленной однимъ духомъ, мы еще не имѣли. Мы чувствуемъ, что это ослабляло насъ въ прошедшемъ. А между тѣмъ, какъ младшій изъ міровыхъ народовъ, мы скоро будемъ призваны принять активное участіе на поприщѣ всемірнаго труда Но какъ намъ приняться за его совершеніе? Передъ нами открыты въ этомъ отношеніи двѣ дороги: мы должны избрать либо полное единство, либо разнообразіе въ гармоніи. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба всего славянства. При этомъ невольно вспоминаются греки, которые при всемъ различіи своихъ нарѣчій возростили однако роскошные цвѣты образованности. Цвѣты этой древнегреческой образованности развивались въ полномъ разнообразіи Вотъ путь, по которому должно двигаться и славянство. Быть можетъ, многіе предпочли бы слиться тѣломъ и духомъ въ одно цѣлое, но тысячелѣтняя исторія не стирается безслѣдно . . . Я того мнѣнія, что различіе частей не исключаетъ единства: его нужно искать въ

гармоніи всѣхъ частей . . . Если бы всѣ московскіе колокола слить въ одинъ громадный колоколъ, еще больше Ивана Великаго, то звукъ этого колокола-богатыря былъ-бы, конечно, силенъ, но впечатлѣніе его не было бы пріятной гармоніей колокольныхъ звуковъ, возвѣщающихъ пасхальную заутреню“.

Ригеръ при этомъ не вспомнилъ, что есть и „колокольный патріотизмъ“, который не распространяется далѣе своего прихода и который плохо гармонируетъ съ потребностями нашего времени, когда народы собрались въ громадные государства, громадные языки, громадные культуры, въ борьбѣ съ которыми неизбежно падетъ каждый славянскій патріотъ, славянскій народъ, славянскій языкъ, который будетъ опираться лишь на себя. Чехи могли бы, пожалуй, выдержать борьбу съ саксами, франками, швабами, австріяками въ отдѣльности, но съ объединенными языкомъ, религіей, государствомъ нѣмцами — они бороться не могутъ. Съ 50 милліонами нѣмцевъ можетъ бороться лишь 100-милліонное славянство въ цѣломъ, если оно успѣетъ организовать въ какое-нибудь нравственное цѣлое, скрѣпленное не однимъ племеннымъ чувствомъ, но и какими нибудь общими культурными стихіями.

Чехамъ подобная борьба тѣмъ труднѣе, что они живутъ чуть не въ сердцѣ Германіи, окруженные съ трехъ сторонъ прочно заселенными нѣмецкими областями и только чрезъ Моравію и Словачину еще кое-какъ, но очень слабо связанные территоріально съ областями славянскими. Понятно, что при такомъ положеніи Чехіи Германія считаетъ ее своей неизбежной добычей, что не разъ заявлялось и въ нѣмецкой печати. Палацкому въ 1868 г. приходилось даже опровергать подобное утверждение *Deutsche Allgemeine Zeitung* (отъ имени гр. Бейста) ссылкой на то, что, будучи основана на народномъ началѣ, Германія не можетъ стремиться къ присоединенію столь невоинственнаго, но самосознающаго и историческаго народа, какъ чехи. Наконецъ въ подобномъ положеніи — въ случаѣ разгрома Австріи — находились бы и мадьяры, поляки, хорваты, вслѣдствіе чего дѣло осложнилось бы международными

антагонизмами и могло бы получить совершенно иное рѣшеніе, чѣмъ на какое разсчитываютъ нѣмцы.

Когда возникла Транслейтанія и Цислейтанія и измѣнились историкополитическія отношенія Чехіи къ Имперіи Габсбурговъ, Палацкій совѣтовалъ землякамъ не итти въ вѣнскій рейхсратъ, чтобы не освятить своимъ въ немъ присутствіемъ беззаконій дуализма. Но эта пассивная политика не могла долго удержаться, потому что въ Чехіи нашлось не мало оппортунистовъ, которые считали неудобнымъ изъ-за принциповъ отказаться отъ нѣкоторыхъ выгодъ активной политики, особенно для депутатовъ. Еще разъ надежда на австрійскую справедливость оживилась въ немъ въ 1871 г., когда Гогенвартъ уговорилъ императора короноваться чешскою короною. Но скоро Гогенвартъ палъ, а съ нимъ и этотъ проектъ, и Австро-Венгрія все тѣснѣе стала примыкать къ Германіи. Съ тѣхъ поръ Палацкій окончательно устранился отъ политики и, завершивъ исторію до 1526 г., занялся изданіемъ Radhost'a, въ „дословѣ“ къ которому высказалъ очень пессимистическій взглядъ на Австрію и на положеніе чеховъ, считая ихъ будущность обезпеченною лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ трудиться и учиться въ строго-національномъ направленіи. Большимъ зломъ и угрозою для народнаго существованія чеховъ считаетъ онъ развитіе въ немъ атеистическаго интернаціонализма, а также коммунизма и социализма, насколько послѣдній развивается не въ духѣ первобытно-христіанскомъ, какъ нѣкогда въ общинѣ чешскихъ братьевъ. Развитіе пантеизма и матеріализма въ новую пору Палацкій считаетъ признакомъ одичанія и вырожденія; сознается, что въ политической своей дѣятельности онъ допустилъ одну крупную ошибку: довѣріе къ разумности и справедливости нѣмцевъ! „Извѣстное мое выраженіе: „если бы Австріи не было, то мы должны были бы поскорѣе заняться образованіемъ ея“, было основано на предположеніи, даже на твердомъ убѣжденіи, что въ этомъ союзѣ освобожденныхъ народовъ впредь будетъ господствовать справедливость, ибо, какъ сказалъ блаж.

Августинъ *De civ. dei* XXII — *remota justitia quid sunt regna nisi magna latrocinia?* Могъ-ли я думать, чтобы подъ государемъ, котораго девизомъ было: *Justitia regnorum fundamentum . . .*, мы могли перейти изъ подъ абсолютизма государя подъ абсолютизмъ еще болѣе жестокий — подъ диктатуру непріязненнаго намъ племени? Что нѣмцы будутъ толковать о свободѣ и конституціи, а на дѣлѣ только стремиться къ власти надъ другими? Что они будутъ превозносить права людей, а попираютъ ногами права народовъ? Что зданіе своего государственнаго права они будутъ сооружать на лжи и бессмыслицѣ? Что они провозгласятъ равное право для всѣхъ, кромѣ славянъ, на которыхъ ложится только долгъ повиновенія? Слишкомъ запоздалымъ является ихъ предположеніе, что для насъ собственная народность не будетъ наслѣдіемъ столь же драгоценнымъ, какъ для нихъ“

Палацкій оплакиваетъ паденіе у нѣмцевъ общественной нравственности подъ вліяніемъ деморализованной журналистики и жидовскихъ „шмоковъ“, для которыхъ не существуетъ ничего высокаго въ мірѣ нравственномъ, ничего великодушнаго и рыцарски честнаго, ничего историческаго, а одинъ оппортунизмъ и сребролюбіе. О мадьярахъ же говоритъ, что если они и впредь будутъ вести себя, какъ щуки въ прудѣ, то къ концу второго тысячелѣтія не останется ни одного потомка, который бы захотѣлъ и могъ совершить надъ ними тризну. Наконецъ онъ говоритъ о Россіи, вспоминаетъ о своей поѣздкѣ въ Москву и сознается, что не видитъ уже никакой опасности со стороны мнимой универсальной русской монархіи. Къ таковой русскіе политики все-де не стремятся, а только къ тому, чтобы они не были окружены на западѣ державами слишкомъ сильными и враждебными Россіи. Споръ русско-польскій какъ-нибудь закончится подъ вліяніемъ истиннославянскаго духа. Воинственность русскаго народа и его централизація вызваны-де необходимостью: безъ нихъ и не возникло-бы могущественное русское государство! Но теперь, когда оно уже консолидировалось, возвращеніе его къ

миролюбивымъ стремленіемъ славянства было бы благотѣльно не только для русскихъ, но и для всего человѣчества.

Мечты же объ образованіи языка общеславянскаго Палацкій считаетъ одними мечтами, ибо чехи не для того-де боролись 1000 лѣтъ за свою народность, чтобы отречься отъ нея во имя какихъ бы то ни было красныхъ словъ.

Относительно дальнѣйшаго отношенія чеховъ къ Австріи Палацкій высказываетъ сомнѣнія въ одушевленномъ служеніи послѣдней, послѣ столькихъ разочарованій. Въ будущность Австріи онъ не вѣритъ-де съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы и мадьяры сдѣлали ее грубой племенной деспотіей.

Но и подъ властью Россіи или Пруссіи чехи не чувствовали бы-де себя удовлетворенными, ибо по праву и старинѣ хотятъ быть подчинены только своему собственному правительству и своему государю.

Кромѣ того Палацкій различаетъ отношенія чеховъ, съ одной стороны, къ русскому правительству, а съ другой — къ русскому народу. Первое довольно равнодушно было донинѣ къ судьбамъ чеховъ, но со вторымъ чеховъ связывало какое-то особенное внутреннее сродство, особенно по отношенію къ вѣрѣ и богослуженію. Изъ этого не слѣдуетъ-де, что чехи могутъ принять православіе или хотя бы только кирилловскую графику. Но и безъ этого чехи и русскіе могутъ-де любить и общими силами сломить гордыню нѣмцевъ, послѣ чего славянство окажется-де побѣдителемъ болѣе справедливымъ и благороднымъ чѣмъ монголъ, мадьяръ, нѣмецъ.

Въ 1873 г. Палацкій написалъ еще одну статью въ Reform въ отвѣтъ Макушеву на тему о близорукой политикѣ чеховъ, причемъ Палацкій говоритъ: „если бы мы должны были перестать быть чехами, то намъ было бы безразлично, станемъ ли мы тогда нѣмцами, итальянцами, мадьярами или русскими“. Но чехи сохраняютъ свою народность, пока сами будутъ того хотѣть. Въ томъ же году Палацкій съ Ригеромъ огласили записку о причинахъ своей пассивной оппозиціи. Тутъ онъ настаиваетъ на государственномъ правѣ Чехіи, на

династической ея уніи съ Австріей, на значеніи этого права для чешской народности, которая существовала ранѣе австрійской и можетъ пережить ее.

Послѣднюю политическую статью Палацкаго представляетъ его послѣсловіе къ сборнику мелкихъ нѣмецкихъ статей *Gedenklblätter*, изданному въ 1874 г. Онъ тутъ излагаетъ, что не можетъ вѣрить въ справедливость нѣмцевъ, потому что въ ихъ исторіи красной нитью тянется стремленіе усилиться на счетъ другихъ народовъ, при помощи то централизаціи, то либеральнаго „гумбуга“. Свободу нѣмцы охотно принимаютъ тогда, когда она даетъ имъ привилегію господствовать надъ другими. По ихъ мнѣнію, свобода — удѣлъ нѣмцевъ, рабство — славянъ. Будучи архилиберальны, нѣмцы считаютъ излишнимъ быть и справедливыми. Послѣ 1848 г. они переѣняли лишь личность автократора: прежде таковымъ былъ нѣмецкій государь, теперь — нѣмецкій народъ. Вѣнскій парламентъ не признаетъ чешскаго королевства, а лишь чешскій департаментъ Цислейтаніи. Но чехи никакой цѣны не продадутъ правъ первородства въ землѣ еврейско-нѣмецкому Якову.

Еще одинъ разъ коснулся Палацкій этихъ вопросовъ 23 апр. 1876 г. при торжествѣ по случаю окончанія его „Дѣинъ“, при чемъ сказалъ: „нашъ народъ въ великой опасности: отовсюду онъ окруженъ непріятелями, но я въ немъ не отчаиваюсь, а вѣрю, что онъ восторжествуетъ, если захочетъ. Но это хотѣніе должно выражаться не въ словахъ, а въ трудѣ, самоотверженіи — на алтарѣ народности . . . Мы должны образоваться и дѣйствовать по велѣніямъ ума образованнаго“.

Наконецъ, 30 апр. 1876 онъ огласилъ письмо къ народу, гдѣ говорить: „ничто такъ не радуетъ меня на закатѣ дней, какъ наблюденіе, что чувство и сознаніе народности и солидарности славянской пробудилось какъ у насъ, такъ и у нашихъ братьевъ на сѣверѣ и югѣ съ такой силой, что намъ нечего опасаться возрастающей свирѣпости непріятелей, — тѣмъ болѣе, что славяне, не желая терпѣть обидъ отъ иноподцевъ, сами ихъ обижаютъ вовсе не стремятся“.

Сводя въ одно цѣлое сказанное о Палацкомъ, какъ писателѣ и патріотѣ, мы должны признать правильнымъ присвоенное ему соотечественниками наименованіе: самаго великаго изъ чеховъ, но съ прибавкою: 19 вѣка. Одинъ Добровскій да, пожалуй, еще Юнгманъ и Шафарикъ могли бы оспаривать у него это названіе — первый по размѣрамъ дарованій и учености, второй по трудолюбію и пламенной любви къ отечеству, третій по широтѣ взглядовъ и важности научныхъ вкладовъ. Но все же ни одинъ изъ нихъ не являлся столь центральною фигурой въ чешскомъ обществѣ и чешской наукѣ за столь длинный, полувѣковой періодъ его развитія. Добровскій былъ великъ, какъ критикъ, богатый творческими идеями въ историко-филологической области; но онъ не только критически, но и скептически относился къ идеямъ чешскаго возрожденія и даже по языку (то латинскому, то нѣмецкому) занималъ положеніе ученаго скорѣе общеевропейскаго, чѣмъ спеціально чешскаго. Юнгманъ былъ великій лексикографъ, великій патріотъ, при томъ не чешскій лишь, но и славянскій вообще. Но онъ велъ жизнь болѣе замкнутую, почему и не могъ стать душою чешскаго общества, какъ безспорно сталъ съ двадцатыхъ годовъ и остался до семидесятыхъ экспансивный, тактичный, упругій Палацкій. И Шафарикъ, при всемъ величій своихъ талантовъ, учености, заслугъ не пользовался въ средѣ соплеменниковъ такимъ авторитетомъ, какъ Палацкій. Кажется, этому благоприятствовала исторіографическая спеціальность послѣдняго, которая вообще является болѣе центральною въ литературѣ народа, чѣмъ археологія или филологія. Наконецъ, Палацкій въ большей мѣрѣ, чѣмъ Добровскій, Юнгманъ и Шафарикъ, соединялъ въ себѣ наиболѣе характерныя особенности чешскаго племенного типа, въ которомъ идеализмъ своеобразно скрещивается съ практицизмомъ, пламенный патріотизмъ — съ холодной разсудочностью, оптимизмъ Гуса съ пессимизмомъ Коменскаго и широкій славянизмъ съ узкимъ австрочехизмомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Палацкій значительно уступалъ и Добровскому, и

Юнгману, и Шафарику, не говоря уже о Челяковскомъ и Ганкѣ, которые лучше его понимали, что на одномъ чехизмѣ въ 19 в. далеко не уѣдешь и что онъ можетъ имѣть какую нибудь будущность единственно въ рамкахъ славянства. Потому то и взглядъ ихъ на кирилло-меѳодіевское движеніе, на гуситство, на эпоху возрожденія славянъ, наконецъ, на роль Россіи въ славянствѣ, былъ значительно глубже и вѣрнѣе, чѣмъ взглядъ Палацкаго. Лишь въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ московскаго съѣзда Палацкій постепенно отрѣшился отъ своихъ прежнихъ предубѣжденій противъ православія и Россіи. Но до тѣхъ взглядовъ, какіе высказывалъ о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго, Юнгманъ еще въ двадцатыхъ годахъ, — до того міросозерцанія, которое развилось на словачинѣ у писателей школы Голаго, особенно же у Кузmani, Штура, Гурбановъ, Палацкій не дошелъ и послѣ московскаго съѣзда. Много разочарованій принесла Палацкому и его слѣпая вѣра въ западно-европейскій конституціонализмъ, для котораго онъ такъ много потрудился и въ 1848—49 гг., и позже, хотя потомъ оказалось, что онъ послужилъ орудіемъ превращенія абсолютизма монарха въ еще болѣе тягостный абсолютизмъ нѣмцевъ и мадьяръ надъ прочими австрійскими народами.

Во всякомъ случаѣ это очень крупная и характерная личность на чешскомъ пантеонѣ. Изъ писателей и дѣятелей прежняго времени его можно сравнить только съ Ам. Коменскимъ, который и по своему философско-библейскому стилю нѣсколько напоминаетъ Палацкаго. Но съ Гусомъ мы его сравнивать не станемъ: это совершенно разнородныя явленія. Палацкій даже понять вполне не могъ своего великаго пророка, который занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ чешской исторіи, какъ самый грандіозный и центральный устой историческаго моста, связывающаго эпоху Палацкаго съ отдаленными вѣками Свв. Прокопа, Вячеслава и Меѳодія.

Въ заключеніе да позволено мнѣ будетъ привести въ

слабомъ переложеніи прекрасный гимнъ Палацкому, написанный самымъ знаменитымъ изъ чешскихъ поэтовъ 19 вѣка Ярославомъ Верхлицкимъ (въ Рам. 1—3), подъ заглавіемъ: „На сотый день рожденія Фр. Палацкаго“.

Какъ Радгощъ старый, въ глубинахъ скрѣпленный,
Унесся въ тучи, съ вихрями воюетъ,
Высокимъ темемъ съ молніей играя,
По бурѣ же красуется на солнцѣ,

Своихъ лѣсовъ дремучихъ мощнымъ шумомъ,
Паденіемъ потоковъ, пѣньемъ птицъ,
Священнымъ сумракомъ тѣнистыхъ сводовъ
И тайнымъ новой жизни трепетаньемъ:

Такъ нашъ народъ на сотый день рожденья
Великаго отца, стоитъ безъ страха,
Испытанный вѣками тяжкихъ бурь
И вновь застигнутый невзгодой.

То твой, Отецъ, народъ, тобой вскормленный,
Что ты, какъ Моисей, провелъ пустыней,
Творя за чудомъ чудо вѣщею рукой,
Для тысячъ душъ вжигая факелъ знанья.

Ты твердо зналъ, въ чемъ твой народъ нуждался,
Чтобъ удержаться на крутой стезѣ
И не свалиться въ пропасть, что зіяла
По сторонамъ, маня неотразимо:

Онъ долженъ знать себя, свое былое,
Знать цѣну подвига своихъ прадедовъ,
И какъ найти ихъ внукамъ кладъ заветный,
Оставленный въ наслѣдіе потомкамъ.

И вотъ въ засыпанный рудникъ вѣковъ
Вступилъ ты, нашъ мудрецъ, и снялъ завѣсу,
Скрывавшую отъ насъ дѣла отцовъ
И ихъ священные заветы дѣтямъ.

Не знаю, какъ мудрецъ иль какъ апостолъ
Вѣка ты освѣтилъ пророческой
Душой, въ которой будто Гусъ съ Амесомъ
Въ слезахъ надъ Кралицкой обнялись книгой,

И, описавъ великій бой за чашу,
Ты чашу далъ намъ твердости, надежды,
И освѣжилъ уста ужъ умиравшихъ
Напиткомъ горести и укрѣпленья.

Надежныѣ гранита пирамидъ
Укладъ того великаго творенья;
Его фундаментъ кроется въ глуби,
А верхъ горитъ въ лучахъ эпохи новой, --

Твоей эпохи, нашей! Если-бъ ты
Могъ поглядѣть къ намъ долу съ выси звѣздной,
Какъ твой посѣвъ растетъ и буйно зрѣетъ
Въ разметанномъ грозой гнѣздѣ орловъ, —

Тогда-бъ, съ улыбкой важнаго чела
Склонясь къ Младоню *), къ Павлу **), ты сказалъ:
Такъ не напрасно потрудились мы,
Не даромъ крыльями стучались въ небо.

А тотъ, кто сладкой пѣсни звономъ
Тебѣ внушалъ когда-то „освѣтитъ
Лучомъ науки катакомбы наши
И воскреситъ преданья старины“ ***),

Ударивъ въ арфу, громче бы запѣлъ,
Чѣмъ я или другой изъ эпигоновъ.
Но что тужить! Не ты ли, умирая,
Воскликнулъ: помогите побѣдить!

*) Иосифъ Юнгманъ.

**) Павелъ Шафарикъ.

***) Челиковский.

И этотъ кликъ предсмертный устъ твоихъ
Мы подхватили, какъ завѣтъ священный,
И кто перомъ, кто долотомъ иль кистью
Сказали: побѣдить или погибнуть!

Пусть топчутъ насъ, мы встанемъ силой воли.
И какъ сѣдой Радгощъ все смотритъ къ небу,
Такъ нашъ народъ къ Тебѣ мечтой несется,
Никѣмъ еще въ конецъ не побѣжденный.

А. Будиловичъ.

Случайныя замѣтки въ области новѣйшей русской нумизматики.

Послѣднія 10—15 лѣтъ ознаменовались особеннымъ усиленіемъ интереса къ изученію русской нумизматики: появился цѣлый рядъ трудовъ по исторіи монетнаго дѣла въ Россіи, напечатаны каталоги многихъ частныхъ и общественныхъ собраній русскихъ монетъ и т. д. и т. д. Можно сказать даже, что нѣкоторые отдѣлы русской нумизматики создались впервые только въ указанное время, а прежде всего это нужно примѣнить къ изученію монетъ послѣдняго столѣтія. Конечно, нельзя же утверждать, что монеты XIX столѣтія въ достаточной степени полно изучены въ трудахъ Шодуара, Рейхеля, даже Шуберта, но не смотря на это очень долгое время эти труды, особенно послѣдній изъ нихъ, служили единственными руководствами по нумизматикѣ послѣдняго столѣтія. Между тѣмъ очень часто нумизматы не находили въ нихъ отвѣтовъ на вопросы первостепенной важности, встрѣчали въ нихъ крупныя пробѣлы и ошибки. Но говоря, что новѣйшая русская нумизматика изучена теперь весьма и весьма хорошо, я далекъ отъ мысли, что въ этой области сдѣлано уже все, и лицамъ, занимающимся этимъ отдѣломъ, больше нѣтъ надежды внести въ науку что-нибудь новое, сообщить неизвѣстные факты, — появившіеся недавно труды г. Хребтова¹⁾ въ достаточной степени хорошо доказываютъ, что еще есть много монетъ послѣдняго столѣтія, которыя остаются неизвѣстными ученымъ, а кромѣ монетъ есть еще многіе другіе факты въ области но-

1) Памятная книжка для собирателей монетъ. Выпуски I—III. СПб., 1897—1898 гг.

вѣйшей русской нумизматики, которые должны быть изслѣдованы. Однако было бы крупной несправедливостью обвинять въ этихъ пробѣлахъ авторовъ нумизматическихъ сочиненій: большею частью недочеты въ ихъ трудахъ зависятъ не отъ нихъ, вытекаютъ изъ тѣхъ особенныхъ условій, съ которыми приходится бороться всѣмъ нумизматамъ. Прежде всего крупнымъ препятствіемъ при составленіи описаній монетъ является то обстоятельство, что нѣтъ такого нумизматическаго собранія, гдѣ были бы соединены всѣ монеты того или другого періода по крайней мѣрѣ, а нечего и говорить про полное собраніе монетъ извѣстной страны, — вмѣсто этого монеты разбросаны по различнымъ общественнымъ и частнымъ собраніямъ. Но если общественныя собранія часто бываютъ малодоступны, то еще хуже обстоитъ дѣло съ частными коллекціями монетъ: послѣднія или недоступны ученымъ или совсѣмъ неизвѣстны имъ. Между тѣмъ достаточно просмотрѣть любой общій трудъ по нумизматикѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, сколько интересныхъ и рѣдкихъ монетъ хранится въ различныхъ частныхъ собраніяхъ. Понятно, отмѣченное препятствіе было бы до нѣкоторой степени ослаблено, если бы владѣльцы нумизматическихъ собраній могли бы дѣлиться свѣдѣніями о своихъ сокровищахъ съ любителями нумизматики: къ сожалѣнію, полное отсутствіе журнала, полностью или отчасти посвященнаго нумизматикѣ, лишаетъ возможности нумизматовъ повѣдать ученому міру объ имѣющихся у нихъ рѣдкостяхъ. Это обстоятельство особенно печально, такъ какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что частныя собранія, по смерти ихъ владѣльцевъ, большею частью погибаютъ, и такимъ образомъ хранившіяся въ нихъ сокровища пропадаютъ безслѣдно для науки. На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше соображеній я и рѣшаюсь опубликовать эту замѣтку, оговорившись предварительно, что она не должна быть разсматриваема какъ рецензія на какіе-либо труды по новѣйшей русской нумизматикѣ или дополненіе къ нимъ, не является она и какимъ-нибудь систематическимъ изслѣдованіемъ: моя цѣль — подѣлиться съ любителями нумизматики свѣдѣніями

о тѣхъ вариантахъ и нумизматическихъ курьезахъ, если можно такъ выразиться, описанія которыхъ я не нашелъ въ имѣвшихся у меня подъ руками сочиненіяхъ по русской нумизматикѣ, при чемъ свѣдѣнія эти собрались у меня случайно — при обзорѣ различныхъ коллекцій, каталоги которыхъ не опубликованы. Приступая теперь къ описанію монетъ, я считаю нужнымъ сказать, что включилъ сюда преимущественно экземпляры, находящіеся въ частныхъ рукахъ, изъ правительственнаго же собранія описываю лишь одинъ (№ 9), такъ какъ каталогъ русскихъ монетъ этой коллекціи еще не опубликованъ.

1. Серебряный рубль 1813 года. *Лиц. ст.* Рисунокъ орла, а также и надпись не имѣютъ никакихъ отличій отъ обыкновеннаго типа рублей этого года²⁾, за исключеніемъ цифръ года, именно цифра 3 выбита на какой-то другой цифрѣ, вѣроятно же всего, на 2. *Об. ст.* Все совершенно такого же рисунка, какъ и на другихъ рубляхъ этого года.

Въ собраніи г. Иванова, въ Юрьевѣ.

2. Мѣдныя 2 копѣйки 1814 года. П. С. — И. М. *Лиц. ст.* Орелъ такого типа, какъ на 2 копѣйкахъ 1811 года³⁾. *Об. ст.* Обычнаго типа⁴⁾.

Въ моемъ собраніи.

3. Мѣдная монета, размѣромъ съ $\frac{1}{4}$ копѣйки типа 1839—1848 годовъ. *Лиц. ст.* Обычные рельефные инициалы Императора Николая I⁵⁾, *Об. ст.* Тѣ же инициалы, только вогнутые.

2) Ср. Монеты царствованія Императора Александра I. Изданіе Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михайловича. СПб. 1891, с. 107, № 163 и таб. XI, № 1.

3) Монеты царствованія Императора Александра I, с. 103, № 129 и таб. IX, № 7.

4) Монеты царствованія Императора Александра I. с. 110, № 192 и таб. XII, № 15.

5) Ср. Монеты царствованія Императора Николая I. Изданіе Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михайловича. СПб. 1890, с. 219, № 314 и таб. XIX, № 12.

Въ собраніи г. Ф....я, въ Юрьевѣ.

4. Мѣдная монета, размѣромъ съ 2 копѣйки типа 1839—1848 годовъ. *Ли. ст.* Обычные рельефные инициалы Императора Николая I⁶⁾. *Об. ст.* Тѣ же инициалы, причемъ тоже рельефные.

Въ собраніи г. Бодилевскаго, въ Кіевѣ.

5. Мѣдная монета, размѣромъ съ 5 копѣекъ 1858 года. *Ли. ст.* Обычное изображеніе⁷⁾. *Об. ст.* Тоже изображеніе, но только вогнутое.

Въ собраніи неизвѣстнаго мнѣ по имени продавца монетъ, въ Кіевѣ.

6. Серебряныя 20 копѣекъ 1873 года. Н. I. — С. П. Б. Отличаются отъ обычныхъ своимъ гуртомъ: обычный гуртъ размѣнной серебряной монеты типа 1867 года⁸⁾ въ сильной степени сглаженъ и закрытъ вогнутыми крестиками, имѣющими форму извѣстнаго Андреевскаго креста, а на иныхъ экземплярахъ крестиковъ нѣтъ, но за то гуртъ имѣетъ болѣе частые рубцы, чѣмъ обыкновенно, и наклоненъ при этомъ довольно замѣтно⁹⁾; монетъ 20-копѣчнаго достоинства 1873 года, имѣющихъ подобные гурты, встрѣчалось мнѣ въ обращеніи весьма много и при этомъ въ различныхъ частяхъ Россіи.

Въ моемъ собраніи.

7. Серебряныя 20 копѣекъ 1874 года. Н I — С. П. Б. Ср. сказанное о № 6¹⁰⁾.

6) Ср. Монеты царствованія Императора Николая I, с. 219, № 311 и таб. XIX, № 9.

7) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II. Изданіе Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михайловича. Спб. 1888, с. 156, № 73 и таб. IV, № 20.

8) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 175, № 256 и таб. XIII, № 5.

9) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 187, № 381 и таб. XIX, № 6, а также Гиля „Таблицы русскихъ монетъ. Спб. 1898“, с. 26.

10) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 189, № 396 и таб. XX, № 6, а также Гиля, ор. с., с. 26.

Въ моемъ собраніи.

8. Мѣдная монета, величиною съ 5 копѣекъ типа 1867 года. *Лц. ст.* Обычныя изображеніе и надписи¹¹⁾. *Об. ст.* Тѣ же изображеніе и надписи, но только вогнутыя.

Въ собраніи г. Штольца, въ Юрьевѣ.

9. Мѣдная монета, величиною съ 3 копѣйки типа 1867 года¹²⁾; совершенно аналогична съ предыдущей монетой, за исключеніемъ обозначенія стоимости.

Въ собраніи г. Штольца, въ Юрьевѣ.

10. 3 копѣйки 1868 года. Е. М. *Лц. ст.* Нѣсколько отрывковъ обычнаго штемпеля, перепутывающихся другъ съ другомъ. *Об. ст.* Тоже, но при этомъ только, вмѣсто штемпеля лицевой стороны, отрывки обычнаго штемпеля оборотной стороны¹³⁾.

Въ собраніи Университета Св. Владиміра.

11. 2 копѣйки 1894 года. С. П. Б. *Лц. ст.* Обычнаго типа. *Об. ст.* Обычнаго типа¹⁴⁾, но въ правой половинѣ круглое клеймо, по рисунку напоминающее гуртъ мѣдныхъ монетъ 5-копѣчнаго достоинства временъ Императрицы Екатерины II, указанный у Гиля подъ № 3¹⁵⁾.

Въ моемъ собраніи.

Г. Юрьевъ, Лифл. губ.
1898 годъ.

В. Е. Данилевичъ.

11) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 176, № 266 и таб. XIII, № 15.

12) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 176, № 267 и таб. XIII, № 16.

13) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, I. с.

14) Ср. Монеты царствованія Императора Александра II, с. 176, № 268 и таб. XIII, № 17.

15) Таблицы русскихъ монетъ, с. 37, гуртъ № 3.

Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ.

Посвящается его памяти.

(Съ портретомъ А. С. Павлова.)

16-го августа 1898 года, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, тихо отошелъ въ иной лучший міръ заслуженный ординарный профессоръ Московскаго Университета тайный совѣтникъ Алексѣй Степановичъ Павловъ.

Со смертью Алексѣя Степановича русская наука понесла тяжелую утрату, а Московскій Университетъ лишился одного изъ своихъ талантливейшихъ профессоровъ, пользовавшагося громкою и вполне заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ русскихъ ученыхъ не зналъ имени Алексѣя Степановича Павлова? Кто изъ лицъ, хотя бы одинъ только разъ видѣвшихъ его, не помнитъ этого величаваго старца, съ тонкими и строгими чертами лица, съ горѣвшими до конца жизни юнымъ блескомъ глазами, съ громкою, нѣсколько замедленною рѣчью, постоянно поглощеннаго интересами науки, или, какъ говорили про него, еще въ бытность А. С. преподавателемъ Казанской Духовной Академіи, студенты, его слушатели, постоянно „заряженнаго научными новостями?“

И вотъ, его уже межъ нами нѣтъ Неутомимый работникъ, посвятившій на служеніе наукъ 40 лѣтъ неустаннаго труда, наконецъ, опочилъ отъ дѣлъ своихъ.

На мнѣ, едва ли не единственномъ ученикѣ покойнаго, лежитъ долгъ упомянуть добрымъ словомъ этого замѣчательнаго ученаго и человѣка. Кромѣ личныхъ воспоминаній о покойномъ, у меня сохранились письма А. С., писанныя имъ ко

мнѣ въ продолженіе моего съ нимъ знакомства (въ теченіе почти 14-ти лѣтъ); нѣкоторыми изъ нихъ я и воспользуюсь въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

А. С. родился въ 1832 году въ далекой Сибири и происходилъ изъ духовнаго сословія (былъ сынъ причетника Томской епархіи).

Не беззаботное дѣтство, не веселую юность сулила судьба сыну скромнаго причетника, который собственными силами долженъ былъ пробивать себѣ дорогу. Вотъ какъ вспоминаетъ самъ А. С. объ этомъ прошломъ въ одномъ изъ писемъ (отъ 5-го февраля 1894 г.), написанномъ въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я увѣдомлялъ его о постигшемъ меня, вскорѣ по пріѣздѣ въ г. Юрьевъ, тяжкомъ горѣ (о смерти моего отца): „... Что сказать мнѣ на Ваше скорбное письмо, первое ко мнѣ изъ Юрьева? Исполнилась надъ Вами съ безпопачною точностью пословица: „бѣда не приходитъ одна“. Но *„идѣже преизбудетъ горе, преизбудетъ и утѣшеніе“*, т. е. и малыя радости жизни будутъ казаться великими. *Такъ и я изжилъ свою жизнь, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста: горя, лишеній и всякихъ бѣдъ было, есть и будетъ много, но благодареніе Господу и за то счастье, какое выпало на мою долю. Оно у меня уже все назади, а впереди —*
Подожди немного,
Отдохнешь и ты“.

По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи¹⁾, какъ лучший воспитанникъ ея, А. С. въ 1854 г. (22 лѣтъ отъ роду) поступилъ въ Казанскую Духовную Академію. Къ этому времени молодая Академія, благодаря энергіи и неусыпнымъ трудамъ знаменитаго въ ея исторіи ректора Григорія (1844—1852), достигла во всѣхъ отношеніяхъ цвѣтущаго состоянія. Въ числѣ ея преподавателей было уже много даровитыхъ ученыхъ, удачно выбранныхъ ректоромъ Григоріемъ; кромѣ того, годъ

1) Изъ наставниковъ Тобольской семинаріи А. С. съ особою благодарностью вспоминалъ профессора философіи Ильина.

поступленія А. С. въ Академію совпалъ съ двумя выдающимися событіями въ жизни Академіи: въ этомъ году она получила свое главное ученое сокровище — собраніе рукописей Соловецкой библіотеки и Анзерскаго скита, а также огромное количество старопечатныхъ книгъ изъ Синодальнаго склада, отобранныхъ отъ раскольниковъ, разборкою и изученіемъ которыхъ съ особою ревностью и занялся молодой студентъ; далѣе, въ то же время сталъ издаваться при Академіи получившій, благодаря своему богатому содержанію, большую извѣстность и распространеніе духовный журналъ: „Православный Собесѣдникъ“¹⁾, ревностнымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался А. С., и, наконецъ, въ 1856 году во главѣ Академіи сталъ считавшійся въ то время первымъ русскимъ канонистомъ арх. Іоаннъ. Обстоятельства, такимъ образомъ, благопріятствовали разцвѣту ученыхъ талантовъ А. С.

Годы студенчества (1854—1858), несмотря на строгіе порядки и суровую дисциплину, царившіе въ академической жизни, особенно въ ректорство грознаго арх. Іоанна (про котораго студенты того выпуска, къ которому принадлежалъ А. С., сложили даже стихи: „Ходитъ ректоръ Иванъ Грозный, палкою стучить“)²⁾, были лучшею порою жизни А. С., и о своемъ

1) Разрѣшеніе на изданіе дано было Св. Синодомъ 27 мая 1854 г. а первая книжка вышла въ маѣ 1855 г.

2) Какою строгостью отличались въ то время порядки Казанской Духовной Академіи видно, между прочимъ, изъ того, что даже въ отпускъ изъ Академіи студентовъ отпускали съ большимъ трудомъ и разборомъ, предварительно освѣдомившись, зачѣмъ и куда просится студентъ. Въ случаѣ частыхъ посѣщеній одного и того же, хотя бы самаго благонадежнаго лица, начальство Академіи уже обращало на это особое вниманіе. Такъ относительно А. С. въ отпускномъ журналѣ находится такая замѣтка тогдашняго инспектора Серафима: „Почему студентъ А. Павловъ записывается такъ часто и все къ священнику Пылаеву?“ — А какъ строго соблюдалась въ Академіи въ то время внѣшняя форма, можно судить потому, что вслѣдствіе очень незначительнаго нарушенія внѣшней дисциплины, ректоръ Іоаннъ такъ грозно напалъ на А. С. Павлова (за то, что тотъ шелъ въ столовую въ одиночествѣ, а не попарно, какъ это было предписано), что съ послѣднимъ, какъ извѣстно, человѣкомъ не особенно трусливымъ, сдѣлался было нервный припадокъ (П. Знаменскій. Исторія Казанской Духовной Академіи, т. III, 188; т. I, 169—171).

пребываніи въ Академіи покойный вспоминалъ съ удовольствіемъ. Матеріальное положеніе А. С. къ концу студенчества тоже улучшилось, такъ какъ начальство Академіи разрѣшило ему давать уроки сперва въ семействѣ генерала А. Л. Корсакова, а потомъ въ семействѣ гг. Могилатовыхъ¹⁾.

Время студенчества пролетѣло быстро, и въ 1858 г. А. С. блистательно окончилъ курсъ Академіи первымъ магистромъ (утвержденъ въ степени 1 сентября 1858 г.). Однако вступленіе въ жизнь не было для А. С. особенно благопріятнымъ и на первыхъ же порахъ ему пришлось испытать неудачу: хотя А. С. окончилъ курсъ первымъ, но при Академіи оставленъ не былъ, не смотря на то, что бакалаврскія вакансіи тогда и были; произошло это не по винѣ молодого магистра, а по личному произволу новаго ректора Академіи арх. Іоанна, который, будучи недоволенъ всѣмъ найденнымъ въ Академіи и, между прочимъ, прежнимъ ея учебнымъ направленіемъ, наложилъ опалу на весь этотъ (VII) выпускъ, да и вообще желалъ замѣстить всѣ имѣющіяся въ Академіи преподавательскія вакансіи лицами монашествующими²⁾. Такимъ образомъ А. С. былъ назначенъ на службу въ Казанскую семинарію по классу общей и русской церковной исторіи. По счастью каѳедра литургіки и каноники, за отсутствіемъ желающихъ занять ее лицъ изъ монашескаго состоянія, осталась вакантною и ее все-таки пришлось замѣстить А. С., такъ что въ Казанской семинаріи онъ прослужилъ только одно полугодіе.

10 января 1859 г. была первая его лекція по предмету литургіки о задачѣ и характерѣ этой науки, и съ этого времени начались его одушевленные курсы, впервые возбуждившіе въ Академіи живой интересъ къ изученію обѣихъ наукъ, считавшихся прежде одними изъ скучнѣйшихъ въ академическомъ курсѣ.

1) Знаменскій III, 203.

2) Знаменскій I, 160—164.

А. С. Павловъ съ самаго начала выступилъ на кафедрѣ съ настоящимъ научнымъ направленіемъ и обнаружилъ себя вообще болѣе ученымъ, чѣмъ профессоромъ. Его занимали больше самостоятельныя кабинетныя работы, чѣмъ обыкновенныя лекціи, въ которыхъ нужно было передавать всякія свѣдѣнія, и старыя, и новыя, и свои, и съ чужихъ словъ. Онъ любилъ работать, прокладывая въ изслѣдованіи какого бы то ни было предмета непремѣнно новые пути, открывая въ немъ новыя стороны, еще не замѣченныя другими, и поправляя чужія изслѣдованія. Эта черта его ученаго характера выражалась даже въ манерѣ его чтенія лекцій, ясной, экспрессивной, придававшей каждой мелочи и подробности какую-то особенную значимость. Направление этихъ лекцій было историческое, какого держались и другіе лучшіе наставники того времени, времени сильнѣйшаго возбужденія въ Академіи историческаго интереса.

Литургика, несмотря на множество совершенныхъ имъ работъ по ея предмету, была у него менѣе любимой наукой, чѣмъ каноника, которую онъ съ самаго начала службы разрабатывалъ вполнѣ самостоятельно. Въ первое полугодіе онъ читалъ исторію церковнаго права въ греко-римской имперіи, довольно систематически знакомя студентовъ съ исторіей памятниковъ этого права, а также съ исторіей взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ и съ характеромъ имущественныхъ и судныхъ правъ церкви въ греко-римской имперіи. Второе полугодіе все посвящалось историческому обозрѣнію русскаго церковнаго права, особенно въ древней Россіи. Соловецкая бібліотека, заключающая въ себѣ нѣсколько драгоценныхъ матеріаловъ по этой части, заняла все его вниманіе и дала ему возможность сдѣлать даже много новыхъ научныхъ открытій, послужившихъ первымъ фундаментомъ его ученой извѣстности.

Постоянно занятый учеными работами, онъ избѣгалъ всякихъ постороннихъ занятій въ Академіи, и внѣ ея; сверхъ своей постоянной должности, нѣкоторое время онъ преподавалъ

только нѣмецкій языкъ; въ 1860 г. былъ секретаремъ внѣшняго правленія, да уже подъ конецъ своей службы въ Академіи, изъ-за недостатка средствъ къ содержанію послѣ женитьбы (въ январѣ 1863), зимой 1863 г. взялъ на себя уроки русскаго языка въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ (теперь 1-я женская гимназія¹⁾), съ жалованьемъ 486 р. въ годъ, послужившимъ весьма важнымъ подспорьемъ къ скудному академическому содержанію.

Женитьба А. С. была явленіемъ въ академической жизни весьма необычнымъ, своего рода геройскимъ подвигомъ. Какъ люди, окончательно еще не пристроенные, наставники Академіи, между прочимъ, воздерживались отъ вступленія въ бракъ и жили одинокими бобылями, аскетами науки. Само начальство не совсѣмъ доброжелательно смотрѣло на семейныхъ наставниковъ, стараясь „избѣгать“ ихъ²⁾. Уже извѣстный намъ ректоръ Академіи Іоаннъ часто говаривалъ: „Понатолкали въ Академію женатыхъ да поповъ! Что-нибудь одно — либо баба, либо наука“³⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ, многіе изъ наставниковъ возводили свое безбрачіе даже въ принципъ, серьезно убѣдивъ себя, что семейная жизнь вредитъ научнымъ занятіямъ⁴⁾.

Вскорѣ послѣ женитьбы, А. С. задумалъ перейти изъ Академіи въ Казанскій Университетъ, гдѣ, по уставу 1863 г., положено было, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ новыхъ каедръ, открыть новую каедру церковнаго права. Юридическій факультетъ, къ которому эта каедра была причислена, для замѣщенія ея достойнымъ кандидатомъ, прежде всего обратилъ свое вниманіе на ближайшаго академическаго канониста. Въ продолженіе около мѣсяца, до его избранія въ Совѣтъ Университета, на лекціи его въ Академіи, для личнаго знакомства съ его преподаваніемъ, ходили профессора Университета, деканъ

1) Знаменскій II, 319—321.

2) Знаменскій II, 577.

3) Знаменскій I, 158.

4) Знаменскій II, 577.

юридическаго факультета Ю. А. Микшевичъ и профессоръ А. В. Соколовъ, — довольно характерная черта тогдашнихъ отношеній между Академіею и Университетомъ. Въ февралѣ 1864 г. состоялась его баллотировка въ Совѣтъ, послѣ которой онъ прямо допущенъ былъ въ Университетъ къ преподаванію въ званіи доцента. Сначала онъ рассчитывалъ, что будетъ посланъ, для приготовленія къ своей кафедрѣ, за-границу и потому 19 марта заявилъ академическому правленію, что совсѣмъ оставляетъ Академію, но потомъ, будучи допущенъ къ чтенію лекцій и безъ посылки за границу, перемѣнилъ это заявленіе и въ апрѣлѣ, на годичномъ запросѣ правленія наставникамъ Академіи объ ихъ намѣреніи продолжать службу въ будущемъ году, написалъ, что продолжать свою службу при Академіи „желаетъ со всѣмъ усердіемъ, не смотря на переходъ въ Университетъ“, о томъ же написалъ и къ обер-прокурору Св. Синода, прося дозволить ему проходить службу при обоихъ заведеніяхъ. Но просьба эта не была уважена ¹⁾, и 17 сентября А. С. былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы.

Въ 1865 г. состоялась, наконецъ, командировка А. С. отъ Казанскаго Университета за границу съ ученою цѣлью на годичный срокъ. Время заграничной командировки А. С. провелъ въ Германіи, главнымъ образомъ, въ Гейдельбергѣ, гдѣ съ особымъ усердіемъ предался изученію наукъ юридическихъ, въ особенности римскаго права, такъ какъ хорошо понималъ, что безъ солидныхъ знаній въ этой области является невозможною разработка каноническаго права, какъ науки юридической, каковою она является по Уставу 1863 г. Въ это же время А. С. завязалъ свои первыя знакомства съ нѣкоторыми знаменитыми европейскими учеными, между прочимъ, съ извѣстнымъ византологомъ Цахаріе фонъ-Лингенталь, съ которымъ А. С. состоялъ въ тѣсной дружбѣ до самаго конца жизни Цахаріе.

1) Знаменскій II, 321.

Возвратившись изъ-за границы, А. С. скоро сдѣлался въ Университетѣ видною ученою силою и въ 1867 г. былъ возведенъ уже въ званіе экстраординарнаго профессора.

Ко времени пребыванія А. С. въ Казанской Академіи и Университетѣ относится разцвѣтъ его учено - литературной дѣятельности. Въ это время имъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ — отрывокъ изъ его курсоваго сочиненія на степень магистра (Прав. Соб. 1858 г. II, 138, 262); 2) Древнія русскія пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ (Прав. Соб. 1860 г. III, 331); 3) О причетникахъ двоеженцахъ (Руков. для сельск. паст. 1860 г.); 4) Древніе христіанскіе праздники въ честь мучениковъ (Странникъ. 1860 г., июль); 5) Страстная недѣля (Дух. Бесѣда. 1860 г., № 14); 6) О праздникѣ Пятидесятницы (тамъ-же); 7) Земское (народное и общественное) направленіе русской духовной письменности въ XVI в. (Прав. Собесѣдн. 1863 г., 1, 292; II, 364¹). Послѣ перехода въ Университетъ, его литературныя работы специализировались и сосредоточились исключительно въ области каноническаго права. Таковы были его изслѣдованія: 8) О кормчей инока - князя Вассіана Патрикѣева (Учен. Записки Казан. Унив. 1864 г. I, стр. 489—498); 9) Личныя отношенія су-пруговъ по греко-римскому праву (тамъ же 1865 г., стр. 89); 10) Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права, — рѣчь на университетскомъ актѣ (тамъ же 1866 г., стр. 481—526); 11) Первоначальный славяно-русскій номоканонъ (тамъ же 1869 г. прилож. стр. 1—100). Последнее сочиненіе, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о кормчей Вас-

1) Кромѣ того, въ 1862 г. А. С. собралъ, по порученію арх. Іоанна, фактический матеріалъ для сочиненія послѣдняго: „О монашествѣ епископовъ“, напечатаннаго въ Православномъ Собесѣдникѣ (1863 г. т. I, 442; II, 99—193) и, по напечатаніи, представленнаго оберъ-прокуроромъ Св. Синода на воззрѣніе самого Государя Императора. Это сочиненіе дало арх. Іоанну возможность поправить свою служебную карьеру, такъ какъ 26 ноября 1863 г. онъ былъ Всемилостивѣйше награжденъ кабинетнымъ наперстнымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями въ знакъ благосклоннаго вниманія Его Императорскаго Величества къ его ученой дѣятельности (Знаменскій I, 212—213).

сіана, открыло цѣлый рядъ капитальныхъ работъ по разработкѣ памятниковъ русскаго церковнаго права, которой А. С. еще въ Академіи посвятилъ свое особенное вниманіе; Академія Наукъ удостоила это сочиненіе Уваровской преміи. Это было послѣднее казанское сочиненіе А. С.¹⁾. — Кромѣ перечисленныхъ сочиненій, работая надъ рукописями Соловецкой бібліотеки, онъ издалъ за это время нѣсколько цѣнныхъ древнихъ памятниковъ, таковы: Церковно-судебныя опредѣленія Кипріяна, митрополита новгородскаго XVII в. (Прав. Соб. 1861 г. III, 335); Посланіе старца Елеазарова монастыря Елеазара къ в. кн. Василю Іоанновичу (тамъ же 1863 г. I, 337); Посланіе Геннадія новгородскаго къ московскому собору 1490 г. (тамъ же 1863 г. I, 476); Три доселѣ неизданныя посланія кн. Андрея Курбскаго (—1863 г. II, 156, 343, 451, 550); Полемическія сочиненія инока-князя Вассіана Патрикѣева (—1863 г. III, 95, 180); Апокрифическое слово о судіяхъ и властителяхъ (—1864, I, 365); Два посланія в. кн. Михаилу Ярославовичу тверскому константинопольскаго патр. Нифонта и русскаго инока Акиндина о поставленіи на мздѣ (—1867 г., II, 236). Въ V т. Лѣтописей Тихонравова изданы имъ же: Путешествіе инока Михаила ко св. мѣстамъ; Повѣсти о скверномъ бѣсѣ; Плачъ городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви²⁾.

Въ 1870 г. А. С. оставляетъ Казань и переселяется съ востока Россіи на югъ. Еще 9 сентября 1869 г., по предложенію ректора Новороссійскаго Университета О. И. Леонтовича, А. С. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ каноническаго права въ Новороссійскомъ Университетѣ и былъ

1) Про сочиненіе это одинъ изъ знатоковъ каноническаго права выразился такъ: „Малъ золотникъ, да дорогъ“. — Проф. Бердниковъ въ „Курсѣ церковнаго права“ (Дополн. къ Курсу. стр. 313—314, Казань 1889 г.), говоритъ объ этомъ сочиненіи: „Несмотря на небольшой объемъ, оно имѣетъ большую научную цѣнность. Оно пролило свѣтъ на первоначальную исторію нашей славянской Кормчей и распутало многіе запутанные вопросы, къ которымъ она подавала поводъ“.

2) Знаменскій II, 824—826.

утвержденъ министромъ, хотя съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ читалъ лекціи въ Казанскомъ Университетѣ до конца 1869—70 уч. г., такъ что преподаваніе каноническаго права въ Новороссійскомъ Университетѣ А. С. началъ лишь съ осени 1870 г.

Несмотря на столь лестное для молодого ученаго повышение по службѣ, А. С. на первыхъ порахъ чувствовалъ себя въ Одессѣ не особенно хорошо и часто вспоминалъ о Казани. „Переѣздъ изъ Казани въ Одессу, писалъ онъ мнѣ (5 февраля 1894 г.) былъ для меня словно переселеніемъ на другую планету, атмосфера которой совсѣмъ не приходилась къ моей велико-россійской натурѣ: ею могли дышать и наслаждаться только еврей, полякъ, нѣмецъ, грекъ, и, пожалуй, хохолъ, сроднившійся съ своимъ положеніемъ „хлопца“ у этихъ „панующихъ“ національностей. Мы „москали“ только увеличивали разношерстность этой разноплеменной толпы и отличались отъ нея только тѣмъ, что они составляли изъ себя крѣпко сомкнутое цѣлое, а мы, по обыкновенію, тянули всѣ врознь...“

Скоро, однако, многое измѣнилось къ лучшему и А. С. горячо полюбилъ молодой Университетъ и впослѣдствіи съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Одессѣ. „Черезъ какіе нибудь 5 лѣтъ „нашего полку прибыло“, писалъ онъ въ томъ же письмѣ, „мы сами составили силу, если не въ количественномъ, то въ качественномъ смыслѣ, такъ что въ концѣ-концовъ мнѣ жаль было покидать юный университетъ, а послѣднему жаль было разстаться со мною (имѣю на это официальное доказательство, въ видѣ бумаги изъ Совѣта, которую велю положить съ собою въ гробъ). А жена и теперь бы, безъ малѣйшаго колебанія, вернулась въ Одессу. Да будетъ такъ и съ Вами по отношенію къ Юрьеву, съ которымъ, вѣроятно, и Вамъ придется скоро разстаться...“

Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Одессѣ А. С. и въ письмѣ къ проф. Новороссійскаго Университета А. В. Маркевичу отъ 15 ноября 1889 г., помѣщенномъ въ Записк. Импер. Новоросс. Универ. т. 53 (25-лѣтіе

Университета¹⁾: „Что 14 лѣтъ тому назадъ отвѣчалъ я Совѣту Новороссійскаго Университета на его предложеніе не оставлять службы въ этомъ Университетѣ, то повторяю и теперь: Пять лѣтъ моего пребыванія въ Новороссійскомъ Университетѣ составляютъ лучшую пору моей научно-литературной дѣятельности. Въ это время я удостоенъ отъ Совѣта Новороссійскаго Университета почетнаго диплома на степень доктора церковнаго права и отъ Императорской Академіи Наукъ — диплома на званіе ея члена-корреспондента. Тогда же я избранъ былъ въ дѣйствительные члены нѣсколькихъ столичныхъ ученыхъ обществъ (Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ и Московскаго археологическаго общества²⁾). Съ воспоминаніемъ обо всемъ этомъ не могу не сохранять чувства глубочайшей признательности тогдашнему личному составу Совѣта Новороссійскаго Университета за его постоянное и въ высшей степени поощрительное для меня вниманіе къ моимъ ученымъ работамъ. Это вниманіе выражалось и въ назначеніи мнѣ денежныхъ пособій на ученія экскурсіи въ вакаціонные мѣсяцы, въ Москву и Петербургъ, для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ, и въ экстренныхъ затратахъ, по моимъ представленіямъ и просьбамъ, значительныхъ суммъ на приобрѣтеніе въ университетскую библіотеку книгъ по моей каѳедрѣ, и наконецъ — въ заказахъ на снятіе факсимилированныхъ копій съ нужныхъ мнѣ греческихъ рукописей, напримѣръ — съ номоканона, хранящагося въ библіотекѣ Оксфордскаго Университета. Благодаря этой нравственной и матеріальной поддержкѣ со стороны Совѣта Новороссійскаго Университета, я имѣлъ возможность напе-

1) Стр. 552—554.

2) А. С. состоялъ также членомъ почетнымъ или дѣйствительнымъ многихъ другихъ ученыхъ обществъ (Московского Юридическаго, Общества Любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Общества Любителей духовнаго просвѣщенія, Историческаго Общества Нестора лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра, Константинопольскаго — Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος и др.

чатать, въ сравнительно краткое время, слѣдующія ученыя работы, помѣщенные частью въ университетскихъ Запискахъ, издававшихся подъ моею редакціею, частью въ ученыхъ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ: 1) Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи (З. Н. Ун. т. VII¹); 2) Номоканонъ при Большомъ Требникѣ (ibid. т. VIII²); 3) Новый наказный списокъ по Стоглаву (ibid. т. IX); 4) Забѣтки о греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія въ Московской Синодальной библіотекѣ (ibid. т. XVI); 5) Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II (XI в.), изданные параллельно съ современнымъ славянскимъ переводомъ и снабженные объяснительными примѣчаніями (Изд. Ак. Н.); 6) Письмо къ академику Броссе (теперь покойному) о грузинскомъ номоканонѣ (ibid.), и 7) Забѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ толкованій на церковныя правила, принадлежащихъ греческимъ канонистамъ XII в. Аристину, Зонарѣ и Вальсамону (З. Н. Ун. т. XVI)⁴.

Въ это же время у А. С. созрѣлъ планъ составленія полной исторіи византійскаго права и рецепціи его въ Россіи, какъ свидѣтельствуемъ о томъ самъ А. С. въ предисловіи къ т. наз. „Книгамъ законнымъ“³). А. С. предполагалъ начать съ критическаго изданія славянскихъ текстовъ, въ которыхъ были приняты и въ продолженіе многихъ вѣковъ употреблялись у славянъ источники византійскаго права, вмѣстѣ съ чѣмъ

1) О сочиненіи этомъ, удостоенномъ отъ Академіи Наукъ Уваровской преміи, покойный проф. Московскаго Университета Бѣляевъ высказался такъ: „книга эта есть богатый вкладъ въ нашу историко-юридическую литературу, и притомъ такой, которымъ дорожили бы даже и европейскія литературы болѣе богатая, чѣмъ наша“. (Записки Имп. Новорос. Унив. Т. X, 1873 г., стр. 92.)

2) Сочиненіе это тоже удостоено Уваровской преміи отъ Академіи Наукъ. Лестные отзывы о немъ даны были покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ, высоко цѣнившимъ ученыя заслуги и таланты А. С., и проф. С.-Петербургскаго Университета М. И. Горчаковымъ.

3) Сборт. Отд. рус. языка и словесности Имп. Ак. Наукъ, Т. 38, № 3.

должна была идти разработка и такъ наз. внѣшней ихъ исторіи, т. е. разрѣшеніе вопросовъ о времени и мѣстѣ появленія того или другого источника въ славянскомъ переводѣ, о способахъ его распространенія и употребленія въ данной странѣ и о тѣхъ перемѣнахъ, какимъ онъ подвергался при этомъ въ своемъ составѣ и редакціи; затѣмъ, уже должна была слѣдовать т. наз. внутренняя исторія, задача которой объяснить — насколько юридическія нормы, содержащіяся въ томъ или другомъ источникѣ иноземнаго права, привились къ жизни принявшаго ихъ народа и какое вообще вліяніе оказали онѣ на развитіе и установленіе мѣстной юридической жизни¹⁾.

Какую грандіозную задачу ставилъ себѣ великій русскій ученый! Какой важный пробѣлъ въ нашемъ юридическомъ образованіи былъ бы восполненъ, въ случаѣ осуществленія, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ, этой задачи!

Новороссійскій Университетъ высоко цѣнилъ научную дѣятельность А. С.: доказательствомъ этого служить то, что Совѣтъ Университета, по единогласному ходатайству юридического факультета, въ засѣданіи 28 марта 1873 г. избралъ А. С. почетнымъ докторомъ каноническаго права „во вниманіе къ неутомимой и истинно-полезной и важной его научно-литературной дѣятельности“. Интереснымъ, при этомъ, представляется самое ходатайство факультета о возведеніи А. С. въ степень почетнаго доктора. „Юридическій факультетъ, говорится, между прочимъ, въ этомъ ходатайствѣ, допустилъ бы, съ своей стороны, несправедливость, не воздавши должное по заслугамъ этого ученаго дѣятеля, не предупредивъ въ томъ какой-нибудь другой университетъ, умѣющій цѣнить ученныя заслуги“²⁾.

Въ Одессѣ А. С. оставался сравнительно не долго, и лѣтомъ 1875 года получилъ лестное для себя приглашеніе занять въ старѣйшемъ, Московскомъ Университетѣ кафедру

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1898. X, 117—118.

2) Записки Имп. Новорос. Унив. Т. X, 1873, стр. 91—92.

каноническаго права, ставшую вакантною вслѣдствіе смерти проф. Н. К. Соколова. Совѣтъ Новороссійскаго Университета, узнавши заранѣе о приглашеніи А. С. въ Москву, въ засѣданіи 28 апрѣля, по предложенію профессоровъ Вальца и Дювернуа, просилъ его остаться, но А. С., хотя и чувствительно благодарилъ Совѣтъ, однако остаться въ Одессѣ не согласился. Его прельщала Москва, главнымъ образомъ, своими двумя замѣчательными книгохранилищами — Московской Синодальной библіотекой и библіотекою Румянцевскаго музея, въ которыхъ до сего времени онъ могъ только работать урывками, во время командировокъ въ Москву изъ отдаленной отъ нея Одессы; съ переселеніемъ же въ Москву, онъ могъ уже не разставаться съ этими книжными сокровищами.

Въ Москвѣ А. С. выступилъ во всеоружіи своей огромной эрудиціи и богатыхъ знаній, составляя во все время пребыванія въ Московскомъ Университетѣ его славу и гордость.

Однако въ теченіе многихъ лѣтъ (до введенія гонорара, по уставу 1884 г.) матеріальное положеніе А. С. было весьма тяжелымъ. Москва, кромѣ почета, не дала знаменитому ученому, ничего. Жалованье осталось прежнее, а между тѣмъ жизнь въ Москвѣ съ многочисленною семьей оказалась много дороже. Поэтому А. С., чтобы свести концы съ концами, приходилось урѣзывать себя во всемъ — квартиру приходилось нанимать подешевле и поменьше и, во избѣжаніе дѣтскаго шума, работать по ночамъ. Дешевыя квартиры имѣли, конечно, много неудобствъ; между прочимъ, были очень холодны. Никогда не забуду одной изъ такихъ квартиръ, на которой А. С. (часто мѣнявшій квартиры, желая найти недорогую и удобную, чего, конечно, въ Москвѣ достигнуть невозможно), по необходимости, прожилъ довольно долго. Часто бывая на этой квартирѣ (помѣщавшейся на Поварской, въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ) зимою, въ трескучіе морозы, я заставалъ такую картину: въ кабинетѣ, за большимъ письменнымъ столомъ, передъ разложенными книгами и рукописями сидитъ въ

пледъ и валенкахъ А. С. и согрѣваетъ дыханіемъ свои руки; посидѣвши немного у стола, онъ обыкновенно вставалъ — подходилъ къ печкѣ, немного отогрѣвался — и снова принимался за работу. На первыхъ порахъ даже необходимой мебели въ квартирѣ не было, и не на что было ее купить. Но и при такой экономіи, денегъ часто не доставало, и незадолго до 20-го числа каждаго мѣсяца знаменитому русскому канонисту приходилось дѣлать мелкіе займы у кого-либо изъ своихъ товарищей, обыкновенно у Н. С. Тихонравова, съ которымъ покойный былъ въ большой дружбѣ. Когда въ послѣдствіи матеріальное положеніе А. С., благодаря гонорару, сдѣлалось вполне обеспеченнымъ, онъ часто говаривалъ: „Дали бѣлкѣ орѣшки, да зубовъ уже нѣтъ“.

Не смотря на всѣ жизненные невгоды, учено-литературная дѣятельность А. С. не ослабѣвала. За это время онъ напечаталъ: 1) Новый переводъ толкованій на церковныя правила (Правосл. Обзор. 1876 г. т. I, 730); 2) Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ — обширное сочиненіе, написанное для Академіи Наукъ, по поводу историко-литературнаго обзора полемическихъ сочиненій противъ латинянъ А. Н. Попова, и полное новыхъ литературныхъ открытій (напечат. изъ XIX отчета Академіи о присужденіи Уваровскихъ премій). СПБ. 1878 г.; 3) О книгѣ Заозерскаго „Церковный судъ“ (Критическое Обзорѣніе 1879 г., № 4); 4) Теорія восточнаго канонизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права (Прав. Обзор. 1879 г. т. III, 476, 734); 5) Памятники древне-русскаго каноническаго права, изданные въ VI т. Русской Исторической Библіотеки (СПБ. 1880); 6) О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому митрополиту Георгію, — открытое письмо Е. Е. Голубинскому (Прав. Обзор. 1881 г. т. I, 344 и отдѣльно: М. 1881); 7) Вопросъ о ереси жидовствующихъ, — отвѣтъ г. Иловайскому (Совр. Извѣст. 1884 г. № 266); 8) Книги законныя, содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачныя и судебныя (М. 1885); 9) 50-я глава

кормчей книги (М. 1887 г.¹⁾); 10) Могутъ-ли незаконно-рожденные быть поставляемы на священно-служительскія степени? (Церковн. Вѣдомости 1889 г. № 9); 11) Неизданный памятникъ церковнаго права XII вѣка (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. кн. 10); 12) По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ церковнаго права (Чтенія въ Обществѣ Люб. Дух. Просв. 1891 г., т. I, 640²); 13) Два отвѣта В. С. Соловьеву объ инквизиціи на Востокѣ (Моск. Вѣдом. 1891 г., № 341; 1892 г. № 8) 14) Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права. (Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1891 г., т. II, 693; 1892 г., т. I, 192, 425, 527); 15) Недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ и духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку (1893 г., т. I, 354, 483); 16) О началѣ Галицкой и Литовской митрополій (Русское Обозрѣніе. 1894 г. кн. 5); 17) По поводу полемики противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ (Тамъ же, 1894 г., кн. 12); 18) О каталогѣ греческихъ рукописей Іерусалимской патріархіи (Древности Моск. Арх. Общ. 1894 г., т. XV, вып. I); 19) Неизданные памятники церковнаго права (Византійскій Временникъ. 1895—1896 гг.) и 20) Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, новое отъ начала до конца переработанное изданіе (Ученыя Записки Моск. Унив., вып. 14 и отдѣльно: М. 1897 г., 520 стр.)

Что касается преподавательской дѣятельности А. С., то

1) Сочиненіе это, заслужившее самые лестные отзывы какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской печати, удостоено преміи митр. Макарія. (Отзывы о немъ: въ Прибавл. къ твор. св. отц. 1888 г. 41, стр. 253—282 — статья проф. Заозерскаго; Юрид. Вѣстн. 1888 г. т. I, стр. 329 — Суворова; отчетъ о 26-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 2 и Дополн. къ Курсу церк. права. Казань, 1889, стр. 314 — Бердникова; Прибавл. къ Церк. Вѣд. 1888, № 2, стр. 42—44 — проф. Барсова; Церк. Вѣст. 1888, № 36, стр. 654—655; Русская Мысль 1888, кн. 7, стр. 353—354; Братское слово 1888, № 4, стр. 256—258; Руков. для сельск. паст. 1887, т. III, стр. 526—530.

2) Знаменскій II, 326—327.

курсъ лекцій церковнаго права, читанный имъ въ Московскомъ Университетѣ, по богатству заключающагося въ немъ матеріала, систематичности и ясности изложенія, со всею справедливостью, можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ; въ немъ нѣтъ ни одного слова лишняго, ничего непонятнаго или недоговореннаго. А. С. излагалъ свой курсъ въ слѣдующей системѣ: во введеніи, послѣ предварительныхъ замѣчаній о наукахъ церковнаго права, ея задачахъ, методѣ и положеніи ея въ цѣлой системѣ права, онъ излагалъ весьма подробно источники церковнаго права (ихъ виды, относительная важность, исторія ихъ на Западѣ и на Востокѣ — въ церкви греческой и русской). Система дѣйствующаго права, въ курсѣ А. С., распадается на двѣ части: внутреннее право церкви и внѣшнее право ея. Первая часть, трактующая о внутреннемъ правѣ церкви, въ свою очередь, дѣлится на два большіе отдѣла: 1) церковное устройство (здѣсь содержится ученіе о личномъ составѣ церковнаго общества и ученіе о церковномъ правительствѣ — *hierarchia jurisdictionis*); 2) церковное управленіе; здѣсь подробно разсматриваются три полномочія власти церкви: а) власть учащая (*potestas magisterii*) и ея проявленія; б) власть освящающая (*potestas ministerii sive ordinis*); здѣсь излагается, между прочимъ, брачное право — одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ курса; в) власть правительственная, *potestas jurisdictionis* — (между прочимъ, церковный судъ). Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщается имущественное право церкви. Часть вторая, содержащая внѣшнее право церкви, излагаетъ ученіе церкви въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ: 1) къ государству (весьма интереснымъ является здѣсь талантливо изложенный историческій очеркъ этихъ отношеній); 2) къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ (съ точки зрѣнія канонической и съ точки зрѣнія государственнаго права). — Курсъ церковнаго права А. С. отличается строго-юридическою конструкціей. А. С. первый изъ русскихъ канонистовъ положительно заявилъ, что церковное право „по существу своему прежде всего есть наука юридическая, для разработки и изложенія которой необходимо такое же отношеніе къ ея матеріаламъ,

какое вообще усвоено разработкѣ и изложенію наукъ юридическихъ“¹⁾).

Кромѣ чтенія лекцій церковнаго права, А. С. велъ въ Московскомъ Университетѣ практическія занятія по римскому праву, которое онъ основательно изучилъ во время своей заграничной командировки; одинъ разъ онъ даже выступалъ главнымъ оппонентомъ на диспутѣ по поводу диссертациі по этому предмету и обнаружилъ здѣсь обширное знакомство съ литературою его. Кромѣ Университета, покойный нѣкоторое время преподавалъ римское право въ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая.

Такъ, въ непрерывныхъ трудахъ, проходила жизнь знаменитаго ученаго, посвятившаго наукѣ всѣ свои силы и способности, все свое время: и раннимъ утромъ, и поздней ночью, и въ будни, и въ праздникъ А. С. можно было застать погруженнымъ въ ученыя изысканія, окруженнымъ многочисленными книгами и фоліантами. Самъ всецѣло преданный наукѣ, онъ того-же требовалъ и отъ другихъ, и пишущему эти строки, во время приготовленія, подъ его руководствомъ, къ профессорскому званію, строго заказывалъ не брать никакихъ постороннихъ занятій и уроковъ, приговаривая при этомъ: „за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“. Постоянно „заряженный научными новостями“, замкнувшійся въ своемъ кабинетѣ, А. С. не былъ человекомъ общества, онъ избѣгалъ всякой общественной дѣятельности, никогда не занималъ никакой административной должности, да и врядъ-ли былъ къ тому способенъ по своему характеру. Какъ ученый, А. С. былъ весьма требователенъ не только по отношенію къ другимъ, но еще болѣе къ самому себѣ: взявшись за разработку извѣстнаго вопроса, онъ ставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать его со всѣхъ сторонъ такъ, чтобы можно было считать этотъ вопросъ уже совершенно оконченнымъ; онъ придавалъ большое значеніе даже внѣшней сторонѣ — стилю, можно ска-

1) Зап. Императ. Новор. Унив. т. X, 61.

затѣ, былъ строгъ ко всякому слову. Вообще угодить А. С. было не легко, и свое мнѣніе онъ цѣнилъ весьма высоко.

Суровая жизненная школа, которую съ самаго дѣтства долженъ былъ пройти А. С., конечно, наложила свой отпечатокъ на личности и характеръ покойнаго, казавшагося на видѣ тоже строгимъ и суровымъ¹⁾. Но кто зналъ А. С. ближе, тотъ не разъ могъ убѣдиться, что строгій, суровый по виду, А. С. въ дѣйствительности обладалъ душою мягкою и доброю. Никогда не забуду я дня, въ который мнѣ пришлось на долго расстаться съ моимъ дорогимъ учителемъ (по случаю моей командировки за границу). Въ этотъ день А. С. уѣзжалъ въ Казань (куда онъ былъ назначенъ председателемъ экзаменаціонной комиссіи); поэтому наше прощаніе состоялось на Нижегородскомъ вокзалѣ, куда я пріѣхалъ его проводить. Садясь въ отходящій поѣздъ онъ благословилъ меня въ далекій путь. Слезы катились по щекамъ этого, казавшагося всемъ суровымъ, старца

Новое, отъ начала до конца переработанное изданіе Номоканона при Большомъ Требникѣ, было послѣднимъ капитальнымъ трудомъ А. С. По пріѣздѣ изъ Петербурга (куда А. С. былъ назначенъ председателемъ государственной испытательной комиссіи), А. С., прихварывавшій еще и раньше, окончательно занемогъ и слегъ въ постель, а 16 августа его уже не стало. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи, и еще въ день его смерти сынъ покойнаго читалъ ему „Церковныя Вѣдомости“. Смерть была тихая.

1) Прямота, а иногда и рѣзкость сужденій А. С., создавали ему много несправедливостей, иногда ставили его въ натянутыя отношенія даже съ людьми ему дружественными. Покойный самъ сознавалъ это и (быть можетъ, не совсѣмъ основательно) этимъ объяснял невниманіе другихъ къ его ученымъ заслугамъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ (отъ 6 января 1898 г.), при которомъ онъ прислалъ мнѣ новое изданіе Номоканона при Большомъ Требникѣ, съ просьбою дать рецензію на эту книгу, онъ, между прочимъ, писалъ: „Не скрою отъ Васъ, что я не ожидаю отъ Россійскаго ученаго міра лестнаго и утѣшительнаго для меня вниманія къ моему новому ученому труду... *„Нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ“.*

Похороны покойнаго состоялись 20 августа и были также скромны, какъ была скромна и самая жизнь покойнаго. По случаю вакаціоннаго времени, многихъ изъ товарищей и почитателей покойнаго въ Москвѣ не было. Отпѣваніе тѣла почившаго было совершено въ церкви Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая профессоромъ богословія Московскаго Университета протоіереемъ Н. А. Елеонскимъ, соборнѣ съ профессоромъ богословія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института А. В. Мартыновымъ, законоучителемъ Лицея священникомъ І. И. Соловьевымъ и священникомъ І. Фуделемъ. При отпѣваніи въ храмѣ присутствовали: попечитель Московскаго округа П. А. Некрасовъ, профессора, друзья и почитатели памяти почившаго ученаго¹⁾.

На гробъ покойнаго были возложены вѣнки: отъ Императорскаго Московскаго Университета; отъ Юридическаго факультета серебряный, съ надписью: *Славному труженнику, знаменитому канонисту*; отъ Императорскаго Археологическаго Общества, отъ Юридическаго Общества, членомъ котораго состоялъ покойный; отъ редакціи *Русскаго Вѣстника*; отъ семейства И. И. Шаховскаго — *Великому ученому*.

Погребеніе состоялось на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Надъ могилою усопшаго проф. И. Т. Тарасовъ произнесъ прекрасную рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Почилъ ты вѣчнымъ сномъ, маститый дорогой товарищъ! Но ты не умеръ, ты живъ; — ты, неутомимый труженикъ, ты живъ въ трудахъ твоихъ, ты живъ, какъ учитель будущихъ учащихся поколѣній; ты живъ въ оставленномъ семьѣ твоей славному имени твоемъ; ты живъ, какъ примѣръ добраго семьянина, честнаго гражданина и благочестиваго христіанина. Вѣчная тебѣ память, знаменитый русскій ученый! Sit tibi terra levis! Прости! Прощай!“

Затѣмъ, произнесены были прощальныя слова оставленнымъ

1) Наканунѣ похоронъ, на панихидѣ, совершенной въ квартирѣ покойнаго, присутствовалъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголюбовъ.

при Московскомъ Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ каноническаго права И. Д. Липеровскимъ, указавшимъ на значеніе покойнаго для науки каноническаго права, и доцентомъ Московской Духовной Академіи И. М. Громогласовымъ, который, перечисливъ ученыя работы покойнаго и указавъ на его дружескія отношенія къ лицамъ, работавшимъ подъ его руководствомъ, положилъ „земной поклонъ“ отъ Московской Академіи, почетнымъ членомъ которой былъ почившій.

Пишущій эти строки произнесъ слѣдующія слова: „Вдали отъ Москвы я получилъ извѣстіе о твоей кончинѣ, мой дорогой учитель, и едва поспѣлъ сюда, чтобы поклониться твоему праху и сказать тебѣ послѣднее — прости. Не думалъ я о столь скорой съ тобою разлукѣ и надѣялся еще долго пользоваться твоими мудрыми совѣтами и указаніями. . . . Господь судилъ иначе. . . . Не стало дѣятеля, 40 лѣтъ неутомимо трудившагося на пользу русской науки; не стало искуснѣйшаго законовѣда, знатока права Православной Церкви, которой ты, вѣрный сынъ ея, оказалъ неоцѣнимую услугу твоими трудами. . . . Угасъ свѣтильникъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ярко горѣвшій въ Московскомъ Университетѣ. Здѣсь теперь не время входить въ подробную оцѣнку ученыхъ работъ твоихъ. Имя твое, пользовавшееся еще при твоей жизни почетною извѣстностью не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, будетъ долго жить въ трудахъ твоихъ. . . . Спи мирнымъ сномъ, дорогой наставникъ, и прими земной поклонъ отъ вѣчно признательнаго и благодарнаго ученика“.

Послѣ рѣчей могила была засыпана землей, и на ней водруженъ металлическій крестъ.

Пройдутъ года. . . на смѣну намъ вырастутъ новыя поколѣнія, а имя А. С. Павлова все будетъ жить въ наукѣ.

Списокъ печатныхъ трудовъ А. С. Павлова.

- Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ (Православный Собесѣдникъ, 1858 г., т. II, 138, 262).
- Пѣсня объ „Аллилуевой женѣ“ и нѣсколько другихъ раскольническихъ духовныхъ стиховъ, изданныхъ въ „Сборникѣ русскихъ духовныхъ стиховъ“, В. Варенцова, СПб. 1860 г.
- Страстная недѣля (Дух. Бесѣда, 1860, № 14, 409—428).
- Древніе христіанскіе праздники въ честь мучениковъ (Странникъ, 1860, т. III, отд. II, 1—23).
- Древнія русскія пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра (Правосл. Собес. 1860, т. III, 331—356).
- Церковно-судебныя опредѣленія Кипріяна, митрополита Новгородскаго (Тамъ же, 1861 г., т. III, 335—348).
- Праздникъ Пятидесятницы (Дух. Бесѣда, 1861 г. № 23, 121—131).
- Каковъ долженъ быть каноническій судъ о причетникахъ двоеженцахъ (Руков. для сельск. паст., 1862, т. III, 534—538).
- Плачъ городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви (изд. въ Лѣтоп. русск. литер. и древн. Н. Тихонравова, 1863 г., т. V, отд. II, 149—152).
- Духовные стихи раскольниковъ (Тамъ же, отд. III, 80—84).
- Повѣсть о скверномъ бѣсѣ (Тамъ же, стр. 89—90).
- Путешествіе инока Михаила во святыя мѣста (Тамъ же, стр. 103—104).

- Земское (народное и общественное) направлєніе русской духовной письменности въ XVI в. (Правосл. Собес. 1863 г., т. I, 292; II, 364).
- Посланіе старца Елеазарова монастыря къ в. кн. Василию Іоанновичу (Тамъ же, т. I, 337—348).
- Посланіе Геннадія Новгородскаго къ Московскому собору 1490 г. (Тамъ же, т. I, 476—481).
- Три доселѣ неизданныя посланія князя Андрея Курбскаго. (Тамъ же, т. II, 156—162, 343—348, 451—462, 550—571).
- Полемическія сочиненія инока - князя Вассіана Патрикѣева (Тамъ же, т. III, стр. 95—112, 180—210).
- Апокрифическое слово о судіяхъ и властителяхъ (Тамъ же, 1864 г., т. I, 365—374).
- О кормчей инока-князя Вассіана Патрикѣева (Ученыя Записки Казан. унив. 1864 г., т. I, 489—498).
- Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву (Тамъ же, 1865 г., 83—104).
- Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права (Тамъ же, 1866 г. 481—526).
- Два посланія в. кн. Михаилу Ярославичу тверскому константинопольскаго патріарха Нифонта и русскаго инока Акиндина о поставленіи на мздѣ (Прав. Соб. 1867, т. II, 236—253).
- Первоначальный славяно-русскій номоканонъ (Учен. Зап. Каз. Унив. 1869 г., прилож., стр. 1—100).
- Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи [1503—1580 г.] (Зап. Новор. унив., т. VII, 1—167).
- Номоканонъ. при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя. (Тамъ же, т. VIII, 1—240).

- Еще наказный списокъ по Стоглаву (Тамъ же, т. IX, стр. 1—37).
- Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ митрополита Іоанна II (Зап. Импер. Акад. Наукъ, 1873 г., т. XXII, прилож. № 5).
- Письмо къ академику Броссе о грузинскомъ номоканонѣ (Тамъ же, 1874 г., т. XXV, № 1).
- Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ Московской Синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ (Зап. Новор. Унив. т. XVI, 144—175).
- Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями (Тамъ же, т. XVI, прилож. стр. 1—17).
- Новый переводъ толкованій на церковныя правила (Правосл. Обзор. 1876 г. т. I, 730—746).
- Порфирій Леонтьевичъ Карасевичъ. Некрологъ. (Моск. Вѣдом. 1878 г., № 65).
- Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. СПБ. 1878, стр. IV + 210 (изъ XIX отчета Академіи о присужденіи наградъ гр. Уварова).
- Критическая статья о книгѣ Н. А. Заозерскаго „Церковный судъ“ (Критическое Обзор. 1879 г., № 4, стр. 1—10).
- Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права (Правосл. Обзор. 1879 г., т. III, 476—499; 734—765).
- Памятники древне-русскаго каноническаго права, ч. 1. (Русск. Истор. библ. т. VI). СПБ. 1880.
- Есть ли твердое каноническое основаніе для содержащагося въ 253-й статьѣ устава Духовныхъ Консисторій правила объ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лица, бракъ котораго расторгнуть по нарушенію имъ супружеской вѣрности? (Напечат. въ изданной по распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода книгѣ: „Мнѣнія и отзывы по вопросу

о правѣ лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ нарушенія ими супружеской вѣрности, на вступленіе въ другой бракъ“. Изд. 2-ое. СПб. 1893, стр. 87—120).

О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому митрополиту Георгію, — открытое письмо Е. Е. Голубинскому (Прав. Обзор. 1881, т. I, 344—353 и отдѣльно: М. 1881).

Вопросъ о ереси жидовствующихъ на VI археологическомъ съѣздѣ — отвѣтъ г. Иловайскому (Соврем. Извѣст. 1884 г. № 266).

Книги законныя, содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные (СПб. 1885; тоже въ Сборн. Отдѣленія русск. языка и словесности Императ. Акад. Наукъ, т. XXXVIII, № 3).

50-я глава Коричей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права (М. 1888; тоже въ 5 вып. Учен. Зап. Моск. Унив., отдѣлъ юридич. Ср. Христ. Чтен. 1882 г., т. I, 367—404; 1883 г., т. I, 358—416; 1885 г., т. II, 612—652; 1886 г., т. I, 111—132).

Могутъ-ли незаконнорожденные быть поставляемы на священно-служительскія степени? (Церков. Вѣдом. 1889, № 9).

Неизданный памятникъ церковнаго права XII в. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, X, 275—300 и отдѣльно: СПб. 1890 г.).

По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права. (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1891, т. I, 640—667).

Дополнительная историческая справка по вопросу о существованіи инквизиціи на Востокѣ (Моск. Вѣд. 1891 г. № 341).

Quosque tandem? Отвѣтъ Вл. С. Соловьеву (Тамъ же, 1892 г. № 8).

Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1891 г., т. II, 693—741; 1892 г., т. I, 192—249, 425—438, 527—572).

Продолжающіяся недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ и духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку. (Тамъ же, 1893 г., т. I, 354—408, 483—519).

Библиографическая замѣтка объ изданіи А. Дмитріевскаго: Евхологіонъ IV вѣка Серапіона, еп. Тмуитскаго. (Визант. Времен. 1894 г., т. I вып. 1, 207—213).

Русскія поминки по Цахарію фонъ-Лингенталь (Тамъ же, вып. 2, 464—468).

Кому принадлежатъ каноническіе отвѣты, авторомъ которыхъ считался Іоаннъ, еп. Кипрскій (Тамъ же, вып. 3—4, 493—502).

О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи (Русск. Обзор. 1894 г., V, 214—251).

По поводу полемики противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ (Тамъ же, XII, 602—625).

О каталогъ греческихъ рукописей Іерусалимской патріархіи (Древности, труды Импер. Моск. Археолог. Общ. 1894 г., т. XV, вып. 1, 69—79).

Неизданные памятники византійскаго права:

- 1) Синодальное постановленіе патріарха Сисинія о не вѣнчаніи второбрачныхъ (Визант. Времен. 1895 г., 7, 11, вып. 1—2, 152—159).
- 2) Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита Ираклійскаго (XI—XII в.), въ ихъ первоначальномъ видѣ и въ позднѣйшей переработкѣ Матвѣя Властаря (Тамъ же, стр. 160—176).
- 3) Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита Солунскаго (Тамъ же, т. II, вып. 3, 278—387).
- 4) Синодальный актъ Констант. патріарха Михаила Анхіала 1171 г. о приводѣ архіереевъ къ присягѣ на вѣрность императору Михаилу Комнину и его новорожденному сыну Алексѣю, съ формою самой присяги (Тамъ же, стр. 388—393).

- 5) Синодальное постановленіе Констант. патріарха Харитона (1177—1178 г.) о третьемъ бракѣ, редактированное Ѳеодоромъ Вальсамономъ (Тамъ же, вып. 4, 503—511).
 - 6) Подложная дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру въ полномъ греческомъ и славянскомъ переводѣ (Тамъ же, 1896 г., т. III, вып. 1, 18—82).
- Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церковныя правила. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1896, I, 172—199.
- Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, новое отъ начала до конца переработанное изданіе (Ученыя Зап. Моск. Унив., вып. 14 и отдѣльно: М. 1897 г., 520 стр.).

М. Красноженъ.

Описание рукописи славянского евангелія, найденной въ г. Юрьевѣ.

Весною 1898 года случайно была приобретена въ гор. Юрьевѣ (на рынкѣ, вмѣстѣ съ старыми нотами) церковно-славянская рукопись.

Рукопись эта въ малую осьмушку, въ настоящемъ своемъ видѣ въ $8\frac{1}{8}$ дюймовъ длины и $5\frac{1}{8}$ дюймовъ ширины. Листки разбиты. Прежде рукопись, очевидно, была въ переплетѣ, съ обрѣзомъ со всѣхъ трехъ сторонъ, при чемъ, какъ видно изъ многочисленныхъ подклеекъ по складкамъ въ корешкѣ рукописи, она была въ переплетѣ не одинъ, а, вѣроятно, много разъ. Объ этомъ же свидѣлствуетъ и обрѣзъ рукописи. На многихъ листахъ ея буквы и ихъ части (титла), проставленныя для обозначенія отдѣловъ рукописи по содержанию (евангелія отдѣльныхъ евангелистовъ) надъ текстомъ и подъ нимъ, во многихъ случаяхъ обрѣзаны, то меньше, то больше, иногда на половину всего знака.

Материалъ рукописи — прочная лощеная бумага. Нѣкоторыя части рукописи, именно справочный отдѣлъ ея, порядокъ евангельскихъ чтеній и мѣсяцесловъ сильно потерты, очевидно, отъ долговременнаго и частаго употребленія. Другія части рукописи: текстъ евангелія, оглавленія и предисловія къ евангеліямъ сохранились довольно хорошо и чисто. Лишь капли застывшаго воска весьма обильно разсыяны по всѣмъ листамъ ея. Текстъ вездѣ читается вполне свободно. Водяной знакъ въ бумагѣ — кисть руки, или вѣрнѣе перчатка, вездѣ

неизмѣнно приходящійся на изгибъ листовъ въ корешкѣ рукописи. Надъ среднимъ пальцемъ этой руки возвышается, идя непосредственно отъ среднего пальца, тонкій, водяной же, четырехконечный крестъ съ длиннымъ нижнимъ концомъ. Лишь на одномъ листѣ надъ кистью руки вмѣсто креста звѣзда, съ сіяніемъ въ 6 пучковъ лучей.

Текстъ рукописи писанъ черными, очевидно, весьма прочными не выцвѣтающими чернилами, оглавленія же отдѣловъ, первыя прописныя буквы и начала всѣхъ евангельскихъ чтеній, означеніе конца каждаго чтенія писаны киноварью. Сверхъ того, киноварью же писаны численныя означенія евангельскихъ зачалъ на поляхъ рукописи; ею же сдѣланы точки и разные значки въ текстѣ. Буква **ж** въ начальномъ словѣ евангелія отъ Матѳея разрисована различными красками и золотомъ. Наконецъ слова: отъ Матѳеа святое благовѣствованіе — писаны золотомъ, равно какъ и на полѣ противъ этихъ словъ — означеніе: глава **а**.

Кромѣ киноварныхъ украшеній самаго текста, въ рукописи есть немало и другихъ. Сюда относятся различныя заставки важнѣйшихъ отдѣловъ рукописи, а также разныя небольшія украшенія на поляхъ въ разныхъ мѣстахъ въ отдѣлѣ указателя евангельскихъ чтеній. Важнѣйшая изъ сохранившихся заставокъ находится передъ началомъ текста евангелія Матѳея, вверху страницы, поперекъ ея въ $3\frac{1}{4}$ дюйма длины и $1\frac{5}{8}$ д. ширины. На золотомъ полѣ, окаймленномъ узкою киноварною полосой, изображено зеленою краскою три соприкасающихся другъ съ другомъ окружности, расположенныя поперекъ рукописи на продолженіи одного и того же діаметра. Въ каждой окружности по золотому же полю изображено по дереву, нарисованному различными красками — свѣтло- и темнозеленою и красною. Изображенныя въ кругахъ деревья по своимъ очертаніямъ напоминаютъ больше всего крупнаго вида иву. Описываемая заставка окружена съ трехъ сторонъ — сверху и съ боковъ разными украшеніями.

Заставки къ другимъ отдѣламъ, числомъ 6, сдѣланы различными красками — зеленою, желтою, красною и представляютъ цвѣты съ распустившимися, готовыми расцвѣсть, бутонами.

Вся рукопись заключаетъ въ себѣ 90 листовъ одинаковой бумаги; при чемъ рукопись составлена изъ отдѣльныхъ тетрадъ, въ 8 листовъ каждая; въ каждой такой тетради по два упомянутыхъ выше водяныхъ знака — кисти руки (перчатки); писана на всемъ протяженіи несомнѣнно одною и тою же рукою, одинаково старательно и отчетливо. Можно впрочемъ замѣтить особенную тщательность письма въ началѣ евангелія отъ Маттея. Здѣсь буквы выведены старательнѣе, ровнѣе, чернила положены гуще. Вообще вездѣ писаны строки между двухъ линеекъ, которыя сдѣланы какимъ-то острымъ орудіемъ, но въ текстѣ совершенно незамѣтны. Лишь на недописанныхъ страницахъ и на одномъ совершенно бѣломъ, не заполненномъ текстомъ, листкѣ вполнѣ отчетливо видны линейки, предназначенныя для строкъ

Впрочемъ, не смотря на всю старательность письма, писецъ иногда дѣлалъ и ошибки: то въ видѣ излишне написанныхъ по два раза словъ, то въ видѣ пропусковъ цѣлыхъ фразъ, добавленныхъ на поляхъ и подъ текстомъ, то въ видѣ пропуска слоговъ въ словахъ.

Но такихъ ошибокъ очень немного въ рукописи, которую вообще нужно признать исполненною тщательно.

Каждая полная страница текста заключаетъ въ себѣ 20 строкъ.

Составъ рукописи по содержанію слѣдующій ¹⁾.

1) Краткое, въ одну страницу, разсужденіе о непреложности и боговдохновенности лишь 4-хъ евангелій, ни болѣе, ни менѣе, что доказывается ссылкой на слова псалмопѣвца, что явившійся людямъ есть сидящій на херувимахъ и дающій евангеліе людямъ. Херувимы же четыре лица имѣютъ. Каждое

¹⁾ Листки приведены мною въ порядокъ на основаніи содержанія текста.

изъ лицъ херувимовъ сравнивается съ символами евангелистовъ, т. е. со львомъ, тельцомъ, человѣкомъ и орломъ, при чемъ указывается, что означаетъ каждый изъ этихъ символовъ.

2) Далѣе слѣдуютъ 2 листка оглавленія евангелія Матѳея „еже отъ Матѳея святого евангелія главы“, съ указаніями на соотвѣтствующія по содержанію главы въ евангеліяхъ другихъ евангелистовъ.

Это — оглавленіе содержанія евангелія по порядку. Таковы: о влѣсвѣхъ, о избѣнныхъ отрочищехъ, пръвѣй Іоаннъ проповѣда царство небесное, начало ученія Спасителя, о блаженныхъ, о прокаженныхъ, о сотницѣ, о тещи Петровѣ и т. д. Порядокъ и число этихъ оглавленій, а въ большинствѣ случаевъ и самая редакція ихъ вполнѣ сходны съ таковыми же въ такъ называемомъ маріинскомъ четвероевангеліи, изданномъ академикомъ Ягичемъ по глаголической рукописи, относимой имъ къ XI вѣку¹⁾.

3) Далѣе слѣдуетъ въ нашей рукописи евангеліе отъ Матѳея, о заглавленное: „Отъ Матѳея святое благовѣствованіе“. Текстъ этого евангелія идетъ съ первой главы въ порядкѣ безъ перерыва до конца VIII главы (встрѣча Христа съ 2 бѣсоватыми, причемъ самаго окончанія разсказа недостаетъ; послѣднія сохранившіяся слова этого евангелія: „повели намъ“ — слова бѣсовъ, молившихъ Христа позволить имъ итти въ свиное стадо). Всѣхъ листовъ евангелія отъ Матѳея сохранилось 16.

4) Далѣе слѣдуетъ „предисловіе еже отъ Марка святого евангелія“, занимающее два листка.

Въ этомъ предисловіи указаны важнѣйшіе факты жизни евангелиста Марка, имѣющіе отношеніе къ его евангельской проповѣди, а именно, что онъ былъ ученикъ апост. Петра, былъ съ послѣднимъ въ Римѣ, гдѣ будто бы и написалъ евангеліе, спустя 10 лѣтъ послѣ вознесенія Христа, затѣмъ былъ посланъ въ качествѣ епископа въ Египетъ, гдѣ и основалъ александрійскую церковь.

1) Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883.

Современная богословская наука допускаетъ, что евангеліе отъ Марка могло быть написано въ Римѣ или въ Александріи, что до нѣкоторой степени подтверждается характеромъ самаго евангелія, непосредственно предназначеннаго, повидимому, для язычниковъ, такъ какъ въ немъ очень рѣдко дѣлаются ссылки на ветхій заветъ¹⁾.

Что касается времени написанія евангелія Марка, то таковымъ принимаютъ 1 половину I вѣка, Евсевій же указываетъ 43 годъ, нѣкоторые изъ новѣйшихъ богослововъ относятъ написаніе его къ 60 годамъ этого вѣка²⁾.

Въ нашемъ предисловіи говорится, что Маркъ по просьбѣ новообращенныхъ христіанъ написалъ свое евангеліе, о чемъ ап. Петру сдѣлалось извѣстнымъ черезъ откровеніе. Теперь принимаютъ нѣкоторые, что Маркъ могъ написать свое евангеліе со словъ ап. Петра³⁾.

Далѣе въ нашемъ предисловіи характеризуется евангеліе отъ Марка, — что оно изложено ясно, и затѣмъ объясняются еще разъ символы евангелистовъ — человекъ, орелъ, телець и левъ, въ примѣненіи къ характеру евангелій, при чемъ объясняется, что евангелисту Марку потому усвоенъ въ качествѣ символа орелъ, что онъ начинаетъ свое евангеліе разсказомъ о пророчествѣ Іоанна Предтечи, пророкъ же видитъ далеко впередъ — въ будущее, а орелъ отличается столь острымъ зрѣніемъ, что одинъ изъ всѣхъ животныхъ можетъ смотрѣть на солнце не мигая глазами.

5) Далѣе въ нашей рукописи слѣдуетъ на 2 листкахъ оглавленіе евангелія Марка „еже отъ Марка святого евангелія главы“. Это оглавленіе того же типа, какъ и къ Матѳею. Такъ: о бѣснующихся, о тещи Петровѣ, о исцѣлившихъ отъ различныхъ недуговъ, о прокаженемъ и т. д. Редакція этого оглавленія въ многомъ сходна съ редакціею упомянутаго маріинскаго четвероевангелія.

1) Проф. Лопухинъ. Энцикл. слова Брокг. и Ефрона, подъ словомъ: Евангеліе.

2) Ibid.

Далѣ слѣдуетъ чистый листокъ, на которомъ замѣтны слабые отпечатки несохранившейся заставки и заглавія евангелія отъ Марка. Заставка, какъ видно изъ этого отпечатка, была гораздо меньше и проще заставки къ Маттею. Она, повидимому, состояла изъ соединенія цвѣтовъ, изображенныхъ красками.

6) Далѣ въ нашей рукописи слѣдуетъ 42 листка евангелія ап. Марка. Начальный листокъ этого евангелія не сохранился въ нашей рукописи. Этотъ листокъ заключалъ въ себѣ первые 15 стиховъ I-й главы евангелія, или два зачала. Весь остальной текстъ евангелія отъ Марка сохранился въ нашей рукописи безъ всякихъ пропусковъ.

7) Далѣ слѣдуетъ въ нашей рукописи „предисловіе еже отъ Луки святого евангелія“. Въ немъ указываются немногіе извѣстные факты жизни евангелиста Луки, а именно, что онъ былъ по занятію врачъ, жилъ въ Антиохіи, принадлежалъ къ числу 70 апостоловъ и былъ ближайшимъ послѣдователемъ ап. Павла. Далѣ характеризуется его евангеліе и толкуется значеніе начала его. Въ нашемъ предисловіи опредѣленно указывается, что Лука написалъ свое евангеліе по „пятнадцати лѣтъхъ Христова вознесенія“. Современные изслѣдователи полагаютъ, что Лука могъ написать евангеліе въ 60-хъ годахъ I-го вѣка, во всякомъ случаѣ до 70 года, до разрушенія Іерусалима¹⁾.

8) Далѣ въ нашей рукописи слѣдуютъ „еже отъ Луки святого евангелія главы“ въ томъ же родѣ, какъ и прежде указанные. Это оглавленіе занимаетъ два листка. Самаго евангелія отъ Луки не сохранилось въ нашей рукописи.

9) Затѣмъ слѣдуетъ листокъ, на которомъ уцѣлѣли послѣднія слова евангелія отъ Іоанна.

10) Далѣ въ нашей рукописи слѣдуютъ три листка съ указаніемъ чинопослѣдованія евангельскихъ чтеній на литургіи на пасху, примѣнительно къ монастырской службѣ, и затѣмъ,

1) Проф. Лопухинъ. См. выше.

„сказаніе приѣмлюще всего лѣта число евангельское и евангелистомъ прѣятіе откуда начинаютъ и гдѣ стають“.

11) Дальше въ рукописи слѣдуютъ два листка, заключающіе краткій мѣсяцесловъ, начиная съ сентября на весь годъ, при чемъ однако мѣсяцы январь и апрѣль совсѣмъ опущены въ мѣсяцесловѣ. Мѣсяцесловъ содержитъ упоминаніе всего 37 именъ святыхъ и 1 знаменіе иконы Божіей матери Новгородской. Характерная особенность мѣсяцеслова — это почти исключительно святые русской церкви. Изъ всѣхъ 37 святыхъ лишь 2 восточные святые, а 35 русскіе. Періодъ времени, охватываемый этими именами русскихъ святыхъ и церковныхъ событій — съ 969 г., года смерти блаженной княгини Ольги, до 1479 года, времени перенесенія мощей митрополита Петра въ новоотстроенный Успенскій соборъ въ Москвѣ. На протяженіи этихъ пяти вѣковъ русская церковь причисляетъ къ лику святыхъ, сверхъ упоминаемыхъ въ нашемъ мѣсяцесловѣ, еще до 50 именъ. Нашъ мѣсяцесловъ мало имѣетъ именъ южно-русскихъ святыхъ, къ нимъ относятся лишь: княгиня Ольга, Антоній и Феодосій Печерскіе, Борисъ и Глѣбъ, князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Феодоръ. Остальные до 25 именъ (нѣкоторые упоминаются по 2 раза подъ разными числами) — сѣверно-русскіе святые. Сюда относятся въ особенности: московскіе митрополиты: Петръ, Алексѣй, Кипріанъ, Фотій и Іона, затѣмъ имена сѣверно-русскихъ знаменитыхъ настоятелей и основателей монастырей: какъ Варлаамъ Хутынский, Леонтій Ростовскій, Антоній Римлянинъ, Кириллъ Бѣлозерскій, Дмитрій Прилуцкій, Сергій Радонежскій. — Сверхъ того упоминаются имена святыхъ юродивыхъ: Андрей Юродивый и Николай Новгородскій, по прозванію Кочановъ или Кочанный. Вообще можно сказать, что составъ именъ нашего мѣсяцеслова нѣсколько случайный, но въ немъ можно замѣтить двѣ черты, а именно: отсутствіе именъ многочисленныхъ святыхъ киево-печерскихъ, съ одной стороны, и сравнительную многочисленность именъ святыхъ новгородскихъ и ближайшихъ областей, съ

другой. Такъ, къ новгородскимъ и смежныхъ областей относятся: князь Феодоръ Ярославльскій и дѣти его: Давидъ и Константинъ, Савва Вишерскій, Варлаамъ Хутынскій, знаменіе Божіей матери Новгородской 1170 г., при нашествіи Андрея Боголюбскаго, Дмитрій Прилуцкій (соб. Вологодскій). Антоній Римлянинъ, Евфимій (Новгородскій), Леонтій Ростовскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Николай Кочановъ Юродивый.

Затѣмъ сюда же можно отнести и имена извѣстныхъ московскихъ упомянутыхъ святителей, а также и трехъ литовскихъ мучениковъ, пострадавшихъ при Ольгердѣ: Антонія, Іоанна и Евстафія. Сюда же, быть можетъ, можно причислить и княгиню Ольгу, родомъ Псковитянку, какъ принимаютъ многіе. Такимъ образомъ нашъ мѣсяцесловъ носить характеръ вообще сѣверно-русскій.

Сравнивая нашъ мѣсяцесловъ съ нынѣ принятымъ въ православной церкви, находимъ нѣкоторыя особенности, а именно, нѣсколько случаевъ разногласія въ мѣсяцахъ и числахъ, подъ которыми значатся имена святыхъ въ нашемъ мѣсяцесловѣ и въ современномъ. Быть можетъ, это произошло оттого, что до канонизаціи святыхъ на соборахъ въ разныхъ мѣстахъ святые чтились въ разное время. Быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ въ мѣстной народной памяти сохранились дни кончины разныхъ святыхъ, своевременно не документированные и поставленные на соборахъ по разнымъ соображеніямъ подъ болѣе или менѣе произвольныя числа. Такъ, въ нашемъ мѣсяцесловѣ память Антонія Печерскаго показана 7 мая, а по современнымъ мѣсяцесловамъ 10 іюля; смерть м-та Іоны показана въ нашемъ мѣсяцесловѣ 30 марта, а въ современномъ 31-го, кончина литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія показана въ нашемъ мѣсяцесловѣ подъ 15 мая, а въ современномъ подъ 14 апрѣля. Последнее число было установлено м-томъ Алексѣемъ Кіевскимъ и всея Руси. Возможно, конечно, и другое предположеніе относительно причины этихъ несовпаденій въ числахъ. Быть можетъ, писецъ нашей рукописи писалъ мѣсяцесловъ не съ оригинала какого-нибудь,

а по памяти. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ до нѣкоторой степени, быть можетъ, объяснялась бы и сравнительная краткость мѣсяцеслова, и нѣсколько случайный составъ его. На послѣднее объясненіе наводитъ одно мѣсто мѣсяцеслова, а именно, конецъ мѣсяца мая: писецъ въ словѣ „Преставленіе“ не написалъ первой буквы, которая по выдерживаемому у него обычаю должна была быть написана киноварью. Это преставленіе не имѣетъ и на полѣ обозначенія числа мѣсяца и такимъ образомъ относится къ предыдущему числу (23), а на самомъ дѣлѣ писецъ долженъ былъ поставить 27-е число (по современному мѣсяцеслову). Можно полагать, что писецъ, забывъ это число, думалъ навести справку и послѣ этого написать и число и заглавную букву, но не сдѣлалъ этого.

12) За мѣсяцесловомъ въ нашей рукописи слѣдуетъ указатель евангельскихъ и апостольскихъ чтеній по недѣлямъ — всего 12 листовъ, но перваго листка этого указателя недостаетъ.

13) Оканчивается наша рукопись указателемъ канонѣвъ. Этотъ указатель сдѣланъ въ 6 столбцовъ, раздѣленныхъ нарисованными отъ руки колоннами. На каждой изъ 4-хъ страницъ четыре такихъ колонны, и между ними еще четыре одиночныхъ линіи.

Послѣднія слова на послѣдней страницѣ нашей рукописи: „Скончашася вси десять канонѣвъ общѣ и поразнь. Аминь“.

Изъ обзорѣнія состава нашей рукописи слѣдуетъ заключить, что въ настоящемъ своемъ видѣ она, очевидно, представляетъ приблизительно лишь четвертую часть первоначальнаго ея состава, и слѣдовательно, содержала первоначально до 360 листовъ. Утрачены вполне евангелія отъ Луки и Іоанна (изъ послѣдняго уцѣлѣло лишь два послѣднихъ стиха) евангеліе отъ Маттея, за исключеніемъ первыхъ 8 листовъ, и первые 15 стиховъ евангелія отъ Марка. Нужно признать, что первоначально наша рукопись заключала въ себѣ евангелія всѣхъ четырехъ евангелистовъ, съ предисловіемъ и оглавленіемъ къ каждому изъ нихъ, мѣсяцесловъ, порядокъ евангель-

скихъ и апостольскихъ чтеній по недѣлямъ на весь церковный кругъ, а равно и составъ каноновъ того же круга.

Перехожу къ отмѣткамъ при текстѣ. Подобно другимъ древнимъ рукописнымъ евангеліямъ, наша рукопись представляетъ различныя отмѣтки при текстѣ, на поляхъ, вверху и внизу страницы. По времени написанія этихъ приписокъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ несомнѣнно современны рукописи, писаны тою же рукою и чернилами, что и рукопись, — другія, болѣе мелкія, писаны иными, уже довольно выцвѣтшими чернилами и другимъ почеркомъ. Къ первой группѣ принадлежатъ: обозначенія вверху страницы двумя буквами, расположенными одна подъ другой, имени евангелиста, обозначенія зачатъ евангельскихъ чтеній, помѣщаемыя на поляхъ рукописи, начальные слова каждаго евангельскаго чтенія, помѣщаемыя внизу или вверху страницы, какъ это дѣлается и въ современныхъ богослужебныхъ евангеліяхъ, обозначенія конца каждаго евангельскаго чтенія (конецъ понедѣльнику, конецъ вторнику и т. д.), помѣщаемыя въ самомъ текстѣ. Всѣ перечисленныя обозначенія сдѣланы киноварью. Къ этому же отдѣлу отмѣтокъ, но сдѣланныхъ черными чернилами и несомнѣнно рукою писца всего текста, относятся отмѣтки на поляхъ буквенными числами главъ, соотвѣтственно оглавленіямъ къ каждому евангелію. Эти главы нисколько не соотвѣтствуютъ современному дѣленію евангелій на главы, которое въ нашей рукописи совершенно отсутствуетъ. По нашей рукописи такихъ главъ въ евангеліи отъ Матѳея 68, въ евангеліи отъ Марка 48, въ евангеліи отъ Луки 83; оглавленія къ евангелію отъ Іоанна въ нашей рукописи не сохранилось. Ко второй категоріи отмѣтокъ въ нашей рукописи относятся обозначенія, во-первыхъ, каноновъ, соотвѣтственно приложенному въ концѣ рукописи росписанію ихъ, во-вторыхъ, такъ называемыя Аммоніевы главы. Эти отмѣтки, какъ уже упомянуто, сдѣланы, повидимому другою рукою и иными чернилами. Онѣ гораздо мельче предыдущихъ. Изъ обозрѣнія указанныхъ отмѣтокъ при текстѣ нашей рукописи видно, что

она и въ этомъ отношеніи представляется довольно типичною старинною рукописью, сходною даже съ довольно древними рукописями, каково упомянутое маріинское четвероевангеліе.

Что касается постороннихъ приписокъ къ тексту, которыя нерѣдко встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ, то изъ таковыхъ въ сохранившихся частяхъ нашей рукописи находимъ лишь одну. Именно въ сохранившемся концѣ предисловія къ евангелію отъ Маттея находимъ вкладную записъ, которая гласитъ слѣдующее: „Сія книга евангеліе напрестольное савины пустыни куплена на тѣ денги, что далъ Колмова монастыря игуменъ Іона двадцать алтынъ по своихъ родителейъ во РѢГ годѣ, положена въ церковь на престолъ собора Іоанна предтечи“.

Записъ эта сдѣлана переходящимъ въ скоропись полууставомъ, довольно выцвѣтшими чернилами, почеркомъ довольно характернымъ для русскихъ писцовъ 16—17 вѣка, съ росчерками и выносками на верхъ строки отдѣльныхъ буквъ.

Упоминаемый въ этой записи Колмовъ монастырь, какъ извѣстно, находился вблизи Новгорода, въ 3 верстахъ отъ города, назывался Колмовъ Успенскій или Коломецкій Троицкій. Основанъ въ 1310 году, упраздненъ въ 1761 году. Нынѣ въ зданіяхъ монастыря помѣщается земская колонія душевнобольныхъ.

Что касается упоминаемой въ нашей записи Саввиной пустыни, то, по всей вѣроятности, здѣсь нужно видѣть обитель, основанную преподобнымъ Саввою, близъ Новгорода въ 7 верстахъ, на берегу рѣки Вишеры, лѣваго притока Волхова, въ 1418 году. Нынѣ этотъ монастырь заштатный.

Вышеприведенная записъ весьма типична для болѣе или менѣе древнихъ рукописныхъ славянскихъ евангелій. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаются подобныя записи. Такъ, въ четвероевангеліи синодальной типографіи въ Москвѣ XIV в. есть такая записъ: „лѣта 7151 (т. е. 1643), марта въ 2 день, сіе евангеліе напрестольное успенію святѣй Богородицы во фефилову пустыню положилъ на престолъ Фотѣй Даниловъ

сынъ Офонасевъ крестьянинъ блаженкова на память себѣ и родителей своихъ“. Или, напр., въ евангеліи апракосъ Синод. типогр. въ Москвѣ, нач. 14 вѣка, читаемъ запись: „Се азъ владыка Моисей далъ есмь евангеліе святому Георгію. А кто восхочетъ отнати отъ святого Георгія, буди проклятъ Богомъ и святымъ Георгіемъ, а который понъ или дяконъ четъ, а не застегаетъ всихъ застежекъ, буди проклятъ“.

Перехожу теперь къ характеристикѣ письма, языка и редакціи евангельскаго текста нашей рукописи.

Евангельскій текстъ нашей рукописи, какъ уже замѣчено, не раздѣляется на тѣ главы, которыя мы находимъ въ современныхъ евангельскихъ текстахъ. Онъ не раздѣляется и на такъ называемые стихи. Текстъ раздѣленъ лишь на зачала, начальныя буквы которыхъ, по одной въ каждомъ, пишутся киноварью. Въ предѣлахъ этихъ зачалъ находимъ двоякаго рода знаки препинанія: большія точки, которыя ставятся вверху строки, и малыя — внизу строки. Сверхъ того встрѣчаются запятые, поставленные, повидимому, другою рукою. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по выцвѣтшимъ черниламъ этихъ запятыхъ. Очень часто большими точками отдѣляются части текста, вполне соотвѣтствующія нынѣшнимъ такъ называемымъ стихамъ, но это совпаденіе случайно и объясняется предѣлами отдѣльных мыслей. А вообще эти точки гораздо многочисленнѣе, чѣмъ стихи современнаго текста. Такъ, въ первой главѣ евангелія отъ Маттея въ современномъ текстѣ 25 стиховъ, а въ нашей рукописи на томъ же пространствѣ большихъ точекъ 49. Малыми точками по большей части раздѣлены отдѣльныя фразы, напр.: „се влѣсви отъ востокъ придоша въ Іерусалимъ глаголюще. (малая точка) где есть рождѣйся царь іудейскъ. (малая точка) видѣхомъ бо звѣзду его на вѣстоцѣ.“ Запятые поставлены, повидимому, примѣнительно къ новому тексту. Надъ словами большею частію ставятся надстрочные знаки. Кромѣ того находимъ надъ словами ударенія, хотя далеко не на всѣхъ словахъ; при томъ эти ударенія поставлены большею частію совершенно произвольно: „напр. хѳдя, при мѳри, съ-

твѣрю, лѡвца. На нѣкоторыхъ словахъ поставлено по два ударенія: напр. оучаше. Вообще нельзя не замѣтить, что знаки удареній поставлены, очевидно, позднѣйшею и при томъ малограмотною рукою. Иногда эти знаки поставлены надъ согласными буквами. Это послѣднее, повидимому, обусловлено было для малограмотнаго читателя тѣмъ, что слова въ нашемъ текстѣ обыкновенно пишутся по нѣскольку сплошь, такъ что для такого читателя не ясно было, гдѣ оканчивается одно слово и начинается другое. Очень часто цѣлыя строки въ четыре—пять словъ пишутся сплошь безъ всякаго отдѣленія одного слова отъ другого. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве нельзя, кажется, не видѣть доказательства болѣе или менѣе значительной древности, если не самой нашей рукописи, то ся оригинала.

Не останавливаясь долго на палеографическихъ особенностяхъ письма нашей рукописи, замѣчу лишь, что нѣкоторыя буквы пишутся то по древнему способу, то по болѣе позднему. Такъ **у** пишется то двойное оу, то Ѹ; **и** всегда пишется, какъ и нынѣ, т. е. сначала мягкій знакъ, а не твердый, какъ въ древнѣйшее время. Буква **т** часто надписывается надъ строкою въ видѣ цифры 7 съ короткою чертою внизъ. Буква **в** пишется обыкновенно по древнему, но попадаетъ и скорописное в. Постоянно почти въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и нынѣ, употребляется **і** (десятеричное, съ двумя точками вверху), **ѣ** пишется обыкновенно въ строку, но голова его иногда выходитъ вверхъ строки, **о** пишется и простое и двойное (омега) одинаково часто.

Переходя къ характеристикѣ текста нашей рукописи съ грамматической стороны, необходимо указать, что есть несомнѣнные признаки, по которымъ нужно признать, что она писана съ среднеболгарскаго оригинала, но прошла черезъ руки русскаго писца. Среднеболгарская редакція характеризуется въ фонетикѣ (собственно въ письмѣ) полнымъ смѣшеніемъ такъ называемыхъ глухихъ (ѣ и ѡ) и носовыхъ (юсовъ). Это и наблюдается въ нашей рукописи, при чемъ въ отно-

шеніи глухихъ можно замѣтить значительное преобладаніе Ъ надъ Ѣ; такъ въ концѣ обыкновенно пишется Ъ: своимъ, (дат. мн.) възрѣвъ, снѣ (сынъ); въ 3 л. ед. и мн. ч. почти исключительно употребляется Ъ: сънѣсть, възглаголють, творать, шеть и т. д. Часто впрочемъ Ѣ или Ъ совсѣмъ опускаются: истебе (однослово), постатса, нанемже (одно слово безъ ѣ), видѣвши (безъ Ѣ) и т. д. Юсы въ нашей рукописи употребляются оба — и малый и большой, причемъ юсь малый употребляется только простой, нейотованный; большой же — какъ простой, такъ и йотованный, хотя послѣ днійгораздо рѣже. Значеніе юсовъ въ нашей рукописи чисто графическое. Писецъ употребляетъ ихъ вмѣсто простыхъ гласныхъ: а, у. Такъ, часто въ оконч. дат. п. един. числа онъ ставитъ юсь большой: ісоусѢ, сынѢ и т. д. Часто какъ будто по какому-то навыку, или, быть можетъ, механически списывая, онъ ставитъ юсы правильно грамматически: такъ, въ окончаніи 3 л. мн. аориста обычно пишетъ а, въ окончаніи 3 л. мн. ч. прошедшаго несовершеннаго пишетъ Ѣ: вънидоша, глаголаша, но также: възвѣстиша и проч. оужасахѢса въпрашаахѢ и т. д., но также часто и ѣ. мнахѣ и т. д.

Весьма послѣдовательно выдержана въ нашей рукописи постановка глухихъ Ѣ и Ъ послѣ плавныхъ съ предыдущею согласною, какъ это мы знаемъ въ древней церковнославянской фонетикѣ, такъ: дрѣжати, врѣхъ, наплѣнити, оскврѣнити, скрѣбити, млѣва, прѣтрѣпѣвый, мрѣзость и т. д. Но и въ этомъ отношеніи можно видѣть, что писецъ сбивался, повидимому, независимо отъ оригинала, на русское произношеніе. Онъ хотя изрѣдка, но ошибается въ постановкѣ глухихъ при плавныхъ, такъ: осквернити, милосердовавъ, но такихъ случаевъ весьма немного. Даже въ мѣсяцесловѣ, который, очевидно, писецъ не могъ списывать съ болгарскаго оригинала, встрѣчаемъ: прѣвааго.

Эта постановка глухихъ послѣ плавныхъ есть одна изъ примѣтъ болгарскаго извода рукописи.

Дальнѣйшею особенностью нашего текста въ области фо-

нетики является строго выдержанный твердый характеръ гортанныхъ и переходное смягченіе ихъ. Такъ: гибель, чловѣцскыи, на лѣхы, многы, пакы и т. д.

Съ другой стороны смягченіе гортанныхъ: дѣсѣ, ученици, мнози, рѣцѣ. Правило твердости гортанныхъ неизмѣнно соблюдается на протяженіи всей рукописи, не исключая и мѣсяцеслова, гдѣ находимъ: Олгы и т. д.

Кажущимся исключеніемъ изъ этого представляется лишь постановка на концѣ словъ **Ъ** послѣ гортанныхъ: напр.: архѣсвчного**Ъ**, бѣлилникъ и др., но это свидѣтельствуетъ лишь о безразличномъ употребленіи **Ѣ** и **Ъ**, о чемъ уже упомянуто. Встрѣчается еще, повидимому, отсутствіе смягченія гортанныхъ въ такихъ словахъ, какъ: легеонъ, но подобныя явленія въ иноязычныхъ словахъ свойственны уже были древнимъ церковно-славянскимъ текстамъ: напр. игемонъ, кесарево и т. д., что представляется прямою перепискою словъ съ греческаго оригинала славянскими буквами.

Указанное отличіе нашей рукописи въ употребленіи гортанныхъ также должно быть отнесено на счетъ болгарской редакціи оригинала рукописи, ибо вполнѣ русская редакція рукописей никогда не выдерживала такъ правильно и послѣдовательно твердости гортанныхъ, кромѣ развѣ Остромирова Евангелія. Но уже въ изборникѣ Святослава 1073 г. встрѣчаемъ соединеніе: **ки**, фини**ки**; въ рукописяхъ 12 и 13 в. нерѣдко. Такъ, въ Юрьевскомъ евангеліи 1120 г.: великии, въ Галицкомъ 1144 г.: въ небескѣмъ, въ лѣствицѣ 1260 г. аки и т. д., что указываетъ на колебаніе русскаго выговора гортанныхъ между твердымъ и мягкимъ. Весьма интересною фонетическою особенностью нашего текста является общая древнимъ рукописямъ болгарскимъ постановка **Д** предъ плавнымъ **р**: въздрадовашаса ждрѣба, что выдерживается въ нашей рукописи неизмѣнно. Въ области склоняемыхъ и спрягаемыхъ формъ текстъ нашей рукописи представляетъ нерѣдко нестяженные формы падежей и лицъ: ненавидѣнѣимъ, просѣнѣимъ, чловѣцскааго; но чаще стяженные формы: просѣнѣому, прока-

женаго, новаго, небеснымъ (птицамъ) и т. д. Именное склоненіе прилагательныхъ вполне сохраняется: въ страну галилейску, притчами многими, въ дусѣ нечистѣ раслабленами, жилами, въ ризѣ ветсѣ, гласомъ великомъ и т. д. Гораздо выдержаннѣе распространенныя формы сохраняются въ глагольныхъ окончаніяхъ: глаголааше, мышлаахѹ, вѣмѣтаахѹ, въирашааше, глаголаахѹ, хождааше, хотѣаше и т. д. Гораздо меньше случаевъ употребленія прошедшаго несовершеннаго стяженнаго: напр. можахѹ, лежаше, оучаше и т. д. Вообще при чтеніи нашей рукописи бросается въ глаза обиліе глагольныхъ формъ прошедшаго несовершеннаго съ двойнымъ а (аа).

Къ числу руссизмовъ въ склоняемыхъ формахъ нужно отнести род. п. сущ. 1-го склон. муж. р. на **ОВЪ**: грѣховѣ, чудотворцовѣ, хотя такіе случаи встрѣчаются какъ исключенія; обычная же форма — правильная церковнославянская: отъ предѣлъ тѣрьскѣ и сидоньскѣ.

Въ числѣ склоняемыхъ формъ заслуживаетъ упоминанія форма **чесо**, ничесо, **чесо-же**, чесому, постоянно употребляемая вм. позднѣйшихъ чего, чему.

Въ числѣ спрягаемыхъ формъ замѣчательно довольно послѣдовательно сохраняемое въ повелительномъ въ твердыхъ согласныхъ основахъ **ѣ**: блюдѣтеся, имѣте, идѣте, идѣта, рѣцѣта, сѣдѣте, встанѣте.

Перехожу къ особенностямъ редакціи текста грамматическо-стилистическимъ. Въ этомъ смыслѣ подъ редакціею разумѣются не звуковыя и формальныя особенности текста рукописей и разночтенія ихъ, а послѣдовательное, проходящее черезъ весь текстъ евангелія исправленіе или новый переводъ.

Въ опредѣленіи редакціи текста нашей рукописи я руководжусь изслѣдованіями профессора Московской Духовной Академіи Воскресенскаго. Профессоръ Воскресенскій, по его словамъ, въ теченіе 15 лѣтъ собиралъ матеріалы и изучалъ

славянскіе переводы евангельскаго текста. Имъ обследовано 112 славянскихъ рукописей евангелія¹⁾.

Ближайшее изученіе указаннаго обширнаго круга славянскихъ рукописей и сличеніе перевода ихъ съ греческимъ текстомъ привело профессора Воскресенскаго къ твердо обоснованному выводу, что всѣ списки церковнославянскаго евангелія по особенностямъ текста раздѣляются на четыре разряда или фамиліи, и соотвѣтственно съ этимъ должны быть признаны четыре редакціи евангельскаго текста въ славянскомъ переводѣ, а именно:

1) древнѣйшая югославянская, болѣе или менѣе первоначальная. Сюда относятся такіе списки евангелія, какъ: Галичское четвероевангеліе, 1144 г., Остромирово евангеліе, апракосъ 1056—57 г., Саввино евангеліе, апракосъ XI в., Архангельское евангеліе, апракосъ XII—XIII в., Ассеманіево глаголич. евангеліе, апракосъ XI в., Маріинское глаголич. четвероевангеліе, XI вѣка и т. д. до 40 рукописей.

2-я редакція — древняя русская, не позже конца XI в. или начала XII в. Сюда относятся такіе списки, какъ: Мстиславово евангеліе апракосъ, писано до 1117 года, Юрьевское евангеліе апракосъ, писано до 1128 г., Добриловское еванг. апракосъ 1164 г. и др. Рукописей этой редакціи извѣстно болѣе 50.

3-я редакція — русская XIV в. Къ этой редакціи относятся: а) усвояемая, по преданію, святителю Алексію и содержащая весь новый завѣтъ рукопись Московскаго Чудова монастыря, писанная въ 1355 году, б) четвероевангеліе, хра-

1) Результаты своихъ изслѣдованій проф. Воскресенскій не разъ обнародовалъ. Такъ въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1886 г. напечатано: Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода евангелія по рукописямъ XI—XV вв. Также въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Отцовъ Церкви, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, въ „Странникѣ“, въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ и въ Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ.

нящееся въ ризницѣ Троице-Серг. Лавры, XIV в., и в) четвероевангеліе изъ собр. гр. Толстого XIV в.

4-я редакція, наконецъ, русско-болгарская, содержащаяся въ четвероевангеліи 1383 г., писанномъ въ Константинополѣ, въ Никоновскомъ академическомъ XIV—XV в., въ полномъ списокѣ библіи 1499 г. и во множествѣ бумажныхъ рукописей XV—XVI вѣковъ.

Сличеніе нашего текста съ напечатанными въ трудѣ проф. Воскресенскаго: „Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій съ разночтеніями изъ 108 рукописей“, принятыми имъ за основные четыремя списками показываетъ, что наша рукопись относится къ четвертой редакціи, при чемъ текстъ ея ближе всего подходитъ къ тексту евангелія въ библіи 1499 г.

Сравнительно съ этимъ послѣднимъ текстомъ нашъ представляетъ весьма мало вариантовъ. Такъ, вм. сласть въ нашей рук. сладость, вм. куроглашеніе въ наш. рук. патлоглашеніе.

Другіе варианты нашей рукописи состоятъ въ случайныхъ, очень немногочисленныхъ, повидимому, ошибочныхъ пропускахъ союза **и**, глагола **рече**, въ повтореніи два раза одного и того же слова или въ пропускѣ словъ и фразъ. Но послѣдняго рода ошибокъ въ нашемъ текстѣ не болѣе 2—3. Такъ, въ 15 главѣ, въ стихѣ 22 вторая часть опущена (еже есть сказаемо краніево мѣсто), но въ стихѣ 45 той же главы въ текстѣ Константинопольскаго евангелія, 1383 г., стоитъ слово лишнее, котораго въ нашемъ нѣтъ: а именно: „и увѣдѣвъ отъ сотника кентиривана“, слова „сотника“ и „кентиривана“, очевидно, означаютъ одно и то же, и одно изъ нихъ вставлено для поясненія другаго. Въ другихъ спискахъ только по одному слову: въ Галичскомъ — „отъ кентуріона“, Мстиславовомъ — „отъ сотника“, въ чудовской „кентуріона“, въ нашей рукописи: „сотника“.

Такимъ образомъ со стороны вариантовъ текстъ нашей рукописи не представляетъ ничего особенно интереснаго среди рукописей четвертой редакціи. Но за то грамматическія осо-

бенности нашего текста несравненно послѣдовательнѣе и выдержаннѣе, нежели принятый за основной въ трудѣ г. Воскресенскаго текстъ 4-й редакціи — Константинопольское евангеліе 1383 г. Такъ въ сочетаніяхъ гортанныхъ наша рукопись, какъ мы видѣли, строго выдерживаетъ твердость этихъ согласныхъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ — въ мѣсяцесловѣ, предисловіяхъ и оглавленіяхъ. Между тѣмъ въ Константинопольскомъ спискѣ встрѣчаемъ: расхитити, расхитить. Формы склоненія мѣстоименія **что**, формы мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ и спряженіе прошедшаго несовершеннаго настолько выдержаны въ нашемъ текстѣ, что онъ съ этой стороны больше подходитъ къ текстамъ первыхъ двухъ редакцій. Въ особенности полныя формы склоненія прилагательныхъ и прошедшее несовершенное съ **аа**, или **ѣа** сближаютъ нашъ текстъ съ Мстиславовымъ евангеліемъ XII в., положеннымъ профессоромъ Воскресенскимъ въ основу 2-й его редакціи, т. е. названной имъ древней русской редакціей.

Мы выше видѣли, что текстъ нашъ со стороны правописанія и нѣкоторыхъ явленій вокализма долженъ быть отнесенъ къ числу болгарско-русскихъ, т. е. писанъ русскимъ писцомъ съ болгарскаго оригинала. Теперь мы находимъ, что по нѣкоторымъ склоняемымъ и спрягаемымъ формамъ нашъ текстъ довольно близко подходитъ къ тексту рукописей древней русской редакціи. Это видимое противорѣчіе можетъ быть устранено тѣмъ, что древнія формы мѣстоименнаго склоненія и прошедшаго несовершеннаго были одинаково свойственны какъ древне-русскому, такъ и средне-болгарскому языку XII—XIII вв. Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить тотъ фактъ, что звуковыя и формальныя особенности нашего текста не противорѣчатъ извѣстнымъ намъ особенностямъ древне-русскаго и болгарскаго языка XII—XIII в. Перехожу къ вопросу о времени и мѣстѣ написанія нашей рукописи.

Въ сохранившейся части ея нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, когда она написана. Есть, какъ мы видѣли, вкладная

запись, гдѣ встрѣчаемъ выраженіе: во стовосемьдесятъ третьемъ годѣ т. е. съ опущеніемъ тысячъ, а именно 7-ми (отъ сотворенія міра). Принимая обычный счетъ отъ сотворенія міра до Р. Х. въ 5508 лѣтъ, получаемъ 1675-й годъ вклада нашей рукописи. Съ другой стороны, въ мѣсяцесловѣ мы встрѣчаемъ имена святыхъ и перенесеніе ихъ мощей XV в. Самымъ позднимъ изъ упоминаемыхъ въ нашемъ мѣсяцесловѣ священныхъ событій является „перенесеніе мощей Петра новаго чудотворца, митрополи Кіевской и всея руси (въ Новый Успенск. Соборъ).“ Это событіе произошло, какъ видно, изъ слова Пахомія, помѣщенного въ большихъ (Макарьевыхъ) четыхъ минеяхъ подъ 24 августа, при Іоаннѣ III и митрополитѣ Геронтіи, въ 1479 году. Къ послѣдней же четверти 15-го столѣтія относится и послѣдній періодъ дѣятельности одного изъ лицъ, упоминаемыхъ въ нашемъ мѣсяцесловѣ. Это извѣстный составитель житій Пахомій, прозваніемъ логоееть. Обстоятельство, по поводу котораго имя Пахомія упомянуто въ нашемъ мѣсяцесловѣ, относится къ 70-мъ годамъ 15-го столѣтія. Именно, въ нашемъ мѣсяцесловѣ подъ 11 марта значится: „преставленіе иже во святыхъ отца нашего Евѡиміа великаго новаграда новаго чудотворца твореніе пахоміа сербина, иже отъ святыхъ горы“. Извѣстно, что въ 1470 году Пахомій былъ вызванъ архіепископомъ Новгородскимъ Іоною изъ Москвы въ Новгородъ для составленія житій мѣстнотимыхъ святыхъ. Въ числѣ другихъ онъ составилъ житіе архіепископа Новгородскаго Евѡимія.

Другихъ его житій нашъ писецъ, повидимому, не знаетъ, такъ какъ при именахъ другихъ святыхъ, житія которыхъ написалъ Пахомій раньше новгородскихъ, какъ Сергія Радонежскаго и др., не упоминаетъ о Пахоміи.

Такимъ образомъ предѣлами времени написанія нашей рукописи являются: конецъ 15 вѣка — и 1675 г.

Что касается послѣдняго года, — года вкладной записи, то онъ могъ быть очень далекъ отъ года написанія рукописи. Годъ вклада означаетъ, какъ и говорится въ нашей записи,

лишь годъ покупки рукописи, которая могла быть до того задолго написана. Такъ вышеупомянутый списокъ четверо-евангелія Синодальной типографіи въ Москвѣ, относящійся несомнѣнно къ XIV' вѣку, русской редакціи, имѣетъ вкладную запись (приведенную мною уже выше) 1643 года, т. е. приблизительно черезъ два вѣка по написаніи рукописи она принесена въ даръ „во фефилову пустынь успенію святѣй Богородицы“, какъ напрестольное евангеліе, „на память“ о вкладчикѣ и родителяхъ его.

На основаніи особенностей письма (отсутствіе раздѣленія текста на стихи и правильной пунктуациі) я считаю наиболѣе вѣроятнымъ временемъ написанія нашей рукописи конецъ 15-го или начало 16 вѣка.

Подспорьемъ при опредѣленіи возраста рукописи могутъ служить водяные знаки бумаги. Въ извѣстномъ изслѣдованіи г. Лихачева „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ (Спб. 1891)“ показанъ одинъ знакъ вполне тождественный съ однимъ изъ двухъ встрѣчающихся въ нашей рукописи: перчатка со звѣздой, и отнесенъ авторомъ этотъ знакъ къ 1478—79 годамъ. Другого нашего знака — перчатки съ крестомъ надъ среднимъ пальцемъ въ таблицѣ г. Лихачева нѣтъ. Очевидно, по нашей рукописи, что и этотъ знакъ принадлежитъ тому же времени.

Перехожу къ вопросу о мѣстѣ, гдѣ могла быть написана наша рукопись.

Прямыхъ указаній для рѣшенія этого вопроса въ остаткахъ нашей рукописи также не имѣется. Косвенныя данныя — это имя вкладчика и названіе монастыря, въ который данъ былъ вкладъ, а затѣмъ характеръ нашего мѣсяцеслова.

Имя вкладчика, какъ мы видѣли, Іона, игуменъ Колмова монастыря, указываемый Строевымъ (Списки русскихъ іерарховъ), какъ строитель подъ 1688 годомъ, т. е. уже послѣ того, какъ упоминается въ нашей записи. Что касается упоминаемой въ записи Саввиной пустыни, то, по всей вѣроят-

ности, здѣсь нужно видѣть монастырь, основанный Саввою, на р. Вишерѣ, Новгородской же губерніи.

Такимъ образомъ наше евангеліе, какъ показываетъ записъ, служило для потребностей церковной службы новгородскихъ монастырей.

Характеръ мѣсяцеслова нашей рукописи, какъ мы видѣли выше, служить доказательствомъ сѣвернаго ея происхожденія, скорѣе всего новгородскаго. Здѣсь кстати припомнить дѣятельность архіепископа новгородскаго Геннадія по собиранію книгъ священнаго писанія съ цѣлью составленія полной библіи, каковой, какъ извѣстно, до того времени не имѣли ни русскіе, ни южные славяне. Библія Геннадія, 1499 г., составлена изъ списковъ разнообразнаго и по мѣсту и по времени происхожденія. Наша рукопись весьма близко подходитъ по редакціи къ тексту библіи Геннадія, отличаясь лишь болѣе выдержаннымъ среднеболгарскимъ правописаніемъ, котораго Геннадіевы переписчики и справщики не держались

Не лишено значенія въ настоящемъ нашемъ вопросѣ и то извѣстное обстоятельство, что архіепископъ Геннадій, какъ ставленникъ Московскаго правительства и ревностный приверженецъ его, всѣми мѣрами старался распространять въ Новгородской области почитаніе московскихъ святыхъ, имена которыхъ наряду съ новгородскими такъ часты въ нашемъ мѣсяцесловѣ.

Итакъ наша рукопись могла быть списана какимъ-нибудь русскимъ писцомъ въ Новгородѣ, быть можетъ, съ одной изъ многихъ собранныхъ Геннадіемъ рукописей и приблизительно въ Геннадіево время, вѣроятно, лицомъ духовнымъ, писавшимъ мѣсяцесловъ, быть можетъ, по памяти, такъ какъ, очевидно, въ оригиналѣ болгарской рукописи писецъ не могъ встрѣтить мѣсяцеслова съ исключительно почти русскими святыми.

Итакъ, если вѣроятно, что наша рукопись написана въ Новгородѣ или, быть можетъ, въ одномъ изъ окрестныхъ монастырей, которыхъ тамъ было не мало, въ Геннадіево время, слѣдовательно въ послѣдніе 15 лѣтъ 15 столѣтія или

въ первые годы 16-го (Геннадій былъ архіепископомъ въ Новгородѣ отъ 1484 до 1504 г.), то этимъ опредѣляется и относительное значеніе нашего списка. Онъ, можно полагать, представляетъ копію одного изъ многихъ списковъ, собранныхъ Геннадіемъ для составленія полной библии. Текстъ этой послѣдней положенъ въ основаніе и послѣдующихъ изданій полной славянской библии — Острожской, 1581 г., Московской, 1663 г. и Елизаветинской, 1751 г., а слѣдовательно и нашей современной.

Новгородъ уже съ одиннадцатаго вѣка является преимущественнымъ мѣстомъ переписыванія евангелій. Такъ, здѣсь написаны: Остромирово (1056—57 г.), Мстиславова (до 1117 года), Юрьевское (до 1128 г.), Симеоново (иначе Добрилово) (въ 1164 г.) Извѣстны также новгородскіе списки и книгъ ветхозавѣтныхъ. Наша рукопись такимъ образомъ пополняла бы этотъ рядъ новгородскихъ рукописей.

Сохранена рукопись наша, вѣроятно же всего, въ рукахъ мѣстныхъ приверженцевъ древняго благочестія, такъ дорожащихъ старопечатными до-никоновскими книгами и рукописями. Быть можетъ, у тѣхъ же собирателей древнеотеческихъ до-никоніанскихъ рукописей хранятся какіе-нибудь и не случайные для нашего Юрьева, а исконные памятники его восьми съ половиною вѣковой православной старины, начавшей въ немъ свою исторію задолго до появленія здѣсь латинства, и тѣмъ болѣе протестантства, и возвысившейся во II половинѣ 16 вѣка до учрежденія въ немъ епископской каѳедры, къ сожалѣнію, насчитывающей всего лишь двухъ представителей, Корнилія и Савву, епископовъ Юрьевскихъ и Виланскихъ (Феллинскихъ) (въ семидесятихъ годахъ шестнадцатаго столѣтія ¹⁾).

Н. Ивановъ.

1) Строевъ. Списки русскихъ іерарховъ. Стр. 1049—1050.

Н. М. Языковъ въ Дерптѣ.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 29 апрѣля 1899 года.

Старый Дерптъ играетъ нѣкоторую роль не только въ исторіи русской науки, благодаря своему университету и профессорскому институту, но и въ исторіи русской литературы. Еще въ допетровскій періодъ русской исторіи мы встрѣчаемъ въ Дерптѣ русскихъ писателей, попавшихъ туда или проездомъ, какъ, на примѣръ, суздальскій іеромонахъ Симеонъ, спутникъ митрополита Исидора, или вслѣдствіе войнъ за Ливонію, какъ это было, на примѣръ, въ XVI в. съ княземъ Курбскимъ, который былъ намѣстникомъ Юрьева наканунѣ своего бѣгства въ Литву, а въ XVII в. съ подьячимъ посольскаго приказа Котошихинымъ, съ которымъ въ Юрьевѣ случилось непріятное происшествіе: за пропускъ въ царскомъ титулѣ слова „государь“ авторъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ былъ наказанъ батогами.

Послѣ присоединенія къ Россіи Дерптъ сдѣлался промежуточной станціей на сухопутномъ пути изъ Петербурга за границу. Въ числѣ многочисленныхъ путешественниковъ проезжали черезъ Дерптъ и русскіе писатели. Благодаря этому обстоятельству старый Дерптъ попалъ на страницы „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина. Въ XIX в., не считая русскихъ ученыхъ, бывшихъ студентами или профессорами Дерптскаго университета, можно насчитать цѣлыя

десятки болѣе или менѣе извѣстныхъ представителей русской изящной словесности, бывшихъ въ Дерптѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Одни изъ этихъ писателей были профессорами русской словесности, какъ Воейковъ, авторъ „Сумасшедшаго дома“; другіе студентами, какъ, напримѣръ, Языковъ, Даль, графъ Соллогубъ, Боборыкинъ и другіе; третьи прїѣзжали туда въ гости или останавливались проѣздомъ, какъ Баратынскій, Дмитріевъ, Фетъ; четвертыхъ привозили въ Дерптъ для лѣченія, какъ Батюшкова; пятые являлись туда для собиранія матеріаловъ для своихъ произведеній, какъ Лажечниковъ, и т. д. Особенно важное значеніе имѣетъ Дерптъ въ біографіяхъ Жуковского и Языкова. Относительно Жуковского достаточно сказать, что въ Дерптѣ разыгрался послѣдній актъ его сердечной драмы: туда вышла замужъ за профессора Мойера и тамъ умерла племянница В. А., Марья Андреевна Протасова. Не менѣе, если не болѣе, важную роль сыгралъ Дерптъ и въ жизни Языкова.

Сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, Н. М. Языковъ, явился въ Дерптъ въ концѣ 1822 года послѣ несовсѣмъ удачнаго пребыванія въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ не ладилъ съ „музой математики“. Прїѣхалъ Языковъ въ Дерптъ для продолженія своего образованія отчасти по рекомендаціи Воейкова, отчасти вслѣдствіе тяготѣнія къ „академической свободѣ“ „Ливонскихъ Аѳинъ“.

Нужно замѣтить, что въ противоположность русскимъ университетамъ, обезличеннымъ обскурантами въ родѣ Магницкаго и Рунича, Дерптскій университетъ въ то время начиналъ цвѣтущій періодъ своего существованія и славился замѣчательными учеными, каковы, напримѣръ, братья Эверсы, историкъ и теологъ, хирургъ Мойеръ — учитель Пирогова, ботаникъ Ледебуръ, астрономъ Струве, юристъ Клоссіусъ, фізіологъ Эрдманъ и др. Наука въ то время въ Дерптскомъ университетѣ была на первомъ планѣ. Политическіе вопросы германизаціи и руссификаціи еще не были рѣзко выдвинуты

жизнью, вслѣдствіе этого и національная вражда русскихъ и нѣмцевъ не давала себя чувствовать такъ сильно, какъ впоследствии. Профессора тогдашняго университета не только не относились къ Россіи съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое впоследствии позволило профессору русской исторіи Ширрену назвать наше отечество страной безъ исторіи и безъ будущности, — но, напротивъ, посвятили не мало труда и силъ изученію русскихъ древностей. „Хвала вашимъ дерптскимъ ученымъ, — писалъ митрополитъ Евгеній Перевощикову въ 1825 г., — что иные изъ нихъ толкуютъ намъ о черниговской гривнѣ, иные о древнемъ русскомъ правѣ, иные о казанскихъ пустошахъ, а иные готовятся еще искать ихъ на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ“. ¹⁾ Нужно принять во вниманіе, что изслѣдованія такого рода представляли для ученыхъ нѣмцевъ громадныя затрудненія вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка, но и эту трудность дерптскіе профессора того времени старались преодолѣть по мѣрѣ силъ и возможности. Даже фیزیологъ Эрдманъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, „хорошо выучился нашему русскому языку“, а относительно профессора Неймана существуетъ указаніе, что онъ „въ самое короткое время прекрасно изучилъ русскій языкъ“ и объяснялъ на немъ „Русскую Правду“. ²⁾

Старый Дерптскій университетъ со своими замѣчательными учеными могъ оказать только самое благотворное вліяніе на даровитаго юношу, явившагося на берега Эмбаха для окончанія своего образованія. Къ сожалѣнію, студенческая среда стараго Дерпта вовсе не представляла условій, благопріятныхъ для мирнаго занятія науками. Заимствовавши у нѣмецкихъ университетовъ корпоративное устройство, дерптскіе студенты остались почти незатронутыми тѣмъ движеніемъ, которое охватило нѣмецкое юношество во время реакціи, вызванной священнымъ союзомъ. Въ политическомъ отношеніи

1) „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. XII, с. 444.

2) „Русскій Архивъ“ за 1867 г., с. 726.

дерптскіе студенты были самый спокойный народъ, и въ послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ ставилъ ихъ примѣромъ для русскаго юношества, восхищаясь тѣмъ, что нѣмецкая молодежь „даже не заглядываетъ въ газеты“. Но уклонившись отъ политическаго движенія своей эпохи, дерптскіе студенты, къ сожалѣнію, не прилѣпились въ надлежащей мѣрѣ къ наукѣ и далеко не отличались примѣрнымъ поведеніемъ въ частной жизни.

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ старомъ Дерптѣ существовали четыре корпораціи изъ уроженцевъ Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи и Риги, выработавшія общій студенческій уставъ, который опредѣлялъ всѣ отношенія между отдѣльными студентами и установилъ основныя правила приличія и чести. По мнѣнію такого авторитета въ вопросахъ университетскаго воспитанія, какъ знаменитый Пироговъ, прожившій въ Юрьевѣ около десяти лѣтъ, студенческія корпораціи съ ихъ судомъ чести и даже дуэлями приносили нѣкоторую пользу. „Ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, — говоритъ знаменитый хирургъ и педагогъ, — взаимныя отношенія между студентами не достигли такого благочинія, такой вѣжливости, какъ между студентами въ Дерптѣ. О дракахъ, заушеніяхъ, площадной брани и ругательствахъ между ними не можетъ быть и рѣчи“. ¹⁾ Но судъ чести и дуэли дѣйствовали облагораживающимъ образомъ только на взаимныя отношенія студентовъ; что же касается мирныхъ бюргеровъ, то, по свидѣтельству того же Пирогова, студенты, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ городѣ, положительно иногда „терроризировали общество“ разными выходками и продѣлками, наполняющими „лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ“. ²⁾ Если къ этимъ „шалостямъ“ прибавить студенческіе „кнейпы“ и „коммерши“, гдѣ вино и пиво лились рѣкою, то мы получимъ надлежащее

1) Сочиненія Пирогова, I, 347.

2) См. эту „лѣтопись“ въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., № 2.

знакомство съ неблагопріятнымъ вліяніемъ нѣмецкаго юношества на представителей того народа, для котораго искони было „веселіе пити“.

Для нѣмецкихъ студентовъ разгульная жизнь не приносила особенно замѣтнаго вреда: они, по словамъ Пирогова, „кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“. Къ русскимъ же юношамъ, заброшеннымъ въ Дерптъ, приходилось примѣнять извѣстную русскую пословицу наоборотъ: „что нѣмцу здорово, то русскому смерть“. „За исключеніемъ, — говоритъ Пироговъ, — насъ (питомцевъ профессорскаго института), присланныхъ въ Дерптъ уже по окончаніи курса въ русскихъ университетахъ, и двухъ или трехъ другихъ русскихъ, всѣмъ прочимъ пребываніе въ Дерптѣ не пошло въ прокъ. Карамзины и Соллогубъ¹⁾ едва-ли вынесли что-нибудь изъ дерптской научной жизни, кромѣ знакомства съ разными студенческими обычаями; другіе, какъ, напримѣръ, Языковъ, воспитанники изъ учреждений императрицы Маріи и пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга полу-русскіе и полу-нѣмцы, просто спивались съ кругу и уѣзжали черезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ“.²⁾

Пріѣхавши въ Дерптъ, Языковъ, по совѣту того же Воейкова, съ цѣлью надлежащаго усвоенія нѣмецкаго языка, этого, по его выраженію, „истиннаго алмазнаго ключа къ всему прекрасному и высокому“, поселился въ домѣ дерптскаго литератора и лектора русскаго языка, фонъ-деръ-Борга, который между прочимъ переводилъ на нѣмецкій языкъ произведенія нашихъ поэтовъ. Кромѣ фонъ-деръ-Борга, Язы-

1) Сыновья исторіографа и авторъ „Тарантаса“.

2) Соч. Пирогова, I, 346.

ковъ сблизился и съ профессоромъ русской словесности Перовошиковымъ, подъ вліяніемъ котораго совершилось эстетическое развитіе молодого поэта. Въ Дерптѣ Языковъ познакомился съ классическою нѣмецкою литературой, прочелъ Лессинга, Шиллера и Гете и съ высоты ихъ твореній строго судилъ о молодой русской поэзіи и ея представителяхъ, не исключая и Пушкина. „Какъ мало наше великое, ничтожно — значительное и низко — возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера“, писалъ онъ брату въ концѣ 1825 года. Предисловіе къ „Бахчисарайскому фонтану“ Языковъ находилъ „глупымъ“, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ ему не нравились „отсутствіе вдохновенія“ и „риемованная проза“. ¹⁾

Но серьезныя занятія нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой не спасли Языкова отъ дурного вліянія дерптской студенческой атмосферы. Хотя онъ не былъ членомъ ни одной корпораціи и все время числился въ разрядѣ такъ называемыхъ „дикихъ“, однако-жъ разгульная жизнь нѣмецкой молодежи увлекла его широкую русскую натуру, и молодой поэтъ сдѣлался не только участникомъ, но и пѣвцомъ студенческихъ кутежей.

Правда, сначала Языковъ отнесся къ дерптскому студенчеству отрицательно и думалъ даже уѣхать изъ Дерпта за границу. „Вотъ мой планъ: — писалъ онъ брату — когда укрѣплюсь въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то рѣшительно оставлю Дерптъ — и поѣдемъ въ чужеземію: здѣсь студенты живутъ очень весело, занимаются больше танцами и фантами, и часто звонъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи“. ²⁾

1) Впослѣдствіи Языковъ измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина.

2) Переписка Языкова до сихъ поръ не опубликована вполне. Письма къ А. Н. Вульфъ частью приведены въ статьяхъ покойнаго Семевского: „Прогулка въ Тригорское“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г.) и „Н. М. Языковъ“ („Русскій Архивъ“ 1867 г.). Письма Языкова къ роднымъ были собраны покойнымъ Садовниковымъ, который собирался приступить къ изданію переписки поэта. Выдержки изъ этихъ писемъ приведены въ статьѣ Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ“

Но скоро отношеніе Языкова къ веселой жизни дерптской молодежи измѣнилось кореннымъ образомъ. Уже въ 1823 г. поэту надобно жить въ чинномъ нѣмецкомъ семействѣ Борга, хотя тамъ относились къ нему, какъ къ родному, — и Языковъ переселился на отдѣльную квартиру. Изъ стихотворенія „Мое уединеніе“ мы узнаемъ, что Языковъ, сынъ богатаго помѣщика, занималъ квартиру, ничѣмъ существеннымъ не отличающуюся отъ тогдашнихъ и современныхъ студенческихъ жилищъ. Убѣжищемъ своей музы онъ выбралъ „простую хату въ пустынномъ чердакѣ“, куда вела темная, крутая и „завитая улиткой“ лѣстница безъ перилъ. Внутреннее убранство квартиры Языкова также отличалось студенческой простотой.

Умѣренность благая —
говорить онъ въ томъ же стихотвореніи —

Пріютъ мой убрала
Здѣсь роскошь выписная
Пріема не нашла,
Завѣсою богатой
Не занавѣшенъ свѣтъ;
Полъ шаткій и покатою
Коврами не одѣтъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркалъ, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый фебовъ сынъ.

Прозанческое описаніе квартиры Языкова вполне согласуется съ художественнымъ. „Комната моя очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ. . . а лѣстница совсѣмъ

(„Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь), въ статьѣ В. И. Шенрока: „Гоголь и Языковъ“ („Русская Старина“ 1889 г., январь, и „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III) и въ біографическомъ очеркѣ В. И. Шенрока: „Н. М. Языковъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь и декабрь). Цѣликомъ напечатаны только письма Языкова къ Гоголю („Русская Старина“ 1896 г., декабрь).

пѣтическая : узка и крючковата, какъ дорога къ Парнаксу. . . заглядѣться некуда : окно на дворъ, заставленный дровами ; загуляться по комнатѣ тоже невозможно, ибо надобно было бы поворачиваться послѣ каждаго двухъ шаговъ“.

На отдѣльной квартирѣ Языкова стали посѣщать товарищи сначала для совмѣстныхъ занятій, а потомъ и для жертвоприношеній Бахусу. Скоро Языковъ настолько втянулся въ новый родъ жизни, что веселое и разгульное времяпровожденіе учащейся молодежи сначала перестало его шокировать, а скоро потомъ привело его къ идеализаціи деритскаго студента, для котораго вино не составляло существенной помѣхи къ образованію.

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту :
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта ;
Но день прошелъ — и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта.

Языковъ считалъ такое времяпровожденіе достойнымъ подражанія и одному изъ своихъ друзей писалъ :

Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ ;
Мы разсуждаемъ ежедневно
Объ идеальномъ и благомъ.

Какъ и гдѣ разсуждала молодежь „объ идеальномъ и благомъ“, Языковъ почти не говоритъ ; что же касается „поэтическаго цѣянства“, то оно описано самымъ подробнымъ образомъ.

Пѣсни были неизбѣжною принадлежностью студенческихъ пирушекъ, и если въ дѣлѣ служенія Бахусу Языковъ только подражалъ товарищамъ, то, какъ поэтъ, онъ занялъ первое мѣсто среди своихъ собутыльниковъ. Его пѣсни расцѣвлялись русскими и нѣмецкими студентами во время ихъ совмѣ-

стныхъ кутежей, отголоскомъ которыхъ служить слѣдующая строфа одной изъ пѣсенъ Языкова :

Благодѣтельною силой
Съ нами нѣмцевъ подружило
Откровенное вино ;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ заодно.

Не отставалъ Языковъ отъ своихъ друзей и въ дѣлѣ служенія красотѣ. Первой вдохновительницей музыки Языкова была вторая племянница Жуковского, Александра Андреевна Протасова, бывшая замужемъ за Воейковымъ. Знаменитая своей красотой и несчастнымъ замужествомъ, Воейкова была кумиромъ Языкова во все время его пребыванія въ Дерптѣ. Она часто прѣзжала въ этотъ городъ, подолгу жила тамъ въ домѣ своего зятя Мойера, и Языковъ, скромный и застѣнчивый до смѣшного въ ея присутствіи, написалъ въ честь этой замужней женщины, пожалуй, болѣе стихотвореній, чѣмъ въ честь другихъ женщинъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Она меня очаровала —
говоритъ Языковъ въ одной элегіи —

Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.
Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ,
И миръ души, и сердца волю,
Какъ драгоценности, хранилъ.
Любви чарующая сила,
Какъ искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.
Пускай не мнѣ ея награды :
Она мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
 Порывамъ страсти молодой,
 И восхищаюсь, и люблюсь
 Непобѣдимою красой.

Но Воейкова оставалась вполнѣ равнодушна къ обожанію Языкова; она оказывала ему вниманія настолько, насколько это было нужно для того, чтобы получать отъ поэта новыя стихотворенія и передавать ихъ своему мужу для его журналовъ. Около половины 1825 г. Языковъ понялъ тактику несчастной красавицы и вотъ какъ писалъ объ этомъ открытіи своему брату: „Теперь я вижу и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлью только вытащить, у меня стиховъ! Она успѣла, к! — впрочемъ, надѣюсь, въ послѣдній разъ; мнѣ жаль только времени нѣсколькихъ вечеровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала альбомъ съ новыми стихами и затѣмъ снова ко мнѣ его присылала! . . Мнѣ на нее даже досадно: она могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная!“ Но къ долгой злобѣ добродушная натура Языкова была неспособна. Онъ отомстилъ своему кумиру тѣмъ, что написалъ въ альбомъ Дириной, другой русской красавицы, вышедшей впоследствии замужъ за профессора Рейца, „клятвенное обѣщаніе“ повиноваться ей одной во всемъ и за нее одну лить свою кровь „во всякій день, во всякій часъ“. Вслѣдъ же за этимъ „клятвеннымъ обѣщаніемъ“ онъ писалъ Воейковой:

Забуду-ль васъ когда-нибудь
 Я, вами созданный? Не вы ли
 Мнѣ пѣсни первыя внушили,
 Мнѣ свѣтлый указали путь,
 И сердце биться научили?

И, дѣйствительно, Языковъ долго помнилъ о Воейковой и до самой ея смерти часто вспоминалъ о ней, придавая ей самые нѣжные эпитеты, признавая за ней самое благотворное

вліяніе. Незадолго до смерти А. А., Языковъ звалъ ее въ Москву и между прочимъ писалъ:

Клянусь моими божествами,
Я непритворно васъ зову!
Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы!
Я только трубадуръ безъ васъ!

Въ этомъ служеніи вину, пѣснѣ и красотѣ прогорѣла вся жизнь Языкова во время его шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ. Казалось, что сынъ русскаго помѣщика окончательно превратился въ нѣмецкаго бурша; казалось, что дерптскіе нѣмцы не ошибались, думая, что Языкову суждено быть пѣвцомъ второй родины. И дѣйствительно, молодой поэтъ не только воспѣвалъ „нѣмецкіе досуги“ и „хмѣль ученой головы“, но вдохновлялся также и прибалтійской стариной. Не вѣря въ возрожденіе Ливоніи временъ рыцарства, Языковъ однако-жъ считалъ прошлое страны вполне достойнымъ „для музы пѣснопѣнія, для гордости поѣтова чела“ и оставилъ намъ нѣсколько отрывковъ задуманныхъ имъ большихъ произведеній, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія является Ливонія, а дѣйствующими лицами — предки прибалтійскихъ нѣмцевъ. Такъ въ отрывкѣ „Ала“ Языковъ хотѣлъ изобразить вспышку стариннаго рыцарскаго духа во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII. Въ пѣсѣ „Меченосецъ Арантъ“ нашъ поэтъ пытался обрисовать ту кровавую эпоху, когда меченосцы огнемъ и мечемъ распространяли религію мира и любви. Вдохновляли Языкова и остатки былого величія Ливоніи, ея

грандіозные памятники и руины, гдѣ онъ любилъ мечтать „про гордыхъ витязей свободы и войны.“

Нѣмцы въ свою очередь не оставались въ долгу передъ русскимъ поэтомъ: студенты распѣвали его пѣсни, а литераторы переводили ихъ на нѣмецкій языкъ и печатали самые сочувственные отзывы о его стихотвореніяхъ. Впослѣдствіи, когда Бѣлинскій и даже Сенковскій осмѣивали „огненного поэта“ за пустоту содержанія и вычурность стиля, въ нѣмецкихъ журналахъ писали, что „Языковъ впервые открылъ всю прелесть и силу русскаго языка и, какъ лирическій поэтъ, едва ли имѣетъ себѣ подобнаго въ какой-либо другой литературѣ.“

Покинувши старый Дерптъ въ 1829 году, Языковъ долго хранилъ отрадныя воспоминанія о своей студенческой жизни. Еще въ 1824 году онъ писалъ: „Я не забуду никогда мои студенческіе годы, раздолье Вакха и свободы и благодатнаго труда.“ Поэтъ долго помнилъ „почтенный градъ профессоровъ и скуки“, долго хранилъ „фуражку удалую съ своей студентской головы“ и при всякомъ удобномъ случаѣ пилъ „за Дерптъ и музъ и наслажденія свободныя, кипѣвшія виномъ“. Десять лѣтъ спустя по отъѣздѣ изъ Юрьева, будучи уже за границею, больной поэтъ вспоминалъ, какъ онъ праздновалъ студентомъ день своихъ именинъ („ужъ мы пили, ужъ мы пѣли!“) и приглашалъ графа Соллогуба помянуть „безподобное дерптское житѣе и прошлыя лирическія лѣта“.

Годы пребыванія Языкова въ Дерптѣ были самымъ счастливымъ временемъ его жизни еще и въ томъ отношеніи, что благодаря своимъ студенческимъ стихотвореніямъ онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Альманахъ безъ стиховъ Языкова считался неудавшимся; нѣкоторые современники ставили его даже выше Пушкина. Самъ Пушкинъ считалъ Языкова достойнымъ своимъ соперникомъ и послѣ полученія стихотворенія „Тригорское“ писалъ князю Вяземскому: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидо-

вать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ.“

Но не одни отрадные воспоминанія сохранились въ душѣ Языкова о „безподобномъ житьѣ“. Какъ ни весело и беззаботно текла его студенческая жизнь, въ ней было не мало фактовъ, часто заставлявшихъ поэта настраивать свою лиру на минорный ладъ. Средства, присылаемые изъ родительскаго дома, уходили на кутежи, и поэту часто приходилось сидѣть безъ денегъ или же входить въ долги. Не мало написано Языковымъ элегій и подъ вліяніемъ сердечныхъ ранъ, нанесенныхъ дерптскими красавицами. Но всѣ эти непріятности, въ свое время забытыя, блѣднѣли передъ сознаніемъ бесплодно потраченной въ товарищескихъ попойкахъ молодости. Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ не успѣлъ приготовиться къ университетскому экзамену. Нѣсколько разъ принимался онъ за книги и учебники, по „занятія сухія, скучныя и прозаическія“ скоро надѣдали лѣнивому отъ природы поэту, и онъ сгѣшилъ „къ вину отъ фоліанта“ или же въ стихахъ и прозѣ бичевалъ свою неспособность къ усидчивому труду. „Мое приготовленіе къ экзамену началось стихами“, „мое приготовленіе къ экзамену идетъ очень плохо“ — таковы признанія самого Языкова въ письмахъ къ Вульффу. „На меня нашла теперь — писалъ онъ роднымъ — сильная, но, къ несчастью, неотвратимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть, — что голова вянетъ: вообще науки, въ которыхъ меня пытать стануть, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ парнасскому“. А вотъ выдержки изъ его поэтическихъ посланій къ П. А. Осиповой относительно тѣхъ же экзаменовъ:

Мнѣ жизнь горька и холодна:
 Съ утра до вечера я занятъ
 Мірскимъ и тягостнымъ трудомъ.
 Скучаю горько, и едва ли
 Къ порѣ, ко времени пройдутъ
 Мои учебныя печали
 И прозаическій мой трудъ.

„Все въ руцѣ Божіей... Что будетъ — будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ.“ Такъ утѣшалъ себя „другъ природы и лѣни“ до тѣхъ поръ, пока ему пришлось покинуть Дерптъ „бездипломнымъ студентомъ“.

Сознаніе бесполезной растраты времени отравило послѣдніе годы пребыванія Языкова въ „Ливонскихъ Аѳинахъ“. Онъ понялъ также, что дерптская жизнь, односторонне развившая его поэтический талантъ, въ концѣ концовъ вредна даже и для дарованія поэта. Знакомство съ Пушкинымъ и проведенное вмѣстѣ съ нимъ лѣто 1826 года показало Языкову воочию всю пустоту и безалаберность его студенческой жизни, и уже знаменитое стихотвореніе „Тригорское“ заканчивается страстнымъ желаніемъ „вдругъ и гордо позабыть свои потерянные годы“. Но „прозаическій трудъ“, какъ было упомянуто, оказался не по силамъ безпечному поэту, и въ его душѣ все сильнѣе и сильнѣе росло стремленіе покинуть „градъ профессоровъ и скуки“. „Дерптъ мнѣ такъ надоѣлъ, — писалъ Языковъ Вульффу, — что я бы бѣжалъ отсюда пѣшкомъ, если бы не стыдился оставить здѣсь мое прозваніе на позоръ заимодавцамъ.“

Студенческіе долги поэта составляли нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Происхожденіе такого громаднаго долга Языковъ объяснялъ брату слѣдующимъ образомъ. „Вотъ причина долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ: самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года передъ симъ, мысль пожить это время съ нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностью его исполнить и съ пріятными надеждами взялъ я къ себѣ существо это съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1000 руб. въ годъ. По части учебной съ начала и до конца во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что кромѣ пользы, мною приобрѣтенной отъ моего сожителства, я дѣлаю еще доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку,

въ этомъ нуждающемся и этого достойному. Онъ укрѣплялся все болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, становился постепенно безпечнѣе о самомъ себѣ и моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ большаго обращенія, возымѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостью моего имени у купцовъ и кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и переимѣнить собственное житье-бытье.“ „Дѣла были уже такъ запутаны, — говоритъ г. Шенрокъ, — что Языковъ, почувствовалъ себя въ положеніи утопающаго. Его письма, всегда безпечныя и веселыя, становятся воплемъ самообличенія. Онъ уже не щадитъ себя, называетъ самъ себя безпутнымъ, сравниваетъ себя съ блуднымъ сыномъ и умоляетъ спасти его, дать ему возможность выбраться изъ Дерпта, бросить разгульную жизнь и честно расплатиться съ кредиторами, — намекаетъ даже на самоубійство. Ему страшно даже сказать настоящую цифру долга, ибо, уже послѣ многихъ уплатъ, онъ долженъ былъ объявить еще — 28000 долга!“

Измѣнить свою жизнь, спасти свой талантъ и посвятить его на служеніе другимъ божествамъ, болѣе высокимъ, чѣмъ дерптская троица: „Wein, Weib und Gesang,“ — таковы были мечты Языкова, высказанная имъ въ стихотвореніи „Отъѣздъ“.

Святого полный упованья,
 Съ преобразившейся душой
 Бѣгу надолго въ край родной,
 Спасая Божьи дарованья.
 Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
 Я просвѣтлѣю жизнью новой,
 И гордо брошу мой лавровый
 Виномъ обрызганный вѣнецъ!

На ряду съ пріятными воспоминаніями о бурной молодости въ душѣ Языкова навсегда осталось грустное сознаніе, что онъ „пестро и неправильно жилъ“ и всю молодость „пилъ да пѣлъ и долго пилъ.“

Чѣмъ старше становился Языковъ, тѣмъ все болѣе и болѣе минорный тонъ слышался въ его воспоминаніяхъ о старомъ Дерптѣ, особенно, когда стали сказываться результаты „безподобнаго дерптскаго житія“ въ разстройствѣ здоровья. „Всю немногосложную и очень небогатую фактами біографію этого талантливаго поэта, — говоритъ одинъ историкъ русской литературы — благодаря его пребыванію въ Дерптскомъ университетѣ, очень не трудно подраздѣлить на два періода: на молодость, длившуюся недолго, очень шумную и разгульную, и, въ то же время, очень бѣдную впечатлѣніями; и на довольно продолжительную, преждевременную старость, со всѣми ея тягостями, болѣзнями, страданіями, странствованіями на воды и бесплодными затратами силъ и времени на нескончаемыя лѣченія, которыми приходилось расплачиваться за безумія молодости“ (Полевой).

Покинувши старый Дерптъ, Языковъ не сразу измѣнилъ строй своей лиры. Онъ долго еще продолжалъ, по его собственному выраженію, „кипеть пьяными мечтами“ и создавать произведенія вакхическаго и пріапическаго содержанія. Произведенія подобнаго рода доставили Языкову эпитеты „поэта радости и хмеля“, „поэта разгула и свободы“ и т. д.

Новѣйшій біографъ Языкова, г. Шенрокъ, недавно заявилъ, что характеристика нашего поэта исчерпывается этими выраженіями. Но обратившись къ ближайшему, ознакомленію со стихотвореніями Языкова, не трудно замѣтить недостаточность и односторонность подобныхъ опредѣленій музы Языкова. Уже Бѣлинскій и вслѣдъ за нимъ Добролюбовъ, хотя и не безъ ироніи, называли Языкова славянофиломъ. И дѣйствительно, Языковъ былъ не только „славянофиломъ по родству“, какъ называлъ его Герценъ¹⁾, но и по своимъ убѣжденіямъ,

1) А. С. Хомяковъ былъ женатъ на сестрѣ Языкова.

насколько они намъ извѣстны изъ его стихотвореній и писемъ, а также изъ воспоминаній его друзей.

Прежде всего, подобно всѣмъ славянофиламъ, Языковъ былъ очень религіозный человѣкъ, о чемъ между прочимъ свидѣлствуютъ его переложенія псалмовъ и такія стихотворенія, какъ „Землетрясеніе“, которое Жуковскій считалъ лучшимъ лирическимъ произведеніемъ русской поэзіи, и „Молитва“, во многомъ по содержанію напоминающая знаменитую „Молитву“ Лермонтова: „Я, Матерь Божія“, хотя „Молитва“ Языкова написана годомъ раньше.

Подобно славянофиламъ, Языковъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ къ Москвѣ.

Я здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
 Вотъ небеса мои родныя!
 Здѣсь наша матушка-Россія
 Семисотлѣтняя жива!
 Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
 Орда и Польша, и Литва,
 Французы, лавръ и хмѣль народа,
 Все, все! . . . Да здравствуетъ Москва!
 Какими думами украшенъ
 Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и бапентъ,
 Бойницъ, соборовъ и палатъ!
 Здѣсь нашихъ бѣдъ и напей славы
 Хранится повѣсть! Эти главы
 Святымъ сіяніемъ горять!
 О! проклять будь, кто потревожитъ
 Великолѣпные старины!
 Кто на нее печать наложитъ
 Мимоходящей новизны!
 Сюда! на дѣло пѣснопѣній,
 Поэты наши! Для стиховъ
 Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
 Своенародныхъ вдохновеній! . . .

Подобно славянофиламъ, Языковъ былъ пламеннымъ патриотомъ. Ни шестилѣтнее пребываніе въ Дерптѣ, ни пятилѣтнія скитанія за границей для поправленія здоровья не ослабили его любви къ родной Россіи. „Чистая, кровная словенская порода его, — говоритъ князь П. А. Вяземскій, — не могла ужиться въ нѣмецинѣ. Онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ и помысленіяхъ. . . Языковъ былъ влюбленъ въ Россію“. ¹⁾ Его увлекла было Италія, но и „картины сладостнаго юга“, и Тибръ, и Римъ, и Колизей, онъ радъ былъ промѣнять на родныя равнины и уѣхать туда, гдѣ „завываетъ вьюга, стучить морозъ“.

Не менѣе сильную любовь питалъ Языковъ и къ простому русскому народу, на который онъ опять таки смотрѣлъ глазами славянофиловъ. По свидѣтельству Погодина, „характеръ русскаго народа уважалъ онъ больше всего; русскій умъ во всѣхъ его проявленіяхъ, русскій толкъ, превосходство передъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разсказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобы дали ему отдохнуть“ ²⁾. Любовь эта отразилась и на творчествѣ Языкова: онъ передавалъ въ стихахъ народныя преданія, сказки и даже анекдоты.

Славянофильскими тенденціями окрасилось отношеніе Языкова и къ родной старинѣ. Въ одномъ стихотвореніи онъ заявляетъ о своей любви къ „долефортовской Руси“, отрицая такимъ образомъ реформу Петра Великаго. Въ стихотвореніи на открытіе памятника Карамзину Языковъ прославляетъ исторіографа за то, что

1) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, II, 309.

2) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, с. 501—502.

Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
 Краснорѣчиво учить онъ
 Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
 Хранить въ душѣ родной законъ,
 Надежно уважать свои родныя силы,
 Спасенія чаять только въ нихъ,
 Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
 Могучихъ пращуровъ своихъ!

Въ стихотвореніи, посвященномъ Шевыреву по поводу его публичныхъ лекцій о древней русской литературѣ, поэтъ писалъ:

Тебѣ хвала и честь и слава!
 Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
 Святая Русь — и величава,
 И православна, какъ была:
 Въ нихъ самобытная, родная
 Заговорила старина,
 Насъ къ новой жизни подымая
 Отъ униженія и сна.

Рядомъ съ любовью ко всему чисто-русскому ¹⁾, какъ его понимали славянофилы, въ душѣ Языкова все сильнѣе и сильнѣе росло нерасположеніе къ нѣмцамъ. Ни воспоминанія о веселой молодости, проведенной въ обществѣ нѣмецкихъ студентовъ, ни пятилѣтнее пребываніе на германскихъ курортахъ не предохранили Языкова отъ того германобовства, которымъ были пропитаны его друзья ²⁾. Въ Германіи его томила

1) Языковъ между прочимъ отличался чисто-русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ: даже умирая, онъ не позабылъ составить меню поминальнаго обѣда для своихъ друзей.

2) По мнѣнію И. В. Кирѣвскаго, „на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе нѣмцевъ“. Гоголь, по собственному признанію, личнаго нерасположенія къ нѣмцамъ не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Германію называлъ „самой неблаговоной отрыжкой гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива,“ а ея жителямъ приписывалъ „тупоуміе и глупость, превосходящія всякія мѣры“.

„скука и тоска среди чужого языка“, хотя языкъ Шиллера и Гете былъ для него вовсе не чужой; онъ благословлялъ возвращеніе Гоголя „изъ этой нехристи нѣмецкой на Русь, къ святынь московѣцкой“; ему даже доставляло удовольствіе видѣть, какъ нѣмцы падали отъ непривычной ходьбы по льду. Свою нелюбовь къ нѣмцамъ Языковъ перенесъ не только на нѣмецкій столъ, „безчеловѣчно безвкусный“, но даже и на нѣмецкую природу, не исключая красотъ Рейна, гдѣ для широкой русской натуры все было „мало, безвкусно, пошло, дико, тринь-трава“. Въ своихъ заграничныхъ письмахъ Языковъ былъ еще безпощаднѣе къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, чѣмъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ „неистово бранилъ нѣмцевъ и все нѣмецкое“, говоритъ г. Шенрокъ. Онъ находилъ, что всѣ времена года въ Германіи не стоятъ русской осени; нѣмецкій вѣтеръ, по его словамъ, подобенъ кошачьему завыванію и т. д.

Сквозь очки славянофильства смотрѣлъ Языковъ и на своихъ современниковъ и на явленія тогдашней литературной и общественной жизни. Онъ заявлялъ себя „непаднымъ врагомъ“ тѣхъ русскихъ людей, которые „подъ вѣтротлѣнныя знамена заморской нехристи ушли“, а также и тѣхъ, которые „болтаютъ другимъ, не-русскимъ языкомъ.“

Особенное нерасположеніе чувствовалъ Языковъ къ противникамъ своихъ друзей, къ западникамъ. Это нерасположеніе особенно рѣзко обнаружилось въ тѣхъ до крайности рѣзкихъ и неприличныхъ нападкахъ, съ которыми Языковъ обрушился на литературныхъ враговъ Шевырева.

Твои враги... они чужбинѣ
 Отцами проданы съ пеленъ:
 Русь неужодна ихъ гордынѣ,
 Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
 Родной языкъ имъ непонятенъ,
 Имъ безотвѣтна и смѣшна
 Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
 И совѣсть ихъ прокажена.

Это было написано въ 1844 году, вскорѣ послѣ того, какъ славянофилы и западники дружески лобызались на обѣдѣ въ честь Грановскаго. Можно было думать, что Языковъ, бичуя враговъ Шевырева, имѣлъ въ виду главнаго изъ нихъ, т. е. Бѣлинскаго. Но уже въ концѣ 1844 года всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были исчезнуть. Большой поэтъ пустилъ по рукамъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ обрушился на главнѣйшихъ представителей ненавистнаго ему направленія въ такихъ прозрачныхъ выраженіяхъ, что ни для кого не осталось тайной, по чьему именно адресу были направлены эти крайне неприличныя обвиненія.

Свою ненависть къ западникамъ Языковъ прежде всего излилъ на Чаадаева, котораго онъ упрекалъ въ отчужденіи отъ Россіи и въ приверженности къ католицизму:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ и т. д.

Нападеніемъ на „красиваго идола строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ“ Языковъ не ограничился; онъ не пощадилъ благороднаго Грановскаго, назвавъ его „сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей - чевѣждъ, легкомысленнымъ сподвижникомъ безпутныхъ мыслей и надеждъ.“ Досталось также и Герцену. Умирающій поэтъ не ограничился нападеніемъ на главныхъ вождей противной партіи; противъ всѣхъ западниковъ поголовно онъ направилъ слѣдующія строфы своего знаменитаго посланія „Къ не-нашимъ“:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ — не русскій вы народъ!
Не любю вамъ святое дѣло

И слава нашей старины,
 Въ вась не живетъ, въ вась помертвѣло
 Родное чувство.....
 Вамъ наши лучшія преданья
 Смѣшно, бессмысленно звучать,
 Могучихъ пращѣдовъ дѣянья
 Вамъ ничего не говорятъ.
 Ихъ презираетъ гордость ваша.
 Святыня древняго Кремля,
 Богатство, сила, крѣпость наша —
 Ничто вамъ! Русская земля
 Отъ вась не приметъ просвѣщенья.
 Вы страшны ей: вы влюблены
 Въ свои предательскія мнѣнья
 И святотатственные сны.
 Хулой и лестію своею
 Не вамъ ее преобразить
 И не умѣете вы съ нею
 Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
 Умолкнетъ ваша злость пустая,
 Замереть проклятый вашъ языкъ,
 Крѣпка, надежна Русь святая,
 И русскій Богъ еще великъ!

Эти стихи, появившіеся въ печати только въ 1871 году, ¹⁾ быстро разошлись во множествѣ списковъ и сдѣлались извѣстны и друзьямъ и врагамъ Языкова. Крайнее неприличіе приведенныхъ обвиненій и явно пристрастное отношеніе къ противникамъ произвели неблагоприятное впечатлѣніе даже на друзей Языкова. Правда, Гоголь писалъ ему: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи „Къ не-нашимъ“. Душа твоя была органъ, а бряцали на немъ другіе персты. Они еще лучше самаго „Землетрясенія“ и сильнѣй всего, что

1) См. біографію Чаадаева, составленную Жихаревымъ и напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1871 г., сентябрь.

у насъ было написано доселѣ на Руси“. Но черезъ нѣсколько времени въ другомъ письмѣ и Гоголь нашелъ нужнымъ остановить озлобленнаго поэта и посовѣтовать ему, чтобы онъ не увлекался гнѣвомъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ западниковъ „въ существѣ своемъ люди добрые“ и „нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ.“¹⁾ Такой ярый славянофилъ, какъ Константинъ Аксаковъ, по свидѣтельству Панаева, „съ негодованіемъ протестовалъ противъ стихотворной выходки болѣзненнаго поэта, пережившаго свой талантъ.“²⁾ А извѣстная московская поэтесса Каролина Павлова, которой Языковъ посвятилъ не одно стихотворное посланіе, пустила по рукамъ свое стихотвореніе, наполненное горячими укорами по адресу не въ мѣру увлекашагося поэта.

Во мнѣ нѣтъ чувства кромѣ горя,
 Когда знакомый гласъ пѣвца
 Слѣпымъ страстямъ безбожно вторя,
 Вливаетъ ненависть въ сердца.
 И я глубоко негодую,
 Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
 На площадь музу шлетъ святую,
 Вложивъ руганья ей въ уста.
 Мнѣ тяжело знать и безотрадно,
 Какъ дышитъ страстной онъ враждой,
 Чужую мысль карая жадно
 И роясь въ совѣсти чужой.

Если посланіемъ „Къ не-нашимъ“ были возмущены даже нѣкоторые друзья поэта, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело оно на западниковъ, обвиненныхъ въ измѣнѣ отечеству. По свидѣтельству Жихарева, „одинъ изъ самыхъ благородныхъ представителей „западнаго“ направленія (по всей вѣроятности, Грановскій) говорилъ публично, кому

1) Письма Гоголя, т. VI, с. 166, 179.

2) Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, с. 275.

угодно было слушать, что „писать подобнаго рода стихи, швырять изъ-подъ покровительства спинной чахотки (сухотки?) въ честныхъ людей камнями, на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ государствахъ, кто бы того ни дѣлалъ, зовется подлостью.“ „Энергическій Герценъ, — по свидѣтельству того же современника, — объявилъ, что бездоказательное обвиненіе людей въ измѣнѣ отечеству есть оскорбленіе чести, и что извѣстно, какъ разрѣшаются обиды этого рода.“ Что дѣйствительно поднимался вопросъ о вызовѣ поэта на дуэль, подтверждается слѣдующими словами самого Языкова въ письмѣ къ Гоголю: „Нѣкіе мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня разсердились, что дѣло дошло бы дескать, до дуэли, если бы сочинитель этихъ стиховъ не былъ боленъ.“¹⁾ Вызова Языкову не было сдѣлано, но объясненія по поводу его памфлетовъ едва не поставили на барьеръ Грановскаго и Петра Кирѣевскаго.

Я позволилъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на посланіяхъ Языкова, направленныхъ противъ тогдашнихъ западниковъ, потому что эти посланія сыграли важную роль въ умственной жизни русскаго общества сороковыхъ годовъ. Посланіе „Къ не-нашимъ“ гораздо болѣе, чѣмъ антиславянофильскія статьи Бѣлинскаго содѣйствовали окончательному разрыву между славянофилами и западниками.

Является интересный вопросъ: что заставило выступить съ такими неприличными обвиненіями — больного поэта, который въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній заявилъ, что только тому доступны „Сіонскіе высоты“, кто

Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ?

Герценъ объяснялъ стихотвореніе „Къ не-нашимъ“ — „славянофильскими наущеніями Хомякова.“ Судя по одному мѣсту въ дневникѣ Погодина въ такихъ наущеніяхъ можно заподозрить и представителей такъ называемой официальной

1) „Русская Старина“ 1896 г., декабрь, с. 631.

народности. Но гораздо вѣрнѣе искать объясненія этимъ обвиненіямъ въ увлекающей натурѣ поэта, доживавшаго свои послѣдніе дни. Можетъ быть, грома западниковъ, Языковъ думалъ, что приноситъ пользу Россіи, которую онъ такъ страстно, хотя и по-славянофильски, любилъ, и о служеніи которой постоянно, хотя и безрезультатно, мечталъ.

Какъ бы то ни было, приведенныя выходки Языкова противъ „нехристи нѣмецкой“ и противъ русскихъ западниковъ очень характерны для бывшаго дерптскаго студента, который когда-то пировалъ съ нѣмцами „шумно, пламенно и мило“. Но интересъ біографіи Языкова еще болѣе усилится, если мы примемъ во вниманіе, что славянофильскія симпатіи отчасти зародились, отчасти развились у Языкова еще въ Дерптѣ и даже нашли выраженіе въ его студенческихъ произведеніяхъ.

Языковъ явился въ Дерптъ, одушевленный самой глубокой и нѣжной любовью къ родинѣ, къ Россіи и ея прошлому. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Дерптѣ, Языковъ выражаетъ обѣщаніе воспѣвать

Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблесть на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы,
И геній русской старины,
Торжественный и величавый.

Въ посланіи къ Очкину юный поэтъ говоритъ :

Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
Я буду воспѣвать
Родимыя поля, простые нравы селъ
И праѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы.

Въ стихотвореніи „Чужбина“ Языковъ далъ даже такое обѣщаніе :

Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родинѣ чужой.

Правда, онъ нарушилъ это обѣщаніе, какъ мы видѣли, и оставилъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ изображается

настоящее и прошлое Прибалтійскаго края. Но гораздо больше Языковъ написалъ стихотвореній въ Дерптѣ на темы изъ русской исторіи. Въ годы студенчества имъ написаны пѣсни Баяна, пѣснь новгородцевъ, „Евпатій“, „Олегъ“, „Кудесникъ“ и др. О своей горячей любви къ родинѣ и Россіи Языковъ заявляетъ въ цѣломъ рядѣ посланій и даже въ студенческихъ пѣсняхъ. Въ посланіи къ Вульффу, Тютчеву и Шепелеву, рассказавъ о своихъ приготовленіяхъ къ экзамену, поэтъ продолжаетъ:

Такъ мы готовимся, о други,
 На достохвальныя заслуги
 Великой родинѣ своей!
 Намъ поле свѣтлое открыто
 Для думъ и подвиговъ благихъ . . .
 Жестоки наши мятежи,
 Кровавы, долги наши брани;
 Но въ нихъ является вездѣ
 Народъ и смѣлый, и могучій,
 Неукротимый во враждѣ,
 Въ любви и твердый и кипучій . . .
 О, разучись моя рука
 Владѣть струнами вдохновеній!
 Не удостойся я вѣнка
 Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣній!
 Холодный вѣтеръ суеты
 Надуй и мчи мои вѣтрила
 Подъ океаномъ темноты
 По ходу блѣднаго свѣтила,
 Когда умалится во мнѣ
 Сей неба даръ благословенный,
 Сей пламень чистый и священный —
 Любовь къ родимой сторонѣ!

Извѣстная студенческая пѣсня „Изъ страны, страны далекой“ оканчивается такимъ пожеланіемъ по адресу Россіи:

„Будь она первымъ царствомъ въ поднебесной, и счастлива, и славна!“ Еще въ Дерптѣ также относился Языковъ съ особеннымъ обожаніемъ къ первопрестольной нашей столицѣ, этому излюбленному городу русскихъ славянофиловъ. Въ посланіи Шепелеву онъ посылаетъ на родину два поклона: второй поклонъ — Воейковой, а первый

Москвѣ перводержавной:
Она повѣи мила:
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвѣла.

Та ненависть „къ нехристи нѣмецкой“, которой пропитаны позднѣйшія стихотворенія Языкова, также зародилась еще въ Дерптѣ, хотя вполне развилась впоследствии. Воспѣвая Дерптъ, какъ свою „любимую страну“, гдѣ онъ впервые

Узналъ восторги удалые
И музъ, и пѣсень, и вина,

прославляя академическую свободу „Ливонскихъ Аэинъ“, Языковъ, несмотря на доброжелательныя отношенія къ нему нѣмецкихъ студентовъ, профессоровъ и литераторовъ, самъ далеко не симпатизировалъ нѣмцамъ и ихъ узкому практицизму, который менѣе всего могъ нравиться широкой русской натурѣ нашего поэта. Языковъ, по собственному его заявленію, „любилъ нѣмецкія науки“, но „нѣмцевъ вовсе не любилъ“. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ называлъ Дерптъ „городомъ профессоровъ и скуки“, городомъ, „гдѣ рѣдки русскіе умы, гдѣ рѣдки искры вдохновенья“, гдѣ „жизнь идетъ, а не летитъ.“ Ему не нравилась страна, гдѣ

. Нравственно добра,
Всему покорна, всѣмъ довольна,
Живетъ, мила и безкрамольна,
И процвѣтаетъ нѣмчура.

Уже въ Дерптѣ Языковъ признавалъ также коренное различіе славянскаго и германскаго характера. Въ посланіи къ Татаринovu онъ говоритъ :

Славянъ могущественныхъ внуковъ,
Нѣмецкой вольности въ оковы
Ты не отдашь свободныхъ рукъ.
Не нашъ удѣлъ ея порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнію мы живы,
Мы славой славимся иной;
Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
Не вѣрь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по-своему!

Въ своихъ письмахъ изъ Дерпта Языковъ является однимъ изъ первыхъ апостоловъ обрусенія Прибалтійскаго края, при чемъ вслѣдствіе широты своей поэтической натуры стоитъ за самыя рѣшительныя мѣры. „Онъ возмущается, — говоритъ г. Шенрокъ, — тѣмъ, что въ Дерптѣ очень холодно относятся къ Россіи и ко всему русскому. Николаю Михайловичу казалось, напротивъ, необходимымъ хотя насильственными мѣрами противодѣйствовать этому, какъ думалось ему, пагубному для Россіи отчужденію: онъ со своей стороны находилъ желательнымъ какъ можно болѣе широкое и возможно скорѣйшее распространеніе въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка и русскихъ обычаевъ . . . „Если бы я былъ императоръ російскій, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — я бы заставилъ ихъ пить квасъ, и ѣсть русскіе блины, и ходить въ русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусѣютъ и да принадлежатъ вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи“. 1)

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь, с. 161.

Наконецъ, еще въ Дертѣ мы встрѣчаемъ у Языкова зародыши его будущей антипатіи къ русскимъ западникамъ. Въ посланіи Степанову, уѣзжавшему за границу, Языковъ выражаетъ желаніе, чтобы его другъ „не окрестился въ нѣмчуру“ въ той странѣ,

. откуда съ давнихъ поръ
Надеждъ питомцы дорогіе,
Россіи книжники молодые,
Вывозятъ ей лишь тлѣнь и вздоръ,
Туманъ шального мудрованья,
Глухую спѣсь, не милость къ намъ
И знаменитыя прозванья
Своихъ учителей

Не трудно усмотрѣть въ знаменитомъ посланіи „Къ нашимъ“ дальнѣйшее развитіе только что приведенной мысли, высказанной въ 1828 году.

Такимъ образомъ, Дерптскому университету, этому общепризнанному очагу германизации Прибалтійскаго края и разсаднику докторовъ-нѣмцевъ для всей почти Россіи, суждено было сдѣлаться и умственной колыбелью одного изъ представителей славянофильства, т. е. того направленія русской общественной мысли, которое такъ много сдѣлало для объединенія Ливоніи съ остальной Россіей.

М. Столяровъ.

Н. П. Знаменскій.

(Некрологъ).

4-го мая сего года скончался дѣйствительный членъ Учено-Литературнаго Общества Николай Петровичъ Знаменскій.

Н. П. родился 13-го іюля 1853 года въ мѣстечкѣ Руенѣ (Вольмарскаго уѣзда Лифляндской губерніи). Отецъ его, священникъ, состоялъ предсѣдателемъ общества по переводу богослужебныхъ книгъ съ славянскаго языка на латышскій и былъ однимъ изъ первыхъ насадителей православія среди латышскаго населенія Прибалтійскаго края.

Въ 1863 году Н. П. былъ опредѣленъ въ Рижскую Духовную семинарію, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ Рижскую губернскую (нынѣ Николаевскую) гимназію, получивъ одну изъ стипендій учрежденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для обученія сыновей православныхъ священниковъ Прибалтійскаго края въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Переведенный, вслѣдствіе измѣнившихся домашнихъ обстоятельствъ, въ 1873 году въ Ревельскую гимназію, Н. П., по окончаніи курса въ 1875, году поступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ на историко-филологическій факультетъ стипендіатомъ Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) Учебнаго Округа. Въ 1879 году онъ кончилъ курсъ Университета со степенью кандидата славяно-русской филологіи и былъ назначенъ учителемъ русскаго языка при Митавской гимназіи, а въ 1886 году былъ переведенъ на ту же должность при Дерптской (нынѣ Юрьевской) гимназіи.

Кромѣ преподавательской дѣятельности, Н. П. участвовалъ въ составленіи энциклопедическаго словаря „Пирера“, издавашагося въ Штутгартѣ, подъ редакціею профессора Киршнера: онъ обработалъ и перевелъ лингвистическую часть русскаго отдѣла.

Н. П. былъ человѣкъ добраго, мягкаго, даже чувствительнаго характера: не было горя, на которое бы онъ не отозвался; онъ помогалъ, чѣмъ могъ, и бѣднымъ своимъ родственникамъ, и нуждавшимся постороннимъ людямъ. Будучи отъ природы склоненъ къ тихой семейной жизни, онъ, однако, не чуждался и общества и его интересовъ. Н. П. былъ однимъ изъ членовъ-основателей и два года — въ 1896 и 1897 г. — председателемъ Русскаго Семейнаго Общественнаго Собранія „Родникъ“; состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Учено-Литературнаго Общества и членомъ мѣстнаго Русскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ послѣднее время былъ и дѣлопроизводителемъ.

А. Павловъ.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго
Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ
Университетѣ 23 мая 1899 г.

Въ воскресенье 23 мая текущаго года состоялось торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ, посвященное чествованію памяти величайшаго и геніальнѣйшаго русскаго поэта, А. С. Пушкина, по случаю столѣтія со дня его рожденія.

Въ совѣтскомъ залѣ Университета, гдѣ происходило это торжественное засѣданіе, на високомъ пьедесталѣ помѣщался декорированный живыми растеніями бюстъ виновника торжества.

Чествованіе памяти великаго поэта началось въ 1¹/₂ часа дня, въ присутствіи большинства членовъ Общества и значительнаго количества гостей, панихидою, отслуженною дѣйствительнымъ членомъ Общества, протоіереемъ, профессоромъ Университета, А. С. Царевскимъ, причемъ пѣлъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ А. И. Кондратьева.

Передъ панихидою А. С. Царевскій сказалъ слово, приводимое ниже.

Послѣ панихиды товарищъ предсѣдателя, профессоръ М. Н. Крашенинниковъ, слѣдующими словами объявилъ торжественное засѣданіе открытымъ: „Присоединяясь къ общему грандіозному движенію, широкою и мощною волною охватившему всю интеллигентную Россію и обусловленному единодушнымъ желаніемъ достойно отпраздновать высокознаменательное для всей Россіи событіе — исполняющуюся

на дняхъ столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина, наше молодое Учено-Литературное Общество постановило усиленно почтить память этого, безспорно, величайшаго и гениальнѣйшаго русскаго поэта, посвятивъ его чествованію особое торжественное засѣданіе, которое я теперь и объявляю открытымъ“.

Послѣ этого гимназическій хоръ подѣ управленіемъ А. И. Кондратьева исполнилъ кантату „Слава Пушкину!“ (слова и музыка г. Рубца).

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ дѣйствительный членъ Общества, директоръ Юрьевской классической гимназіи, Н. И. Ивановъ, и произнесъ (приводимую ниже) рѣчь: „о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“.

За рѣчью Н. И. Иванова послѣдовалъ „гимнъ въ память Пушкина“ (слова К. К. Случевского, музыка г. Главача), исполненный гимназическимъ хоромъ вмѣстѣ съ гимназическимъ же оркестромъ, подѣ управленіемъ г. Якова.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской учительской семинаріи, М. Н. Столяровъ, произнесъ (также приводимую ниже) рѣчь: „Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина“.

Послѣ этой рѣчи гимназическимъ оркестромъ были исполнены: 1) свадебный хоръ изъ оперы Даргомыжскаго „Русалка“ и 2) вальсъ изъ оперы Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской классической гимназіи, А. П. Павловъ, продекламировалъ стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Памятникъ“.

Въ заключеніе гимназическимъ оркестромъ былъ исполненъ маршъ изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“.

Совѣтъ Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ считаетъ долгомъ

публично выразить свою искреннюю благодарность Юрьевскому Семейному Общественному Собранию „Роднику“ — за любезное доставленіе бюста А. С. Пушкина, а также гимназическому хору и гимназическому оркестру въ лицѣ ихъ талантливыхъ руководителей, гг. Кондратьева и Якова, за любезное содѣйствіе.

Слово,

произнесенное передъ панихидою по А. С. Пушкинѣ въ день торжественнаго засѣданія Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ 23 мая 1899 года.

Настоящее торжественное собраніе въ честь великаго нашего поэта, раба Божія Александра, мы предваряемъ молитвою объ упокоеніи души его. Такъ мы поступаемъ по сознанію заслугъ его предъ нами и по чувству христіанской любви къ нему. Не мнѣ, конечно, говорить здѣсь о заслугахъ его, но и съ церковной кафедры позволительно сказать, что безсмертныя творенія его служатъ украшеніемъ русской литературы, славою русскаго имени. По выраженію одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей, въ твореніяхъ этихъ вполне выразилась вся полнота русскаго народнаго духа. По нимъ воспитывались мы, воспитываются наши дѣти и будутъ воспитываться дѣти нашихъ дѣтей. Имъ мы обязаны тѣмъ, что имя русскаго народа въ области словеснаго творчества стоитъ не ниже именъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, ибо въ лицѣ нашего поэта русскій народъ имѣетъ своего Гомера, своего Шекспира, своего Гёте. Въ Ветхомъ Заветѣ поэтическое вдохновеніе въ средѣ народа еврейскаго разсматривалось какъ признакъ особой близости народа къ Богу и, наоборотъ, оскудѣніе этого вдохновенія указывало на нравственный упадокъ народа. Подобно этому и на поэтическій

даръ нашего поэта должно смотрѣть какъ на залогъ особаго благоволенія Божія къ народу русскому, располагающій насъ къ всегдашней благодарности. Воздадимъ же ему благомъ молитвы за тѣ духовныя блага, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Но не по сознанію только заслугъ нашего поэта мы должны молиться объ упокоеніи души его, но и по чувству христіанской любви къ нему. Какъ и всякій человѣкъ онъ подвергался въ своей жизни многимъ грѣховнымъ увлеченіямъ и паденіямъ, за которыя онъ долженъ отдать отчетъ на судѣ Божиѣмъ тѣмъ болѣе строгій, чѣмъ съ большею охотою онъ предавался имъ и чѣмъ болѣе соблазнамъ послужилъ онъ для другихъ. Будемъ уповать, что правосудіе Божіе въ отношеніи его будетъ растворено милосердіемъ Божиимъ, ибо онъ умеръ съ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ истинный христіанинъ. „Хочу умереть христіаниномъ; прощаю всѣхъ“, говорилъ онъ въ предсмертныя свои минуты.

„Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ,
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?“ —

писалъ также поэтъ, и эти слова могли выйти только изъ сердца смиреннаго и сокрушеннаго, которое Богъ не уничижитъ. Да учинить же его Господь по его покаянію въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе, и идѣже пребываютъ радость и веселіе вѣчныя. —

Къ сказанному позволю присовокупить еще одно. Одинъ изъ ближайшихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, а все худшее въ немъ принадлежало лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его. И дѣйствительно, въ обществѣ, окружав-

немъ поэта, мы видимъ злобу, коварство, взаимное недоброжелательство, легкомысленное отношеніе къ нравственности, полное отчужденіе отъ спасительныхъ установленій церкви. Самое воспитаніе поэта, по его собственнымъ словамъ, было слишкомъ поверхностнымъ и лишено было благотворныхъ началъ народности и благочестія. Что же теперь удивительнаго, если печальные слѣды всего этого отразились на жизни нашего поэта! Что же удивительнаго въ томъ, если совокупность всего этого привела его къ трагической кончинѣ, отнявшей отъ насъ поэта въ самомъ расцвѣтѣ его поэтическаго таланта? Поэтому вполне будетъ уместно къ молитвѣ объ упокоеніи души нашего поэта присовокупить молитвенное обѣщаніе собственнаго нашего исправленія. Да не будетъ всего этого между нами; да не будетъ между нами злобы, коварства и взаимнаго недоброжелательства; да не будетъ между нами людей, смѣшивающихъ добро со зломъ и зло съ добромъ; да не будетъ между нами людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ Спаситель уподобляетъ гробамъ поваленнымъ, внѣ уду краснымъ, а внутри уду исполненнымъ мерзости и всякой нечистоты. Да не будетъ въ средѣ нашей легкомысленнаго отношенія къ вѣковѣчнымъ устоямъ нравственности и отчужденія отъ спасительныхъ началъ церковности и благочестія. Если мы дадимъ себѣ подобное обѣщаніе, то, уповаемъ, безсмертный духъ нашего великаго поэта съ отрадою и утѣшеніемъ будетъ внимать настоящему собранію въ память его и настоящей нашей молитвѣ за него. Аминь.

Проф. Протоіерей А. С. Царевскій.

О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина.

Мм. Гг.

Не безъ смущенія всхожу я на каеэдру въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи нашего Общества, посвященномъ чествованію памяти великаго поэта. Великій человѣкъ, его великія дѣянія, поэтический геній и его созданія требуютъ и великихъ силъ для ихъ вѣрнаго пониманія и достойнаго изображенія въ словѣ. Въ 85 лѣтъ, протекшихъ со времени появленія въ свѣтъ первыхъ юношескихъ произведеній нашего поэта, оставившаго міру въ теченіе своей свыше 20-лѣтней поэтической дѣятельности высочайшіе образцы художественнаго творчества, послѣдніе составляли предметъ мысли и слова нашихъ первоклассныхъ критиковъ, великихъ писателей, философовъ, художниковъ. Всѣ они такъ или иначе испытывали силу своихъ дарованій надъ изученіемъ и объясненіемъ личности и произведеній нашего безсмертнаго поэта. Но и послѣ этихъ трудовъ нельзя сказать, что мы имѣемъ вполне опредѣленные и полные отвѣты на всѣ вопросы, возбуждаемые какъ его своеобразною личностью, такъ и великими созданіями. Такова вообще судьба великихъ историческихъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе таковыхъ дѣятелей въ области мысли и творчества. Рѣшимость посвятить свое посильное слово изображенію великихъ заслугъ гениальнаго художника мы можемъ считать лишь слабою данью признательности за эти заслуги и удивленія

его гению. Сверхъ того, общеніе съ высокими идеями и возвышенными чувствами великаго художника имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ нашей умственной жизни и вполне отвѣчаетъ естественнымъ запросамъ и потребностямъ духа. Въ вѣкъ широкаго развитія и необычайно быстрыхъ, поражающихъ самое смѣлое воображеніе, успѣховъ матеріальной культуры, захватывающей въ свои сѣти столько интересовъ современнаго образованнаго человѣчества, особенно цѣнно, важно не упускать изъ виду вопросовъ самопознанія. У всѣхъ великихъ поэтовъ, мыслителей, художниковъ стараго и новаго времени ярко и рѣзко стояла задача самопознанія, стояли тѣ жгучіе для развитаго сознанія вопросы бытія человѣческаго, какіе и до сихъ поръ остаются для человѣка и столь же глубоко важными, и столь же глубоко интересными. Съ этой точки зрѣнія чествованіе памяти нашего великаго поэта имѣетъ глубокое моральное значеніе.

Въ настоящемъ очеркѣ представляется нѣсколько мыслей о томъ великомъ значеніи, какое имѣетъ поэзія А. С. Пушкина для воспитанія высокихъ чувствъ, для выработки возвышенныхъ понятій въ сферѣ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній.

Чувство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Составляя одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ стремленій и дѣйствій, оно тѣмъ самымъ служитъ однимъ изъ основаній какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отношеній. Нѣкоторые, напр., принимаютъ, что прирожденное чувство состраданія есть основа симпатіи, развивающейся въ свою очередь, при извѣстныхъ условіяхъ, въ сознательную любовь. Изъ ежедневнаго опыта мы знаемъ, какія важныя послѣдствія иногда влечетъ за собою сильное развитіе такихъ чувствъ, какъ: гнѣвъ, ненависть, ревность, съ одной стороны, а искренняя дружба, привязанность, любовь — съ другой. При такой важной роли въ нашей жизни чувства вполне понятно, какое важное значеніе должно имѣть правильное его развитіе, цѣлесообразное воспитаніе.

Искусство, какъ преимущественная форма выраженія общечеловѣческихъ чувствъ, и есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ въ развитіи и цѣлесообразномъ направленіи чувства, въ дѣлѣ его воспитанія. По опредѣленію нашего знаменитаго современнаго писателя, истинное искусство есть зараженіе другихъ тѣмъ чувствомъ, какимъ одушевленъ самъ художникъ. Чувство изящнаго, преимущественно возбуждаемое различнаго рода искусствами, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ облагороженіи человѣческихъ отношеній и формъ жизни. Впечатлѣніе прекраснаго не пропадаетъ въ эстетическомъ чувствѣ. Нѣтъ, оно сопровождаетъ наши понятія, выражается въ образѣ жизни, въ отношеніяхъ людей. Изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній, которыми такъ гордятся образованные народы, впервые выработались въ сферахъ искусства, впервые развились въ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, въ высокомъ подъемѣ чувства художника. Въ этомъ отношеніи изящныя формы пластики, живописи, гармоническіе звуки музыки наряду съ изящными созданіями поэтическаго гения одинаково важны, одинаково могущественно двигаютъ впередъ формы и отношенія жизни, могущественно содѣйствуютъ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства распространяется далеко за предѣлы ихъ ближайшей сферы.

Поэзія есть выраженіе чувства, окрыленнаго мыслью. Эта особенность поэіи ставитъ ее неизмѣримо выше всѣхъ другихъ родовъ искусства въ дѣлѣ воспитанія, облагороженія чувства. Чувство, освѣщенное и окрыленное мыслью, составляетъ не только основу человѣческихъ подвиговъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественное орудіе человѣческаго развитія.

Но въ этомъ отношеніи не всякое чувство, какъ бы оно ни было глубоко, какъ бы оно ни было изящно выражено, имѣетъ положительное значеніе, но лишь въ томъ случаѣ, когда, по выраженію нашего поэта, муза послушна велѣнью Божію, когда красота и добро (въ нравственномъ смыслѣ) сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Лишь при этомъ условіи

искусство выполняет свою великую роль истинного очеловѣченія чувства и жизни. Нашъ современный гениальный писатель и не признаетъ никакого иного искусства.

Задумчивость, возвышенность и глубина чувствъ, изящество выраженія лучшихъ поэтическихъ созданій Пушкина ставятъ послѣднія въ ряду величайшихъ созданій въ области искусства, какъ орудія общественнаго воспитанія.

Имѣя въ виду указать на воспитательныя, поучительныя черты въ самой личности нашего великаго поэта, въ развитіи его идеальныхъ воззрѣній, какъ эта личность и эти воззрѣнія отразились въ его поэтическихъ созданіяхъ, нельзя не остановиться на вопросѣ объ отношеніи этихъ созданій къ личности поэта. Эстетическая критика, игнорирующая вопросъ объ источникѣ поэтическихъ произведеній, объ ихъ, такъ сказать, психологической исторіи, ихъ связи съ самою жизнію поэта, восхищаясь красотою этихъ произведеній, считала ихъ не болѣе, какъ игрою поэтической фантазіи, произведеніями художественнаго гения, не выражающими никакихъ личныхъ убѣжденій поэта. Этотъ взглядъ на поэтическія созданія, очевидно, не далекъ отъ того, который цѣнилъ значеніе поэзіи наравнѣ съ вкуснымъ лимонадомъ. Взглядъ на поэта, лишь какъ на жреца чистаго искусства, по справедливому замѣчанію Ап. Григорьева, „лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью сочувствій, его высокаго общественнаго значенія и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поющей птицы.“ (Соч. I, 238.) Историческая, въ общирномъ смыслѣ, критика, не отвергая вполне художественной точки зрѣнія, основаніемъ своихъ сужденій о художественныхъ созданіяхъ принимаетъ положеніе, что эти послѣднія суть выраженія личной жизни художника, чувствъ, имъ дѣйствительно пережитыхъ, мыслей, имъ дѣйствительно передуманныхъ. Иная точка зрѣнія представлялась бы намъ теперь по меньшей мѣрѣ странною. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ только, что художественныя созданія Достоевскаго, Льва Толстого не за-

ключаютъ въ себѣ выраженія ихъ дѣйствительныхъ идеальныхъ воззрѣній, а суть лишь плоды развлеченій, „забавъ, иль празднои скуки“. Можно ли еще болѣе унижить эти созданія и ихъ авторовъ, которыми наша литература справедливо гордится, и которые такъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ просвѣщенныхъ соотѣдей, европейскихъ и заокеанскихъ друзей, ставящихъ себя во главѣ современнаго литературнаго и вообще культурнаго развитія человѣчества? Не нужно доказывать, что упомянутыя созданія — плоды не забавъ и празднои скуки, а наоборотъ — тяжкихъ думъ, захватывающихъ чувствъ, тяжелыхъ душевныхъ мукъ. Иными путями не рождаются истинно художественныя созданія. По своеобразному, но мѣткому выраженію нашего современнаго гениальнаго художника и мыслителя, „гладкихъ, жирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженія ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе человѣка, крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ.“ (Л. Толстой. Сочин. т. XII, стр. 326. Москва, 1886).

Поэзія была страстью Пушкина. Сдѣланное имъ самимъ указаніе, что „поэзія бываетъ исключительною страстью немногихъ, родившихся поэтами. Она объемлетъ, поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни,“ въ полной мѣрѣ приложимо къ нему самому. Въ его произведеніяхъ мы имѣемъ не мало признаній, что онъ рано началъ сознать въ себѣ эту страсть.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Въ тѣ дни въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при крикахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ. (Евг. Он. VIII, 1.)

Съ этихъ поръ муза стала неразлучною спутницею Пушкина до послѣдней минуты его жизни, среди его увлеченій, порывовъ молодости и страстной натуры, въ тиши уединенія, въ минуты грусти и печали, въ его частной и общественной жизни, въ его сознательномъ служеніи развитію родной мысли и слова. Поэтъ такъ изображаетъ свое творчество въ первую юношескую эпоху :

Все волновало нѣжный умъ :
 Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивные шепталъ,
 И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава ;
 Въ ней грезы чудныя рождались ;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой риемой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

Въ 1830 году поэтъ, изображая себя среди тишины сельской обстановки, говоритъ :

И пробуждается поэзія во мнѣ :
 Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
 Трепететь и звучить, и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута — и стихи свободно потекутъ. (II, 103.)¹⁾

При такой силѣ поэтическаго дарованья, естественно, рѣдкое событіе, рѣдкое впечатлѣніе, рѣдкое движеніе чувства проскользнетъ у поэта не запечатлѣннымъ въ поэтическомъ образѣ. И наоборотъ — нѣтъ въ поэзіи Пушкина образа, нѣтъ отдѣльной черты въ образѣ, которые не имѣли бы своего основанія въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ его чувствѣ. Онъ поистинѣ и безъ всякаго преувеличенія — поэтъ дѣйствительности. Вотъ что даетъ основаніе сказать, что поэзія Пушкина имѣетъ несомнѣнное біографическое, или правильнѣе, біографическо-психологическое значеніе; что въ этой поэзіи мы въ правѣ видѣть дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія, идеалы самого поэта,

Какія же черты духовной природы Пушкина, его нравственной личности, отразившіяся въ его произведеніяхъ, могутъ для насъ имѣть воспитывающее, поучительное значеніе? Конечно, образъ поэта, какъ онъ вырисовывается въ плодахъ его духовной дѣятельности, прежде всего дѣйствуетъ на воображеніе наблюдателя, какъ цѣльная личность, со всеми ея чувствами, стремленіями, страстями. Но на такомъ представленіи образа поэта останавливается лишь пассивно воспринимающая мысль, лишь поверхностное отношеніе къ поэтическому образу. Болѣе внимательное отношеніе къ послѣднему, анализъ заключенныхъ въ немъ мыслей и чувствъ, сопоставленіе тѣхъ и другихъ въ ихъ постепенномъ развитіи въ дѣятельности поэта — приводятъ наблюдателя къ генезису этихъ мыслей и чувствъ поэта, къ опредѣленію ихъ взаимной зависимости, относительнаго значенія, безъ чего невысказанно правильное разумѣніе художественнаго произведенія.

Пушкинъ былъ необыкновенно богато одаренная натура. Не получивъ правильнаго, разумнаго, сообразно своей богатой

1) Цитаты приводятся по изд. Литер. фонда. 1887.

природѣ, воспитанія, будучи наоборотъ подвергнуть своего рода пытку такъ называемаго французскаго воспитанія, если не извратившаго природы поэта, то во всякомъ случаѣ задержавшаго развитіе природныхъ и, нужно прибавить, глубоко народныхъ свойствъ его натуры, не нашедши и въ учебномъ заведеніи, въ которомъ обучался, правильной школы, которая стояла бы на уровнѣ современныхъ ей знаній и ученія, нашъ поэтъ естественно страдалъ, особенно въ юности, отъ послѣдствій своего, какъ онъ выражался, проклятаго воспитанія и своего образованія. Въ своихъ запискахъ Пушкинъ съ горечью отмѣтилъ: „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (онъ разумѣлъ Вульфа). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы научились танцевать.“ Но такая богато одаренная натура, какъ Пушкинъ, не могла помириться съ своимъ безпорядочнымъ воспитаніемъ и недостаточнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи самосознаніе Пушкина рано просыпается. Первымъ по времени отраженіемъ этого самосознанія является превосходное стихотвореніе 1819 г. „Возрожденіе“. Здѣсь мы еще не видимъ сознательно поставленной цѣли самовоспитанія, самообразования. Она пока заключается лишь въ постепенномъ очищеніи отъ грѣховъ воспитанія, сознаніи своихъ заблужденій, какъ слѣдствія дурно направленаго воспитанія. Я не стану останавливаться на томъ, въ данномъ случаѣ важномъ, обстоятельстве, какъ неблагоприятны были для такого сознанія условія жизни Пушкина, его отношенія въ періодъ времени отъ выхода его изъ Лицея до выѣзда въ Екатеринославль, да и впослѣдствіи съ нѣкоторыми перерывами вплоть до переселенія въ с. Михайловское въ 1824 году. Но самый фактъ проявленія этого сознанія въ художественномъ произведеніи въ высшей степени знаменателенъ. Сознаніе своихъ заблужденій, хотя бы и не надолгое время, строгій, испытующій взоръ на пройденный путь есть могучій рычагъ дальнѣйшаго развитія, вѣрный залогъ самосовершенствованія.

Упомянутое стихотвореніе „Возрожденіе“ открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ, какъ бы покаянныхъ произведеній нашего поэта. Чѣмъ болѣе развивалось самосознаніе Пушкина, тѣмъ глубже онъ видѣлъ и понималъ требованія разумнаго воспитанія чувства, характера, истиннаго образованія. По самому существу своему горькое чувство прошлаго пробивается въ произведеніяхъ Пушкина не часто, но оно тѣмъ рѣзче, тѣмъ острѣе. Относящіеся сюда стихотворенія то цѣликомъ посвящены выраженію этого чувства, то послѣднее служитъ лишь основою, фономъ для выраженія вытекающихъ изъ него чувствъ.

Отзвуки этого чувства встрѣчаемъ въ элегіи 1821 г.: „Я пережилъ свои желанья, я разлюбилъ свои мечты...“ (238; I.)

Всецѣло посвящено выраженію горькаго чувства раскаянія въ заблужденіяхъ жизни и чувствъ молодости стихотвореніе 1828 г. „Воспоминаніе“: „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“ (II, 37). Ярко выражено это чувство въ „Стансахъ“ 1830 г. въ отвѣтъ на посланіе м-та Филарета:

„Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей“ . . .
„Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.“ (II, 88.)

Къ тому же году относится элегія:

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье“ (II, 101.)

Въ 1834 году Пушкинъ дѣлаетъ переложеніе первой главы знаменитаго сочиненія англійскаго теософа Беньяна „Странникъ“, изображающей отчаяніе человѣка, сознающаго свою неприготовленность къ смерти, къ загробному суду. Изобразивъ отчаяніе человѣка, увидѣвшаго передъ собою

смерть и услышавшаго призывъ къ нелицепріятному суду, поэтъ указываетъ страннику рукою юноши вдали мерцающій свѣтъ, къ которому и отправляетъ странника, и послѣдній, оставивъ семью, друзей, бѣжалъ къ источнику указаннаго свѣта. Изъ того же чувства вылилось чудное по своей задушевности стихотвореніе 1835 г. „Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“ (с. Михайловское) (II, 182). Въ особенности для насъ въ данномъ случаѣ интересны дополнительные стихи къ этому стихотворенію, не отданные Пушкинымъ въ печать, по ихъ слишкомъ автобіографическому характеру. Въ черновыхъ рукописяхъ къ этому стихотворенію встрѣчаемъ слѣдующее добавленіе :

„Вотъ уголокъ, гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
Здѣсь погруженный въ думы,
Я размышлялъ о грустныхъ заблужденяхъ
Объ испытаньяхъ юности моей,
О строгомъ, заслуженномъ осужденѣ“

Такимъ образомъ указанное горькое чувство, какъ осадокъ увлеченій и страстей, проходитъ весьма замѣтною струею въ произведенія Пушкина на протяжении послѣднихъ 16 лѣтъ его жизни и поэтической дѣятельности.

Въ связи съ этою выдающеюся чертою личности Пушкина, съ этою кристально чистой струей его поэзіи нужно поставить не менѣе важный для насъ въ данномъ случаѣ мотивъ ея — исканіе и постепенная выработка жизненнаго и творческаго идеала поэта. Мотивъ этотъ, можно сказать, непосредственно вытекалъ изъ самосознанія поэта, выразившагося въ самокритикѣ, въ раскаяніи въ своемъ жизненномъ и поэтическомъ прошломъ.

Въ чемъ же выразилось это исканіе идеала, и въ чемъ заключается самый этотъ идеалъ? По существу вопроса трудно ожидать найти въ поэзіи Пушкина прямой отвѣтъ на

него. Такого рода интимныя, задушевные мечты поэта про-
биваются, въ особенности вначалѣ, едва замѣтными чертами,
лишь впоследствии выростая въ опредѣленные образы, въ об-
становкѣ то исторической, то современной поэту дѣйствитель-
ности. Въ данномъ отношеніи несомнѣнно важно вскрыть
разнообразныя вліянія, которыя несомнѣнно имѣли значеніе въ
выработкѣ содержанія и формы пушкинской поэзіи, пока она
не вылилась въ широкій потокъ творчества самобытнаго рус-
скаго гения. Не пересматривая всего сдѣланнаго уже въ
этомъ отношеніи критикою, мы ограничимся важнѣйшими въ
этомъ направленіи наблюденіями. Вышепоставленный вопросъ
сводится къ опредѣленію лично-общественныхъ идеаловъ Пуш-
кина, какъ они выразились въ его поэзіи.

Въ развитіи пушкинскихъ идеаловъ различаютъ два пе-
ріода, граница которыхъ совпадаетъ внѣшнимъ образомъ съ
границею двухъ царствованій. Конечно, въ дѣлѣ развитія
нравственныхъ убѣжденій трудно указать какія нибудь болѣе
или менѣе опредѣленные, точныя грани. Къ этому нельзя
не прибавить, что широкая увлекающаяся, страстная натура
Пушкина менѣе всего склонна была укладываться разъ на-
всегда въ точно опредѣленные рамки той или другой морали,
подчиняться въ своей дѣятельности отвлеченной теоріи. Но
тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить великой разницы нрав-
ственно-общественныхъ идеаловъ Пушкина-юноши и Пушкина-
мужа въ смыслѣ широкаго развитія его мысли и высоты
міровоззрѣнія. Это-то совершенствованіе его нравственныхъ
воззрѣній и составляетъ для насъ въ высшей степени поучи-
тельный фактъ, достойный великаго поэта.

Могущественная, демоническая, по выраженію самого
поэта, сила творчества, которою онъ былъ одаренъ, требовала
не менѣе могучихъ нравственныхъ силъ, чтобы направить
это бурное дарованіе къ истиннымъ и высокимъ цѣлямъ.
Силу эту Пушкинъ не могъ почерпнуть ни въ семьѣ, которая
дала нашему поэту много отрицательнаго въ нравственномъ
смыслѣ, ни въ школѣ, которая по своему воспитательному

вліянію стояла не выше его семьи, ни тѣмъ менѣе въ томъ обществѣ золотой молодежи, въ которомъ Пушкинъ занималъ видное мѣсто по выходѣ изъ Лицея. Порывы страсти, увлеченія модными въ то время либеральными идеями до атеизма включительно наполняли въ первое время жизнь поэта и въ значительной мѣрѣ отразились и на его произведеніяхъ перваго періода. Самъ Пушкинъ такъ изображаетъ свои идеалы этого времени:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволъ,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 И я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтреной моей“. (Евг. Он. VIII, 3.)

Но пройдя черезъ всѣ эти искушенія, отразивъ на себѣ разнообразныя вліянія эпохи, переболѣвши разнообразными ея недугами, Пушкинъ однако-же нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы отъ нихъ освободиться. А освободившись отъ этихъ юношескихъ увлеченій, поэтъ обнаружилъ такую нравственную высоту воззрѣній, какая была недостижима для тѣхъ, слабости которыхъ онъ раздѣлялъ. Мицкевичъ, другъ Пушкина, такъ отзывался о его характерѣ: „Недостатки Пушкина, повидимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался, но что въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца“. И вотъ около 25 года жизни Пушкинъ мало по малу, осторожно, по мѣрѣ

проясненія своихъ воззрѣній, вводитъ въ свои произведенія художественные образы совсѣмъ иного нравственнаго закала, чѣмъ изображенные выше идеалы страсти, чувственнаго порыва. Безъ предположенія начавшагося около этого времени нравственнаго возрожденія, заблеставшихъ для него, хотя еще въ синей дали, высокихъ личныхъ и общественныхъ идеаловъ, намъ невозможно было бы объяснить появленіе въ его произведеніяхъ совершенно новыхъ въ нравственномъ смыслѣ образовъ, которые, постепенно совершенствуясь, предстаютъ предъ нами въ дивныхъ созданіяхъ его послѣднихъ лѣтъ. Приведемъ въ общихъ очеркахъ занимающіе насъ образы. Уже въ первой изъ такъ называемыхъ байроническихъ поэмъ Пушкина, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, рядомъ съ байроническимъ или, по мнѣнію другихъ¹⁾, шатобріановскимъ, характеромъ плѣнника мы встрѣчаемъ совсѣмъ въ другомъ родѣ идеальный образъ, образъ черкешенки, которая со своимъ самоотверженіемъ является истинною героинею предъ слабохарактернымъ плѣнникомъ. Но въ чертахъ этой героини, названной, Пушкинымъ черкешенкой, мы съ большимъ правомъ, говоритъ критикъ, должны признать настоящую русскую женщину, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья. (В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Стр. 24). „Въ „Цыганахъ“, позднѣйшей и совершеннѣйшей изъ всѣхъ поэмъ, задуманныхъ подъ вліяніемъ байроновской романтики, уже вложено одно изъ заветнѣйшихъ началъ народной русской жизни — требованіе смиренія личныхъ страстей, указаніе на то, что душевная правда и свобода даются только подвигомъ личнаго самоусовершенствованія, а не погоней за блестящими и фантастическими призраками внѣшней свободы“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 273). Идеальный образъ старика цыгана Пушкинъ, конечно, не наблюдалъ въ бессарабскихъ степяхъ, въ дѣйствительныхъ цыганскихъ таборахъ. „Идеалъ этотъ совершенно не цыганскій. Это идеалъ

1) В. В. Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. Спб. 1899.

пушкинскій, и подобно черкешенкѣ онъ есть созданіе нравственной природы самого Пушкина, есть выраженіе его собственнаго понятія о свободѣ, и этимъ созданіемъ Пушкинъ рѣшительно осудилъ байроническій идеалъ“ (В. В. Никольскій Идеалы Пушкина. Стр. 24).

Поэма „Братья разбойники“ есть какъ-бы психологическій этюдъ безпашанной удали, дерзкихъ подвиговъ нравственно-одичавшихъ людей. Поэма не окончена, но заключительные стихи послѣдней строфы ясно намекаютъ на нравственный смыслъ поэмы:

„Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть;
Она проснется въ черный день.“

Итакъ совѣсть, нравственный законъ долженъ, по мысли поэта, торжествовать въ отношеніяхъ людей. Иныя отношенія представляются поэту неестественными. Очевидно, вопросъ о торжествѣ нравственнаго закона надъ страстью уже вполне овладѣлъ поэтическимъ сознаніемъ Пушкина.

Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, изобразивъ бѣшеную страсть восточнаго деспота, поэтъ заставляетъ ее разбиться о непреодолимая препятствія нравственной чистоты плѣнницы христіанки.

„Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ
И между тѣмъ какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.“

Къ этому Пушкинъ присоединяетъ чрезвычайно характерное лирическое отступленіе:

„Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.“

Съ „Цыганами“, когда уже были написаны двѣ первыя главы „Онѣгина“, Пушкинъ совершенно освободилъ свое творческое воображеніе отъ байроновскихъ страстныхъ героевъ.

Въ „Онѣгинѣ“, лучшимъ и любимомъ своемъ созданіи, Пушкинъ развѣнчалъ въ лицѣ главнаго героя навѣянный, заемный типъ русскаго романтика-либерала; онъ поставилъ его со всѣмъ его европейскимъ просвѣщеніемъ и блескомъ, со всѣми красивыми позами „въ Гарольдовомъ плащѣ“, со всѣмъ протестомъ скитальца, оторваннаго отъ почвы, — въ приниженное положеніе предъ истинною носительницею родной правды и естественности, предъ этой чистой и прекрасной деревенской дѣвушкой, „бѣдной Таней“, развившейся потомъ въ еще болѣе возвышенную русскую женщину, въ дивный образъ нравственной красоты. „Чувство законнаго долга, спокойное достоинство, основанное именно на этомъ непоколебимомъ чувствѣ, ея свобода отъ всякой душевной тревоги и мелочныхъ страстей — вотъ идеальныя черты, плѣнившія Пушкина въ истинно русской женщинѣ. Татьяна развилась до той свободы, гдѣ человѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній, и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ“ (В. В. Никольскій. Ibid. стр. 31—32). Это же непоколебимое чувство долга руководило Пушкинымъ при созданіи и другихъ женскихъ типовъ его произведеній: Марьи Кирилловны Трекуровой, въ „Дубровскомъ“, Марьи Гавриловны, въ „Метели“, Марьи Ивановны, въ „Капитанской дочкѣ.“

Величавый образъ могучаго Петра долгое время занималъ творческую мысль Пушкина. Этотъ образъ въ „Полтавѣ“ рѣшительно господствуетъ надъ окружающими его въ поэмѣ персонажами; онъ своею могучею благородною фигурою исполнѣ

заслоняетъ преданныхъ эгоистическимъ страстямъ Мазепу и его сторонниковъ. Въ этой поэмѣ, одномъ изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкина, идея поэта уже выражена открыто; нравственная сила, преданность высокой идеѣ долга царствуетъ надъ нравственнымъ ничтожествомъ произвола страстей.

„Прошло сто лѣтъ — и чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.“ (Полт. Эпил.)

Созданный еще въ 1825 году, но обнародованный лишь черезъ 5 лѣтъ послѣ окончанія, „Борись Годуновъ“ или, какъ первоначально озаглавилъ Пушкинъ свою драму: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“, среди множества лицъ, волнующихъ различными страстями, захваченныхъ водоворотомъ событий и такъ или иначе страдающихъ отъ общенародныхъ бѣдствій, вызванныхъ чудовищнымъ преступленіемъ вѣнценосца, — среди всѣхъ этихъ тревожныхъ характеровъ драма представляетъ намъ дивный, умилительный образъ преданнаго исполненію „отъ Бога завѣщаннаго“ долга, безстрашнаго лѣтописца Пимена. Онъ одинъ съ высоты своего нравственнаго величія спокойно взираетъ на волнующееся вокругъ море человѣческихъ страстей, не отступая отъ своего дѣла, вполне преданный волѣ Провидѣнія. Онъ одинъ не вовлеченъ въ общее движеніе страстей, одинъ не страдаетъ отъ тяжкихъ послѣдствій увлеченій страстями. Пушкинъ оставилъ намъ признанія, что въ образѣ Пимена онъ стремился воплотить черты, *плѣнившія* его въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ.

Но сила Пушкинскаго творчества въ этомъ направленіи достигла высшаго своего развитія въ повѣсти „Капитанская дочка“, въ изображеніи тѣхъ типовъ ея, которые, по терминологіи Ап. Григорьева, принадлежатъ къ „смирнымъ“. Здѣсь необыкновенная художественная простота изображенія вполне слилась съ дѣйствительностью чудныхъ по своему нравственному величію образовъ изъ семействъ Гриневыхъ и Мироновыхъ. Плѣнительная нравственная чистота и высота этихъ типовъ вмѣстѣ съ поразительною вѣрностью дѣйствительности рѣшительно захватываетъ читателя. Самые величавые подвиги во имя нравственнаго долга до пожертвованія жизнью включительно эти люди совершаютъ, какъ вполне обыденныя дѣла, не рисуясь ни предъ собою, ни предъ другими. Можно сказать, что эти люди — Мироновы, Гриневы, среди сѣрой незатѣйливой обстановки своей жизни, среди видимыхъ мелкихъ интересовъ ея, неизмѣнно остаются на высшей степени нравственнаго подъема, который лишь при извѣстныхъ условіяхъ становится доступнымъ наблюденію. Но не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ отсутствіемъ, съ утратою интереса къ жизни? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ своего рода тупыми людьми, не знающими цѣны жизни? Нѣтъ, эти люди не утратили интереса къ жизни, они знаютъ ея радости, но живы они не собственными эгоистическими побужденіями, не мелкими страстями. Они живы сознаніемъ высокаго долга. Во имя долга они забываютъ всѣ мелкіе и важные интересы своей личной жизни, до собственныхъ дѣтей включительно. Во имя высшаго долга передъ родиною, передъ отечествомъ, они умѣютъ не щадить своей жизни. Безъ этого долга имъ не понятна, не нужна жизнь.

Таковы характеры, плѣнявшіе нашего поэта на безвременномъ закатѣ его дней. Такова теперь нравственная чистота и высота воззрѣній того, кто въ бурной юности поставлялъ себѣ въ законъ „страстей единый произволъ“. Такъ-то нашъ бессмертный поэтъ, выработавъ силою своего великаго духа столь высокіе жизненные идеалы, является дѣйствитель-

нымъ воспитателемъ общества, руководителемъ его въ жизненной борьбѣ. Средство, которымъ Пушкинъ выработалъ въ себѣ свои высокіе идеалы, заключалось въ упорномъ трудѣ надъ самовоспитаніемъ и самообразованіемъ. Силою этого труда Пушкинъ могъ обуздать свое могучее, своенравное дарованіе и подчинить его своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка развитія самосознанія нашего великаго поэта и его нравственно-общественныхъ идеаловъ, какъ они выразились лишь въ крупнѣйшихъ его произведеніяхъ, нельзя не остановиться на весьма знаменательномъ и имѣющемъ глубокое нравственно-воспитательное значеніе явленіи въ его душевной жизни. Я разумю развитіе у нашего поэта въ послѣдніе годы его жизни религіознаго чувства. Давно отдѣлавшись отъ легкомысленнаго увлеченія идеями невѣрія, нашъ поэтъ однакоже нѣкоторое время оставался въ этомъ отношеніи на распутьи — явленіе, свойственное всѣмъ недюжиннымъ и дѣятельнымъ натурамъ. Это явленіе у Пушкина выразилось въ охватившемъ его на нѣкоторое время разочарованіи жизнью, уtratѣ смысла жизни и дѣятельности. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого состоянія душевной жизни поэта служить извѣстное стихотвореніе Пушкина 1828 г., вызвавшее обращенное къ нему увѣщаніе м-та Филарета.

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ? . . .
Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ“. (II, 38)

Мы не знаемъ того внутренняго душевнаго процесса, который привелъ поэта къ столь безотраднымъ мыслямъ. Не знаемъ и ближайшихъ вѣшнихъ обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ выраженію этого безотраднаго душевнаго состоянія. Но среди послѣднихъ, быть можетъ, не мало важное значеніе имѣло двусмысленное положеніе, въ которомъ находился Пушкинъ по освобожденіи отъ заключенія въ селѣ Михайловскомъ. Съ вѣшной стороны Пушкинъ былъ свободенъ, но въ тоже время его литературная дѣятельность и самая жизнь находились подъ строгимъ надзоромъ бдительнаго графа Бенкендорфа. До какой степени простиралась эта бдительность, причинявшая Пушкину, несомнѣнно, немало нравственныхъ страданій, видно изъ писемъ къ нему графа Бенкендорфа. Такъ, по поводу чтенія поэтомъ въ кругу друзей ненапечатанной еще въ то время трагедіи „Борисъ Годуновъ“, гр. Бенкендорфъ пишетъ Пушкину, отъ 22 ноября 1826 г.: „При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, я обратился къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до отпечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ мое посредство, или даже и прямо, его Императорскому Величеству.

„Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однакоже заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи его нѣкоторымъ особамъ.

„Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію.

„Сіе меня побуждаетъ покорнѣйше просить васъ объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“. (Напечат. въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., кн. V стр. 248).

Позднѣе, по поводу поѣздки поэта въ Закавказье графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину, отъ 14 октября 1829 г.: „Государь Императоръ, узнавъ, по публичнымъ извѣстіямъ, что вы странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, высочайше повелѣтъ мнѣ соизвоилъ спросить васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе? Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отравились въ Закавказскія страны, не предъувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе“ (ibid. 249). Какъ бы то ни было, но къ 30-мъ годамъ Пушкинъ уже отдѣлался отъ этого безотраднaго душевнаго холода, разлада съ жизнью. Съ 30-хъ годовъ поэтъ нерѣдко въ своей поэзіи обращается уже къ библейскимъ мотивамъ, какъ бы выполняя тѣмъ собственное предназначеніе, выраженное въ послѣдней строфѣ отвѣтнаго посланія м-ту Филарету, 19 января 1830 г.:

„Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.“

Въ 1836 г. Пушкинъ плѣняется такими высокими образцами религіознаго творчества, какъ исполненная глубокаго христіанскаго смиренія великопостная молитва св. Ефрема Сирина. Религіозное воодушевленіе Пушкина выливается въ стихотворномъ переложеніи этой молитвы.

„Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“ (II, 188.)

Къ высоковоспитательнымъ элементамъ поэзіи Пушкина нельзя, конечно, не отнести и выражаемое имъ живое чувство высокаго патріотизма. Не указываемъ здѣсь произведеній прямо патріотическаго содержанія, какъ, напр. „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“ и др. Высокій патріотизмъ Пушкина стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и живо чувствуется въ его поэзіи. Чувствомъ искренняго патріотизма согрѣты всѣ произведенія, связанныя съ именемъ Петра Великаго, съ великими эпохами и событіями нашей исторіи, нашедшими свое изображеніе въ произведеніяхъ Пушкина, какъ-то: эпоха царствованія Бориса Годунова, современная поэту великая народная эпопея отечественной войны и ея герои, наконецъ величавый образъ императора-рыцаря Николая I.

Не станемъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько самъ поэтъ слѣдовалъ въ жизни, въ своихъ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ выработаннымъ имъ самимъ высокимъ идеальнымъ воззрѣніемъ. Широкая и увлекающаяся натура нашего поэта, какъ уже было упомянуто, не всегда и не во всемъ способна была подчиняться требованіямъ хотя бы и высокой морали. Не мало можно найти фактовъ въ жизни Пушкина, которые трудно было бы согласовать съ его же собственными идеальными воззрѣніями. Современная философская критика въ лицѣ г. В. Соловьева старается подрывать значеніе этихъ воззрѣній поэта указаніемъ именно на такого рода факты въ жизни и отношеніяхъ Пушкина. Но наиболѣе важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи она представляетъ столкновеніе поэта съ предполагавшимся имъ виновникомъ нарушенія его семейнаго мира — барономъ Геккерномъ. Упомянутая критика осудила увлеченіе Пушкина страстью мщенія нарушителю этого мира. „Пушкинъ убить“, говоритъ г. Соловьевъ, не пулю Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна“. (Влад. Соловьевъ. Судьба Пушкина. Стр. 32. С.-Пет. 1898 г.). Въ отвѣтъ на это тяжкое обвиненіе поэта, съ точки зрѣнія той же критики, можно, конечно, только сожалѣть, что поэтъ, несмотря

на свои искреннія религіозныя чувства, на свои высокія понятія о духовной свободѣ, не нашелъ въ себѣ на этотъ разъ достаточно силъ, чтобы дать перевѣсъ этимъ чувствамъ надъ силой страстнаго порыва, силой негодованія на врага.

Но если допустима въ этомъ случаѣ точка зрѣнія философская, точка зрѣнія отвлеченной морали, то вполне законна и другая точка зрѣнія — историческая. Съ этой послѣдней точки зрѣнія фактъ какъ бы учиненной поэтѣмъ расправы съ своею жизнью получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Пушкинъ, съ одной стороны, былъ связанъ крѣпкими узами съ современнымъ окружающимъ обществомъ, а съ другой, — въ своихъ идеальныхъ воззрѣніяхъ, которыя онъ въ возрастѣ мужества стремился проводить въ жизнь, вводить въ отношенія къ окружающимъ, настолько рѣзко, столь глубоко разошелся съ этимъ обществомъ, что катастрофа, въ той или иной формѣ, для него представлялась неизбѣжною. Пушкинъ это ясно сознавалъ и глубоко чувствовалъ. Съ этой точки зрѣнія жизнь и судьба нашего великаго поэта отличаются глубоко трагическимъ характеромъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи опредѣленно сложившихся историческихъ условій русской жизни, чувство потомства находитъ успокоеніе и примиреніе съ трагическою судьбою гениальнаго поэта.

Указавши важнѣйшіе въ дѣлѣ воспитанія высокихъ чувствъ мотивы и элементы поэзіи Пушкина, нельзя не остановить вниманія на формѣ ихъ выраженія. Въ сферѣ искусства вопросъ о томъ, какъ выражается содержаніе, не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ, что выражается. Высотѣ и важности содержанія въ художественномъ произведеніи должно соотвѣтствовать изящество формы. Критика безповоротно рѣшила, что произведенія Пушкина въ этомъ отношеніи отмѣчены печатью гениальнаго художника. „Геній Пушкина тѣмъ и превосходитъ всѣхъ представителей русскаго искусства, что ни у кого изъ нихъ не проявляется въ творчествѣ такое гармоническое сліяніе красоты и правды, что никто съ такою чуткостью не ура-

зумѣлъ красоту и правду русской жизни, русскихъ народныхъ идеаловъ и никто не выразилъ ихъ въ такой ясности, опредѣленности, въ такой искренней простотѣ и полнотѣ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ представляетъ поистинѣ чудесное, изумительное явленіе, особенно если взять во вниманіе тѣ жизненныя условія, при которыхъ воспитался и проявилъ себя его гений“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 271).

Я не стану останавливаться на характеристикѣ поэзіи Пушкина, какъ поэзіи національной. Это повело бы насъ слишкомъ далеко. Да и въ сущности въ развитіи этого вопроса намъ пришлось бы повторять многое изъ сказаннаго о развитіи личности и творческихъ идеаловъ Пушкина. Русская литературная критика, „пройдя цѣлый рядъ колебаній, несправедливыхъ и легкомысленныхъ оцѣнокъ, признала наконецъ Пушкина величайшимъ гениемъ, истиннымъ основателемъ русской поэзіи, въ настоящемъ и высшемъ значеніи этого слова, зачинателемъ всего того, чѣмъ гордится теперь наша литература, чѣмъ славится она и у другихъ народовъ, великимъ учителемъ всѣхъ крупнѣйшихъ представителей русскаго творчества“. (Бур. *ibid.* Стр. 275).

При разсмотрѣніи развитія и творческихъ идеаловъ Пушкина невольно привлекаетъ вниманіе наблюдателя поразительное типическое совпаденіе важнѣйшихъ моментовъ этого развитія нашего поэта съ развитіемъ другихъ нашихъ великихъ писателей — Гоголя, Достоевскаго, Льва Толстого. Тѣ же муки сомнѣній, то же неустанное и неуклонное исканіе правды жизни и творческихъ идеаловъ, тотъ же, наконецъ, глубокий интересъ къ религіознымъ вопросамъ — вотъ эти поразительно типическія черты сходства. Фактъ — глубоко знаменательный и поучительный для національнаго сознанія.

Заключая рѣчь о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина, нельзя обойти молчаніемъ и мнѣніе перваго ея цѣпителя, великаго нашего критика-эстетика Бѣлинскаго, такъ любовно и не разъ останавливавшагося на пушкинской поэзіи. „Читая

его творенія, говоритъ Бѣлинскій, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поѣтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрочно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ“. . . „Чтеніе Пушкина должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ“. . . „Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поѣтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поѣта, какъ Пушкинъ“. (Бѣлинскій. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Т. II, стр. 719, 721).

Искреннее преклоненіе потомства предъ памятью и заслугами великаго человѣка можетъ быть основано на искреннемъ же и сознательномъ отношеніи къ этимъ заслугамъ, а такое отношеніе можетъ вытекать лишь изъ усвоенія высокихъ идей великаго человѣка, изъ зараженія, выражаясь словами гр. Толстого, его высокими чувствами. Всеобщій и доселѣ небывалый по отношенію къ писателю подъемъ духа въ нашемъ отечествѣ, по случаю чествованія столѣтней годовщины рожденія гениальнаго поѣта, составляетъ отрадное доказательство, будемъ вѣрить, того, что соотечественники чествуемаго поѣта, по крайней мѣрѣ образованнаго слоя, не чужды его идеямъ и чувствамъ. Но будемъ вѣрить и въ то, что сладкіе, по выраженію самого поѣта, звуки его пѣсенъ, по его пророчеству, пройдутъ по всей Руси великой, и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ — и гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій тунгузъ, и другъ степей калмыкъ. Непрерывно возрастающее внѣшнее могущество Россіи и внутренняя образовательная сила началъ ея государственности и гражданствен-

ности служатъ намъ въ томъ непрекаемымъ и надежнымъ залогомъ.

Но эта центростремительная сила русскаго могущества не лишена обаянія и за предѣлами государственными. Уже нашъ безсмертный поэтъ поставилъ вопросъ: сольются ли славянскіе ручьи въ русскомъ морѣ, хотя съ сомнѣніемъ прибавилъ: или оно изсякнетъ. Національная идея, столь широко разившаяся въ наше время, во времена Пушкина едва зарождалась. Духовное возрожденіе славянъ западныхъ вполнѣ опредѣлилось лишь къ половинѣ нынѣшняго столѣтія, а южныхъ — на нашихъ глазахъ. Въ пробужденіи самосознанія и политическаго возрожденія славянскихъ народностей отъ вѣкового порабоженія чуждыми народами Россія всегда принимала самое живое участіе, а освобожденіе южныхъ славянъ отъ турецкаго ига запечатлѣно кровью ея сыновъ. Но то было дѣломъ преимущественно политическаго могущества и вліянія Россіи. Однако сознаніе племенного, а у южныхъ славянъ и религіозно-исповѣднаго единства съ русскимъ народомъ составляло и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ славянскаго возрожденія. Западно- и южнославянскіе поэты и художники нерѣдко почерпали свое вдохновеніе въ сокровищницѣ русской литературы, и поэзія Пушкина въ этой сокровищницѣ всегда представляла для славянъ предметъ удивленія и поклоненія. Съ своей стороны Пушкинъ не разъ вдохновлялся славянскими мотивами („Черногорцы“, Пѣсни Западн. Славянъ). Если позволительно судить о будущемъ на основаніи прошлаго, то поставленный Пушкинымъ вопросъ теперь имѣетъ для насъ значеніе лишь въ первой своей части. Непрерывный ростъ могущества и вліянія Россіи, мирныя культурныя завоеванія ея, высокогуманныя, воодушевляющія весь образованный міръ, стремленія ея верховныхъ вождей даютъ намъ право отвергнуть мысль объ изсяканіи русскаго моря, объ оскудѣніи русской силы. И если суждено разрѣшиться поставленному Пушкинымъ вопросу о сліяніи, хотя бы духовномъ, славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, то

на знамени этого величаваго мірового движенія имя Пушкина будетъ изображено неизгладимыми чертами. Пѣвецъ красоты и гармоніи, пѣвецъ мира, дружбы и любви, по преимуществу, онъ будетъ сіять на этомъ знамени неугасающимъ свѣтомъ. Движеніе, возбужденное среди славянскихъ народностей чествованіемъ столѣтней годовщины рожденія нашего великаго національнаго поэта, свидѣтельствуетъ о живомъ сознаніи и чувствѣ ихъ въ отношеніи къ нашему торжеству, торжеству славянскаго генія.

Н. Ивановъ.

Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ 23 мая 1899 года.

Въ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ называлъ свою судьбу „блуждающей“, и дѣйствительно, мы видимъ великаго поэта почти постоянно кочующимъ. Москва, Царское Село, село Михайловское, С.-Петербургъ, Екатеринославъ, Пятигорскъ, Крымъ, Кишиневъ, Одесса, Псковъ, Эрзерумъ, Болдино, Оренбургъ и цѣлый рядъ другихъ географическихъ пунктовъ составляютъ главныя точки тѣхъ зигзаговъ, которые описывалъ Пушкинъ, странствуя по Россіи. Большая часть мѣстностей, посѣщенныхъ Пушкинымъ, оставили слѣды не только въ черновыхъ рукописяхъ поэта въ видѣ помѣтокъ о томъ, гдѣ написано то или другое произведеніе, не только на заголовкахъ его писемъ, но и въ художественныхъ созданіяхъ. По стихотвореніямъ Пушкина можно составить любопытную географію Европейской Россіи и Кавказа, куда войдутъ описанія цѣлаго ряда городовъ, рѣкъ, народностей и т. д. Благодаря именно этому обстоятельству уже начавшееся чествованіе памяти великаго поэта во многихъ городахъ Россіи будетъ имѣть не только обще-національный, но и мѣстный характеръ, что, безспорно, увеличитъ самую торжественность и сердечность этихъ празднествъ. Какіе бы подчасъ непривлекательные эпитеты ни вырывались у Пушкина по адресу того или другого города, эти эпитеты лучше всего знаютъ на мѣстѣ, этими эпитетами гордятся,

какъ свидѣтельствомъ о болѣе или менѣе кратковременномъ пребываніи великаго поэта въ извѣстномъ городѣ.

Нашъ Юрьевъ въ этомъ отношеніи несчастіе очень многихъ городовъ и даже селеній Россіи: Пушкинъ въ немъ не былъ даже проѣздомъ. Правда, въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, изданныхъ Анненковымъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, говорится, что, получивъ 12 августа 1833 года разрѣшеніе на поѣздку въ юго-восточную Россію, Пушкинъ началъ свое путешествіе, кажется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А. Карамзина“ (с. 362); но изъ писемъ поэта къ своей женѣ мы знаемъ, что Пушкинъ отправился изъ Петербурга прямо въ Москву, хотя, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе заѣхать въ Дерптъ къ Карамзинымъ ¹⁾. „Софья Николаевна (дочери исторіографа) объясни, — пишетъ Пушкинъ женѣ изъ Болдина 8 октября, — что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишніе 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать.“

Но если нашъ городъ и не можетъ гордиться тѣмъ, что имѣлъ счастье принимать величайшаго русскаго поэта, то все-таки старый Дерптъ играетъ немаловажную роль и въ жизни Пушкина и даже въ его поэзіи.

9 августа 1824 года Пушкинъ былъ водворенъ въ родовомъ имѣніи своей матери, знаменитомъ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Подневольное существованіе, скука одиночества, недостатокъ образовательныхъ средствъ для человѣка, желающаго „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“, наконецъ, безобразныя столкновенія съ отцомъ, одно изъ которыхъ заставило пылкаго поэта обратиться къ Жуковскому съ такой мольбой: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ,“ — всѣ эти невыносимыя для свободолюбиваго

1) Въ Дерптскомъ университетѣ въ это время учились сыновья исторіографа.

поэта условія заставили его помышлять о спасеніи посредствомъ бѣгства за границу.

Мысль объ эмиграціи впервые явилась у Пушкина еще на югѣ Россіи, во время пребыванія въ Одессѣ.

Придетъ ли часъ моей свободы?
спрашиваетъ Пушкинъ въ I главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Пора, пора! — зываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вдыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ . . .

О своемъ намѣреніи эмигрировать изъ Одессы писалъ Пушкинъ и брату: „Ты знаешь, я дважды просилъ . . . о своемъ отпускѣ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. *Ubi bene, ibi patria*. А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ растетъ тринѣтрава, братцы!“ Любовь и болѣе прозаическая причина — недостатокъ денегъ — помѣшали Пушкину привести въ исполненіе, можно сказать, завѣтную мечту своей молодости. Прощаясь съ моремъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, въ известной элегии „Къ морю“ поэтъ не позабылъ высказать сожалѣніе и о томъ, что ему не удалось покинуть Россіи.

Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій побѣгъ.
 Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
 Вотще рвалась душа моя:
 Могучей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.

Водворенный въ Михайловскомъ, Пушкинъ не замедлилъ возобновить знакомство съ П. А. Осиповой, владѣлицей сосѣдняго сельца Тригорскаго, и съ ея семействомъ, въ томъ числѣ съ ея сыномъ отъ перваго брака А. Н. Вульфомъ, студентомъ Дерптскаго университета. Знакомство съ Вульфомъ скоро перешло въ тѣсную дружбу, и съ нимъ подѣлился Пушкинъ своей завѣтной мечтой. Молодой другъ поэта предложилъ ему свои услуги, и въ результатѣ явился такой планъ: Пушкинъ, сославшись на предполагаемую болѣзнь, аневризмъ въ ногѣ, выхлопочетъ позволеніе отправиться въ Дерптъ къ знаменитому въ то время дерптскому хирургу Мойеру, а изъ Дерпта уѣдетъ за границу. Мать поэта обратилась къ самому императору Александру I съ просьбой о дозволеніи сыну съѣздить въ Дерптъ; благодаря Жуковскому, Мойеръ изъявилъ полную готовность позаботиться о Пушкинѣ. Дѣло было налажено хорошо. Поэтъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своего замысла и собирался трактовать съ братомъ о перепискѣ, о банкирѣ, черезъ котораго можно было бы пересылать деньги за границу, и о мѣстѣ пребыванія Чаадаева, бывшаго въ то время въ Западной Европѣ. 25 іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ въ альбомъ П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
 Въ изгнаньѣ мирпомъ оставаться,

Вздохать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но всѣ надежды Пушкина разсѣялись, какъ дымъ, когда онъ получилъ позволеніе (отъ 26 іюня 1825 г.) — ѣхать для лѣченія не въ Дерптъ, а въ Псковъ. Отвѣтомъ на это разрѣшеніе было ѣдкое письмо Пушкина, адресованное Жуковскому. „Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно . . . Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволода, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученomъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей. Не смотря на все это я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостью не почли за небреженіе или возмутительное упрямство, — но можно ли въ челоуѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ челоуѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволить онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства“.

Между тѣмъ обезпокоенная мать Пушкина и Жуковский вели переговоры съ Мойеромъ, упрашивая его пріѣхать въ Псковъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ пришелъ въ ужасъ, что почтенный ученый будетъ оторванъ отъ своихъ занятій и совершить утомительное путешествіе только для того, чтобы увидѣть передъ собой совершенно здороваго челоуѣка. „Сейчасъ получено мною извѣстіе, — писалъ Пушкинъ Мойеру 29 іюня 1825 г., — что В. А. Жуковский писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія,

что вы согласитесь, но умоляю васъ, ради Бога, не прѣзжайте и не беспокойтесь обо мнѣ. Операция, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковского.“

Между тѣмъ Пушкинъ узналъ, что за Мойеромъ была послана уже коляска въ Дерптъ. Это извѣстіе вызвало слѣдующее письмо къ Вульффу уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ: „Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ прѣѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. Вразумите его. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операции, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Вульффу уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ писалъ своему другу въ Дерптъ: „почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполне чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ“. Жуковскому же относительно Мойера Пушкинъ писалъ: „я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ“. Въ томъ же самомъ письмѣ отъ 6 октября Пушкинъ сообщалъ о своей поѣздкѣ въ Псковъ и о томъ, что псковскій губернаторъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя, что лѣчиться поэту въ Псковѣ невозможно. „Итакъ погодимъ, — говоритъ Пушкинъ, — авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу“.

Такимъ образомъ, Пушкину не удалось посѣтить Дерптъ и убѣжать оттуда за границу при посредствѣ дерптскаго

студента и дерптскаго профессора. Мы можемъ только по-радоваться, что нашему городу не суждено было сыграть въ жизни Пушкина такой-же фатальной роли, какъ въ жизни князя А. М. Курбскаго. Какъ ни проклиналъ Пушкинъ родину въ тяжелыя минуты своей жизни, какъ ни стремился онъ вырваться за границу и въ царствованіе императора Николая I, — нашъ великій поэтъ былъ патриотомъ еще до примиренія съ молодымъ царемъ. „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, — писалъ онъ князю П. А. Вяземскому изъ Пскова въ началѣ іюня 1826 г., — но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство.“ Вражда Западной Европы къ Россіи, съ особенною силою проявившаяся въ царствованіе императора Николая I и вызвавшая въ послѣдствіи негодующій протестъ Пушкина въ его одахъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, безъ сомнѣнія, отравила бы его пребываніе за границей. Пушкинъ-эмигрантъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несчастіе Пушкина-камеръ-юнкера. Самъ поэтъ въ послѣдствіи созналъ безразсудство своей юношеской мечты и, обращаясь неоднократно съ просьбой о заграничномъ отпускѣ, никогда, насколько извѣстно, не допускалъ и мысли о нелегальномъ отъѣздѣ въ Западную Европу. Въ минуты раздраженія изъ-подъ пера Пушкина вылетали фразы въ родѣ такой: „чортъ догадалъ меня родиться съ умомъ и талантомъ въ Россіи“; но въ одну изъ болѣе спокойныхъ минутъ онъ писалъ Чаадаеву 19 октября 1836 года: „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ чловѣкъ съ предразсудками — я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.“

Мы можемъ радоваться за Пушкина не только какъ за чловѣка, но и какъ за писателя. Пребываніе за границей,

вдали отъ живыхъ впечатлѣній русской жизни, безспорно, неблагоприятнымъ образомъ отразилось бы и на творчествѣ нашего великаго поэта. Наконецъ, мы должны радоваться и за Россію. Даже если допустить, что и за границей Пушкинъ сумѣлъ бы создать великія національныя произведенія, подобно Гоголю, написавшему „Мертвыя Души“ въ Римѣ, и Мицкевичу, создавшему „Пана Тадеуша“ въ Парижѣ, — то трудно было надѣяться, чтобы пылкая натура поэта, не сдерживаемая строгою цензурой правительства или друзей, удержалась отъ такихъ выходокъ по адресу русскаго правительства, которыя надолго преградили бы доступъ произведеніямъ Пушкина въ Россію и сдѣлали бы его „запрещеннымъ писателемъ“. Больше всего и прежде всего пострадала бы отъ этого, конечно, русская школа, въ которой Пушкинъ вмѣстѣ съ Крыловымъ являются незамѣнимыми педагогами.

Смерть императора Александра I положила конецъ мечтамъ Пушкина о бѣгствѣ за границу, но тяготѣніе великаго поэта къ Дерпту не прекратилось. Его влекли туда и дружба съ Вульфомъ и желаніе познакомиться съ Языковымъ, учившимся въ то время въ Дерптскомъ университетѣ. Уже черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ водворенія въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ пишетъ Вульфу въ Дерптъ 20 сентября 1824 г. слѣдующее посланіе :

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
 Пріѣзжай сюда зимою,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета.
 Лайонъ, мой курчавый братъ
 (Не Михайловскій прикащикъ),
 Привезетъ намъ, право, кладъ!
 Что — бутылокъ полный ящикъ.

Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни — любви посвящены,
 Ночью — царствуютъ стаканы;
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо.“ Въ слѣдующихъ письмахъ къ Вульфу мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Языковѣ, изъ которыхъ видно сильное желаніе Пушкина познакомиться съ „огненнымъ поэтомъ“ и глубокій интересъ къ его произведеніямъ. Пушкинъ шлетъ Языкову поклоны, хвалитъ его стихотворенія, дорожитъ даже пропущеннымъ при перепискѣ его стихомъ, проситъ новыхъ его стихотвореній и т. д. Наконецъ въ 1825 г. Пушкинъ посылаетъ въ Дерптъ извѣстное свое посланіе „Языкову“ :

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ —
 Они жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно бѣ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 И возвратился бѣ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно - вдохновенной

И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ самовластье:
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь,
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
 Влачу закованные дни.
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани . . .
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
 И наша троица прославитъ
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Совершенно иначе относился къ Пушкину Языковъ до своего личного знакомства съ нимъ. Подъ вліяніемъ профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ Перевощикова и съ высоты нѣмецкой литературы, которую изучалъ въ Дерптѣ Языковъ, онъ относился къ Пушкину довольно пренебрежительно. Познакомившись съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ въ неудовлетворительномъ списокѣ, Языковъ писалъ брату: „эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ“. Когда была

напечатана первая глава „Евгенія Онѣгина“, Языковъ писалъ изъ Дерпта: „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился! Думаю, что это самое худое изъ произведеній Пушкина“. Относительно второй главы романа Языковъ писалъ: „Я читалъ вторую главу „Онѣгина“ въ рукописи — не лучше первой! То-же отсутствіе вдохновенія, та-же риемованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи!“ „Но особенно неблагосклонно — говоритъ г. Шенрокъ — отнесся Языковъ къ невинному фарсу, разыгранному Пушкинымъ по поводу мнимаго аневризма въ ногѣ. Странно видѣть, до какого ригоризма доходилъ Языковъ, возмущавшійся со стороны Пушкина необдуманнѣмъ безпокойствомъ Мойера изъ-за небывалой болѣзни“¹⁾. Кромѣ того смущало Языкова и то обстоятельство, что Пушкинъ находился подѣ надзоромъ полиціи. Вотъ почему Языковъ не пріѣхалъ изъ Дерпта въ Тригорское ни въ 1824, ни въ 1825 г., не смотря на неоднократныя приглашенія Пушкина и П. А. Осиповой. Только въ 1826 г. явился Языковъ въ Тригорское, послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ Вульфѣ: „Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи“.

Личное знакомство съ Пушкинымъ, во время пребыванія въ Тригорскомъ съ 10 іюня по 1 августа, кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе Языкова къ своему великому современнику. По возвращеніи въ „градъ профессоровъ и скуки“ онъ написалъ разнымъ лицамъ рядъ стихотворныхъ и прозаическихъ посланій, въ которыхъ говоритъ о Пушкинѣ и о времени, проведенномъ съ нимъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. „Я вопрошалъ совѣсть мою, — писалъ поэтъ изъ Дерпта Вульфѣ въ февралѣ 1827 г., — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго, красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 года, ноябрь, сс. 163—164.

достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!“

Тотчасъ по возвращеніи въ Дерптъ Языковъ написалъ Пушкину слѣдующее посланіе:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной
Два первенца полночныхъ музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтический союзъ, и т. д.

Эту „годину золотую“ Языковъ „ознаменовалъ“ въ знаменитомъ стихотвореніи „Тригорское“, гдѣ между прочимъ говорится и о совмѣстной жизни поэтовъ на лонѣ природы.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы великаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ живы, пламенны ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ! и т. д.

Въ 1827 г. Языковъ писалъ Вульфъ изъ Дерпта :

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
 Все свято: Пушкинъ, ты да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бытія!

Въ томъ же году въ одномъ изъ посланій П. А. Оси-повой, вспоминая о пріѣздѣ Пушкина въ Тригорское, Языковъ называетъ его поэтомъ, совмѣстившимъ геній Вольтера, Гете и Расина¹⁾. Наконецъ, Языковъ почтилъ и няню Пушкина, знаменитую Арину Родіоновну, специальнымъ поэтическимъ посланіемъ, также написаннымъ въ Дерптѣ, и кромѣ того написалъ элегію по случаю ея смерти.

Пушкинъ не оставался въ долгу передъ дерптскимъ пѣвцомъ и на его восторженные посланія отзывался также и стихотвореніями и письмами, адресованными въ Дерптъ. 9 ноябрю 1826 г., по возвращеніи изъ Москвы въ село Михайловское, Пушкинъ благодарилъ Языкова за „Тригорское“ и между прочимъ писалъ: „Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная.“ Въ томъ же году на посланіе Языкова онъ отвѣтилъ стихотвореніемъ

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое! и т. д.

1) Заморской шляпою покрытый,
 Спѣша въ Тригорское, одинъ —
 Вольтеръ и Гете и Расинъ —
 Являлся Пушкинъ знаменитый.

Въ слѣдующемъ году, 14 іюня 1827 г., уже изъ Петербурга Пушкинъ отправилъ Языкову третье свое поэтическое посланіе въ Дерптъ.

Къ тебѣ собирался я давно
 Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 Ужъ зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ ¹⁾,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совѣмъ готовъ
 Неволю невскихъ береговъ.
 И что жъ? Гербовыя заботы
 Схватили за полы меня,
 И на Невѣ, хотъ нѣтъ охоты,
 Прикованный остался я.
 О юность, юность удалая!
 Могу-ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало, утопая,
 Займодавцевъ убѣгая,
 Готовъ былъ всюду я летѣть.
 Теперь докучно посѣщаю
 Своихъ лѣнивыхъ должниковъ;
 Остепенившись, проклиная
 Я тяжесть денегъ и годовъ.
 Прости, пѣвецъ, играй, пируй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
 Не знай сіятельнаго чванства,
 Не знай любезныхъ должниковъ
 И не плати своихъ долговъ
 По праву русскаго дворянства! ²⁾

1) Николай Дмитріевичъ Киселевъ — студентъ Дерптскаго университета, въ послѣдствіи русскій посолъ въ Парижѣ и Римѣ.

2) Дальнѣйшая исторія отношеній Пушкина и Языкова, очень характерная для послѣдняго, не имѣетъ связи съ Дерптомъ. Позволю

Говоря о попыткѣ Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу и о дружбѣ Пушкина съ Языковымъ, сдѣлавшей Дерптъ мѣстомъ, гдѣ писались одно время диетрамбы великому поэту и куда самъ Пушкинъ посылалъ свои поэтическія и прозаическія посланія, — я неоднократно упоминалъ имя Вульфъ. Этотъ представитель русской національности, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, — является довольно интересной личностью и помимо дружескихъ отношеній къ нему Пушкина и Языкова. „Академическій альбомъ“ Дерптскаго университета сообщаетъ о Вульфѣ очень немного: родомъ изъ Пскова, родился въ 1805 г., изучалъ военныя науки съ 1822 по 1825 г., кончилъ курсъ кандидатомъ, дослужился въ военной службѣ до чина полковника, умеръ въ 1851 г.¹⁾ Но помимо этихъ официальныхъ и не во всемъ вѣрныхъ свѣдѣній, мы знаемъ Вульфа, во первыхъ, по цѣлому ряду посвященныхъ ему Языковымъ стихотвореній, гдѣ между прочимъ Вульфъ называется „проповѣдникомъ и героемъ академической свободы“. Затѣмъ изъ рассказовъ покойнаго Семева, по-

себѣ отмѣтитъ, что въ то время, какъ Языковъ съ Дельвигомъ и Баратынскимъ составляли для Пушкина, по выраженію Анненкова, „плеяду, поставленную имъ почти въ всякой возможности суда, а еще мѣше, какого-либо осужденія,“ — авторъ „Тригорскаго“ въ тридцатыхъ годахъ позволялъ себѣ такіе же неодобрительные отзывы о Пушкинѣ, какъ и прежде, до личнаго съ нимъ знакомства. „Повѣсти Бѣлкина“, за исключеніемъ „Выстрѣла“ и „Барышни-крестьянки“, по мнѣнію Языкова, „не стоятъ письма, а тѣмъ паче — печати.“ Сказки Пушкина, „по отзыву Языкова, „далеко отстали отъ (сказокъ) Жуковскаго“. Относительно „Бориса Годунова“ Языковъ писалъ брату: „Пушкинъ издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть въ эти пять лѣтъ поправлялъ его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать слѣдовало.“ При такомъ отношеніи къ Пушкину не удивительно, что Языковъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти великаго поэта довольно сдержанно. Въ то время, какъ Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ, Марлинскій, Вяземскій, Губеръ, Кольцовъ и цѣлый рядъ другихъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ оплакали смерть Пушкина, какъ національное и личное горе, отъ Языкова остались слѣдующія строки въ письмѣ изъ симбирской деревни: „И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки подлога вѣмчурки.“

1) На самомъ дѣлѣ, Вульфъ умеръ въ селѣ Тригорскомъ въ 1881 г.

сѣтившаго въ срединѣ шестидесятихъ годовъ село Тригорское, мы знаемъ, что Вульфъ, будущій гусаръ русской службы, а впослѣдствіи, кажется, предводитель дворянства Тверской губерніи, — во дни своего студенчества мечталъ объ объединеніи Германіи и былъ однимъ изъ немногихъ дерптскихъ членовъ буршеншафта¹⁾. Далѣе, опубликованные недавно академикомъ Л. Н. Майковымъ отрывки изъ дневника Вульфа²⁾ показываютъ, что ихъ автора должно присоединить къ числу образованныхъ людей своего времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, въ записной книжкѣ Пушкина отъ 1831 г. осталась слѣдующая замѣтка: „Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ.“ Студентъ этотъ былъ А. Н. Вульфъ, которому суждено, было сдѣлаться, до нѣкоторой степени, оригиналомъ для одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ.

Извѣстно, что, живя въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ между прочимъ написалъ большую часть „Евгенія Онѣгина“, и что жизнь Онѣгина въ деревнѣ до мельчайшихъ подробностей напоминаетъ жизнь Пушкина въ псковской деревнѣ, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство самого поэта.³⁾ Однимъ изъ занятій Онѣгина въ деревнѣ, какъ мы знаемъ изъ II главы романа, были долгіе споры съ Ленскимъ.

Между ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:

1) „Русскій Архивъ“ 1867 г.

2) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ и апрѣль.

3) „Въ IV пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ я изобразилъ свою жизнь“ (письмо кн. Вяземскому).

Племень минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизньъ въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.

Писаревъ въ свое время не безъ основанія глумился надъ Пушкинымъ за то, что поэтъ заставилъ своего героя вести споры о недоступныхъ его пониманію вещахъ. Иначе представляется дѣло, если мы поставимъ на мѣсто Онѣгина — Пушкина, а на мѣсто Ленскаго — Вульффа. Пушкинъ, насколько мы его знаемъ въ настоящее время, и Вульфъ, съ которымъ мы только что познакомились, вполне въ состояніи были вести упомянутые споры. Самая характеристика Ленскаго въ многомъ напоминаетъ Вульффа.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

Вульфъ, насколько извѣстно, не былъ поэтомъ, но и „геттингенская душа“¹⁾, и преклоненіе передъ Кантомъ, и „учености плоды“, и „вольнолюбивыя мечты“, и „духъ пылкій и довольно странный“ — все это могло быть у члена

1) А что такое „геттингенская душа“, — Пушкинъ зналъ на основаніи знакомства съ братьями Тургеневыми, закончившими свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ.

буршеншафта и было на самомъ дѣлѣ у Вульфа. Поэтому заслуживаютъ полного довѣрія слѣдующія строки изъ дневника Вульфа отъ 15 іюня 1833 года: „Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ я сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу „Онѣгина“, одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Пушкина, украшеніемъ нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично — источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ „Онѣгинѣ“, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“ ¹⁾.

Итакъ, попытка Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу, письма и поэтическія посланія въ Дерптъ Языкову и дружба съ дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, являющимся, до нѣкоторой степени, оригиналомъ Ленскаго, даютъ право заявить, что старый Дерптъ игралъ немаловажную роль въ жизни Пушкина, при томъ въ наиболѣе важный періодъ его жизни, именно во время пребыванія поэта въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ Пушкинъ окончательно отрѣшился отъ подражательности и выступилъ на поприще національнаго творчества.

1) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ, сс. 530—531.

М. Столяровъ.

1045

Цѣна 2 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.
